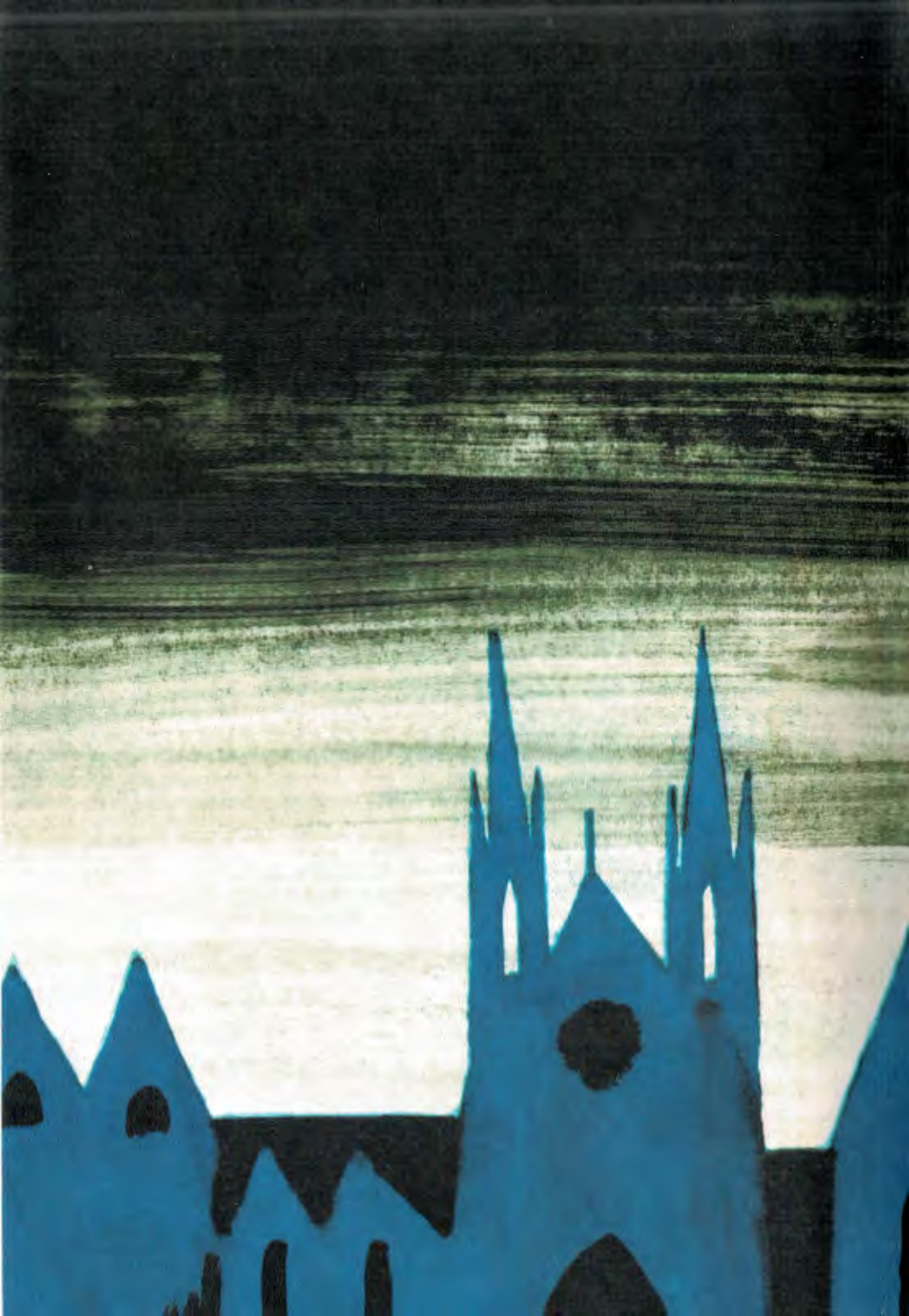

84Р6
П 80

СОФЬЯ ПРОКОФЬЕВА

ОСТАВЬ ОКНО ОТКРЫТЫМ

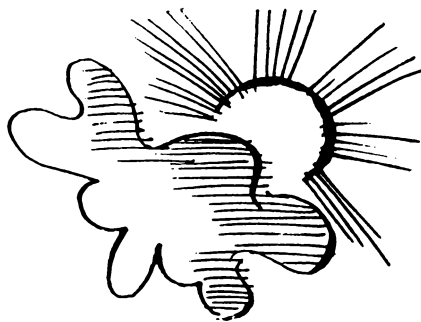
Интернет-сайт «BiblioГид» — www.bibliogid.ru — давний проект Российской государственной детской библиотеки. Десять лет назад он был задуман как дружеский разговор со взрослыми о детских книгах и все эти годы по мере сил помогал родителям растить новых читателей. Серия «BiblioГид рекомендует» — уже не виртуальное, а реальное продолжение такого разговора.

Сказать по правде, слово «серия» нам не очень нравится. Нет зрелища более унылого, чем бесконечные, безликие ряды серийных изданий, стоящих на полке, как солдаты на плацу. Наши книги не для украшения интерьеров и заполнения шкафов, а прежде всего — для чтения, поэтому, относясь к одной серии, они будут разного формата, разных жанров и для ребят разного возраста. У книги, как у человека, должно быть свое лицо — тот неповторимый облик, что в самом начале создается художником и с большим трудом вписывается в серийные рамки.

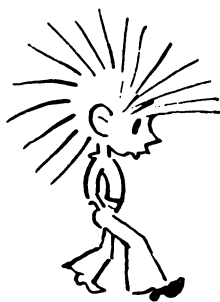
Взглянув на обложку этой или любой другой нашей книги, многие наверняка воскликнут: «А у меня в детстве была точно такая же!» Если угодно, это и есть главная цель совместного проекта Издательского Дома Мещерякова и сайта «BiblioГид»: мы хотим, чтобы хорошие книги вернулись к нам в том виде, в каком мы их запомнили и полюбили с детства.

*Алексей Конейкин,
главный редактор сайта «BiblioГид»*

Софья
Прокофьева

ОСТАВЬ ОКНО ОТКРЫТЫМ

Повесть-сказка

Издательский Дом Мещерякова
Москва
2011

УДК 821.161.1-053.2
ББК 84 (2Рос=Рус)6
П80

Совместное издание
Издательского Дома Мещерякова
и сайта «BiblioГид»

Художник *Е. Медведев*

Прокофьева, С.

П80 Оставь окно открытым : повесть-сказка / Софья Прокофьева ; рисунки Е. Медведева. — М. : Издательский Дом Мещерякова, 2011. — 248 с. : ил. — (BiblioГид рекомендует).

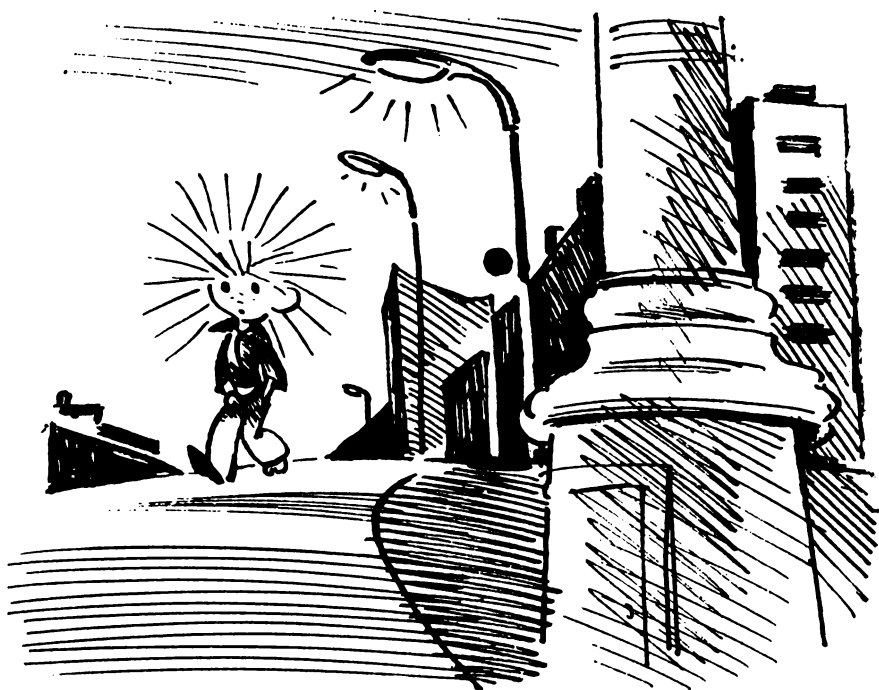
ISBN 978-5-91045-287-3

Самый добрый солнечный луч на свете, превратившись в веселого и озорного человечка Веснушку, помогает людям. Он борется с несправедливостью и злой Темнотищей, делится со всеми теплом и светом, а также находит настоящего друга — девочку Катю, чьи рыжие волосы и золотые веснушки напоминают ему о Солнышке.

УДК 821.161.1-053.2
ББК 84 (2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-91045-287-3

© С. Прокофьева, текст, 2011
© Е. Медведев, рисунки, 2011
© ЗАО «Издательский Дом
Мещерякова», 2011

Глава 1

ЧУДЕСА НАЧИНАЮТСЯ

Была сырая ветреная ночь.

Милиционер Петров Василий Семенович стоял на посту.

Тяжелые тучи ползли по небу. Наверное, им было скучно плыть над тихим, крепко спящим городом, и, чтобы хоть немного развлечься, каждая из них превратилась в какого-то невиданного зверя. Они по очереди наползали на луну.

«Вот сейчас луну проглотил лев, — рассматривал их Василий Семенович, — нет, пожалуй, это не лев. Скорее крокодил, а его три ноги больше всего напоминают толстые ножки рояля...»

Все дома стояли темные, притихшие. Только на верхнем этаже самого высокого дома голубым светом горело одно окно.

Оно всегда не гасло дольше других. Как будто боялось, что Василию Семеновичу будет тоскливо одному на темной улице. Но вот и оно погасло.

Улицу не спеша перешел серый кот. Он шел, мягко извиваясь своим длинным тощим телом.

Милицционер Петров отлично знал этого кота. Да и кто же его не знал? Еще бы! Ведь этот кот был первый плут и воришка во всем районе.

Звали его — Кот Ангорский, хотя на самом деле это был совершенно обыкновенный, подзаборный, ничуть не пушистый кот.

Имя «Кот Ангорский» придумал его хозяин. Дело в том, что его хозяин...

Но нет, нет, нет! Не будем торопиться! Пока о его хозяине ни слова. Мы еще успеем с ним хорошенько познакомиться. Мы еще успеем встретиться с ним не один раз. А пока...

Кот Ангорский спокойно и равнодушно посмотрел на Василия Семеновича плоскими, ярко блеснувшими серебряными глазами.

В зубах он держал сосиску в целлофане. Еще двенадцать точно таких же сосисок, одна за другой, влочилились за ним по земле, словно небольшой поезд из двенадцати вагончиков.

Луна на минуту выглянула из живота диковинной рыбы с длинными ушами.

Кот Ангорский мягко перешагнул через трамвайные рельсы — сосиски, поблескивая целлофаном, запрыгали вслед за ним.

Кот свернул в черную подворотню и исчез.

— Ах, непорядок... — поморщился Василий Семенович. — Ясное дело, стянул он у кого-нибудь эти сосиски, не иначе. Утром люди проснутся — где сосиски? А ведь тут завтрак на целую семью...

Василий Семенович, продолжая огорченно хмуриться, достал из пачки папиросу и сунул ее в рот.

Он рассеянно похлопал себя по карманам, но спичек в карманах не нащупал.

Василий Семенович оглянулся. Ни одного прохожего не было видно на улице. Ни в одном окне не горел свет.

— Где же, однако, раздобыть спички? — оглядываясь, пробормотал Василий Семенович.

И вдруг...

Да, мой читатель, именно «вдруг». Потому что удивительное начинается всегда неожиданно. Без всякого предупреждения, без звонка по телефону... Вдруг — оно началось!

Вдруг...

...Произошло нечто невероятное: Василий Семенович увидел алый огонек на кончике своей папиросы.

Папироса раскурилась сама собой. Кверху поднимался голубоватый дым завитушками.

Василий Семенович от неожиданности чуть не выронил папиросу.

Но тут он удивился еще больше. На красном тлеющем кончике папиросы сидел маленький человечек.

Он был весь словно выгнут из тонкой золотой проволоки. Его прямые волосы торчали в разные стороны, как иглы ежа, а большие уши сильно оттопыривались.

На человечке были узкие джинсы и смешная куцая курточка на «молнии».

Он сидел совершенно спокойно. Запрокинув голову и опершись позади себя руками о папиросу, он глядел на луну.

При этом он рассеянно покачивал одной ногой в разношенном башмаке. Башмак, пожалуй, был даже слишком велик, того гляди свалится. Вторая нога была босая. Василий Семенович отлично разглядел круглую пятку и пять маленьких пальчиков.

Да, не будем скрывать, Василий Семенович удивился. Мало этого, он даже растерялся.

Но больше всего Василия Семеновича поразило выражение лица маленького человечка.

Человечек глядел на луну печальным, унылым взглядом. Именно унылым, даже каким-то безнадежным. Он зябко передернул плечами.

Потом человечек зашевелил губами, что-то забормотал негромко, словно про себя. Но Василий Семенович все-таки расслышал.

— Честное слово... Честное рыжее... Я знаю точно — наверняка — непременно — без всякого сомнения: Солнышко опять встанет. Никуда оно не денется. Кто не верит... ну и пусть... ему же хуже... А я — верю! И все-таки как грустно жить ночью...

Василий Семенович, конечно, ничего не понял.

«Я не сплю, — подумал он. — Потому что заснуть на посту я не мог ни при каких обстоятельствах. Это исключено. Но в таком случае: кто это? Или: что это? Если это „кто-то“, то кто это? А если это „что-то“, то что это? Непонятно!»

В конце концов Василию Семеновичу показалось, что вся его голова набита одними вопросительными знаками.

Вдруг человек с озабоченным видом повернулся к Василию Семеновичу.

— Я уверен, вы знаете. Ну, конечно, вы знаете, вы просто обязаны знать: у кого в этом городе больше всего веснушек?

Думаю, никому не известно, какие именно вопросы задают маленькие человечки, сидящие на кончике папиросы. Но этот вопрос, скажем прямо, застал Василия Семеновича врасплох.

— Ну, веснушек, — чуть нетерпеливо повторил человек. Он брезгливо отмахнулся от струйки дыма и постучал пальцем по своему носу и щекам: — Таких чудесных, очаровательных рыжих веснушек?

Василий Семенович откашлялся.

— Я вас понял, — хрипловато ответил он. — Веснушек. Конопушек, да?

И Василий Семенович тоже постучал пальцем по своему носу и щекам.

На луну, как наволочка на подушку, натянулось такое темное облако, что она совсем исчезла.

Что такое? Это было уже совсем странно, непонятно и необъяснимо.

Маленький человечек в темноте светился.

Конечно, не очень ярко. Ну, не так, как стосвечовая электрическая лампочка. Я не ошибусь, если скажу, что он светился как маленький карманный фонарик.

«Я должен сейчас же понять, что это такое, — страдальчески морщась, подумал Василий Семенович, — иначе... Но что же иначе?.. Нет, скорее всего, это просто игрушка. Конечно, это игрушка. Что я, собственно, разволновался? Великолепная, разговаривающая игрушка на транзисторах...»

У Василия Семеновича как-то сразу отлегло от сердца.

— Больше всего веснушек у Зины-первоклашки, — уже гораздо спокойней сказал он.

— У Зины-первоклашки? — заинтересовался человек.

— Впрочем, нет, — спохватился Василий Семенович, — пожалуй, у Кати с Большой Почтовой.

— Знаете, иногда одна веснушка может решить все дело, — доверчиво и серьезно сказал маленький человек. — Так вы говорите, у Кати с Большой Почтовой?.. Ох, спина затекла. Даже мурашки бегают...

Человечек кряхтя встал на ноги, выпрямился, охнул и потер поясницу.

Василия Семеновича вновь охватили сомнения.

«Могут ли у игрушки бегать по спине мурашки? — подумал он. — Ну, конечно, не могут...»

— Что-то по ночам спину ломит, — пожаловался человек. — Все с тех пор, как я целый день зимой просидел на льду. Там подо льдом плавала одна моя знакомая рыба. Такая славная рыбешка. Ну, мне надо было сказать ей пару слов по секре-

ту. Знаете, если хотите кому-нибудь рассказать секрет, не найдете никого лучше рыбы. Никому не разболтает.

«Ох, могут ли быть у игрушки секреты? — опять с тоской подумал Василий Семенович. — Ну, конечно, не могут...»

Человечек быстро пробежал по папиресе, перескочил на руку Василия Семеновича.

Топ-топ-топ! Василий Семенович чувствовал каждый его шаг на своей руке.

Человечек прыгнул к нему на рукав. Добежал до локтя, запрокинул голову. Посмотрел на Василия Семеновича.

— Конечно, о чем речь? Я прожег льдину насквозь. Но с тех пор что-то спину ломит. Особенно по ночам... Вообще, не люблю, когда ночь... Зачем, зачем она, эта ночь?..

Лицо у человечка стало совсем печальным. Он соскочил вниз и пошел по улице, понурившись, глядя себе под ноги.

Он шел и слабо светился, словно фонарик позади машины. При этом он чуть прихрамывал. Ведь одна его нога была обута в башмачок, другая — босая.

Еще Василий Семенович разглядел, что карманы его куртки были чем-то туго набиты. Они так сильно оттопыривались, что он задевал их руками, когда шел.

Человечек казался таким беззащитным, что Василию Семеновичу даже стало страшно за него. Ведь любой прохожий мог нечаянно наступить на него, раздавить подошвой.

Человечек дошел до угла, обернулся, дружелюбно поднял кверху светящуюся ладошку и скрылся.

Василий Семенович остался один посреди темной улицы. Высокие дома пристально смотрели на него черными окнами.

«Что же это? — уже в который раз задал себе все тот же вопрос Василий Семенович. — Теперь я так и буду мучиться, пока не разберусь до конца во всей этой невероятной истории. Знаю я свой несчастный характер. Не будет мне теперь покоя, пока не пойму: кто же это все-таки сидел на кончике моей папиросы?»

Глава 2

ЧУДЕСА... В ТАРЕЛКЕ С МАННОЙ КАШЕЙ

— Никогда больше не пойду во двор! — Катя топнула ногой. — Хочешь, я сейчас дам честное слово, что никогда не пойду во двор? Ну, хочешь, хочешь?

— Нет, нет, не хочу, — поспешно сказала мама, — и вообще, давать честное слово по пустякам, куда это годится?

— Да, тебе с папой все пустяки, — с горьким укором сказала Катя. — Я вот недавно палец порезала прямо до кости, а папа говорит — «пустяки».

— Может быть, не до кости?.. — осторожно заметила мама.

— Не видала, а говоришь. — Губы у Кати задрожали, на глаза набежали слезы.

— Опять Васька дразнился? — догадалась мама.

— Рыжая, конопатая, нос лопатой, — проворчала Катя, угрюмо отвернувшись.

— Вот я поговорю с его бабушкой!

— Ты что? — Катя резко повернулась к маме. — Хочешь, чтобы меня дразнили: «Ябеда, корябеда,

турецкий барабан. Кто на нем играет? Катька-таракан». Или: «Ябеда-доносчица, курица-извозчица». Этого хочешь, да?

— Ну, тогда сами разбирайтесь. Что я могу?.. — беспомощно развела руками мама.

Но тут мама посмотрела на часы и стала уже другой мамой. Это была «мама, опаздывающая на работу».

На маму как-то сам собой наделся строгий синий костюм, прыгнула в руки сумочка.

Мама поставила перед Катей тарелку с манной кашей, где круглым желтым глазком плавал кусок подтаявшего масла.

— Съешь кашу и гулять, гулять! — распорядилась мама. Наскоро поцеловала Катю в ухо. Дверь за ней резко захлопнулась.

— Вот дам честное слово, что не пойду гулять, тогда всё, права не имеете... — проворчала Катя.

Катя подперла щеки кулаками и задумалась. Ей было о чем подумать.

Дело в том, что под самое утро ей приснился удивительный сон. Она даже засомневалась, может, это и не сон вовсе. Но оказалось, все-таки сон. Что-то теплое приятно щекотало ей то нос, то щеку, то лоб. При этом чей-то тоненький голосок восхищенно приговаривал:

— Девятьсот девяносто восемь... Какая кругленькая... девятьсот девяносто девять... А эта, нет, вы только посмотрите до чего золотая... Тысяча... Тысяча и еще одна... А вот в эту я просто влюбился!..

Катя лежала зажмурившись. Открывать глаза не стоило. Известное дело: проснешься, и всё.

А голосок, не уставая, всё считал и считал: тысяча двести пять, тысяча двести шесть...

— О-о! — послышался восторженный стон. — Эта на звездочку похожа! Ну, просто редкость! В музей надо такую. В музей для веснушек.

Тут Катя, как ни крепилась, все же не выдержала, повернула голову и открыла глаза. И, конечно, все испортила. Голосок тут же смолк. Сон кончился.

«Как бы сделать, чтобы еще такой сон приснился?» — подумала Катя.

— Тону! Спасите! Помогите! — вдруг кто-то отчаянно закричал совсем близко, совсем рядом с Катей.

Катя вскочила, испуганно огляделась.

— Тону! Засасывает! Тащи меня из этого болота! — опять раздался тот же голос. Голос был тонкий, пронзительный и почему-то знакомый.

Катя быстро посмотрела во все стороны, заглянула под стол, задрала голову кверху. Нет, потолок и люстра, конечно, и не думали тонуть.

— Да тут я! Здесь! — надрывался голосишко. — Куда ты смотришь? Ниже. Еще ниже. Глупая девчонка! Смотри на стол! Смотри в тарелку! В кашу гляди!

И тут Катя увидела, что из манной каши торчит маленькая круглая головка и две тонкие руки с отчаянно растопыренными пальцами.

Катя от изумления застыла на месте. Крепко зажмурилась, снова открыла глаза. Нет, человечек не исчез.

— Подцепи меня ложкой! — человечек сердито захлопал руками по манной каше. — Ну, что ты стоишь? Не знаешь, что такое ложка?

У Кати в голове был какой-то туман. Но она послушно схватила ложку, поддела ею маленького человечка.

Человечек, весь облепленный манной кашей, словно муха, попавшая в банку с вареньем, с трудом переполз к Кате на руку. Стал отряхиваться, счищая с себя кашу.

— Я сидел на тарелке, а краешек был в масле. Я поскользнулся и — вжик!.. — недовольным голосом объяснил человечек. — Вот уж действительно глупая глупость!

Он завел руку за спину, досадливо сморщил лицо, стараясь соскрести кашу со спины. Катя заколебалась: может, помочь ему? А вдруг еще обидится?

— Ну что, довольна? — сердито проворчал человечек. — Я тону, а она, видите ли, по сторонам глазеет. Не хватает только, чтобы ты начала себя щипать!..

Человечек косо, подозрительно поглядел на нее. Катя моргнула.

— Терпеть не могу, когда люди, познакомившись со мной, начинают себя щипать, — человечек язви-

тельно скривил губы. — Мол, мне все это только снится. Сейчас ущипну себя побольней и проснусь. Может, и ты думаешь: «А вдруг мне это только снится?»

— Да, — еле слышно выдохнула Катя.

— Вот-вот!.. — с глубокой обидой кивнул человек. — Так и давай считать: я тебе только снюсь.

Катя в растерянности промолчала, не зная, что сказать.

— Конечно, меня нет, — пробормотал человек, низко опустив голову. — Не было и нет. И, скорее всего, никогда не будет. Очень приятно это выяснить наконец-то.

— Нет, ты, наверное, есть, — прошептала Катя.

— Наверное! — так и подскочил человек. Сгорьким упреком посмотрел на нее. — Ах, наверное?.. Если хочешь знать, это еще обиднее. Не то я есть, не то меня нет!

— Да нет, ты есть! — смущенно сказала Катя.

— Нет уж: теперь поздно, — у человечка задрожал голос. — Все ясно. Меня нет. Что уж тут... И не утешай...

— Но я же тебя вижу. И потом, ты — теплый! — с мольбой воскликнула Катя. — Честное слово — ты есть!

— Тогда зачем же весь этот шум и скандал? — вдруг повеселел человек.

Он засмеялся, привстал на цыпочки, потянулся.

— Эй, рыжая, конопатая! Чего там задано по математике? — слышался со двора гнусавый Васькин голос.

Это просто удивительно, каким противным голосом умел кричать Васька. Он нарочно зажимал нос двумя пальцами, чтобы получилось еще противней.

Нет, недаром Катя всегда считала, что жить на первом этаже — мученье. Конечно, не всем людям, а только рыжим. Особенно, если у них еще веснушки.

По справедливости им должны давать квартиры на самом верхнем этаже самого высокого дома. Чтоб никакой Васька не докричался.

И почему это он всегда только у нее узнает уроки? Никогда не спросит у Нинки-блондинки или еще у кого-нибудь из девчонок. Только у нее.

— Эй, рыжая в крапинку, пойдй умойся! Дай уроки, не жадничай! — надрывался во дворе Васька.

— Если я не ошибаюсь, он сказал «рыжая в крапинку»?.. — сощурившись, протянул человечек, приставив к уху ладошку, чтобы лучше слышать. — Кто это?

— Да так, один мальчишка с нашего двора, — неохотно призналась Катя.

— Скорее-быстрее-сейчас же-немедленно покажи мне этого мальчишку! — воскликнул человечек. Он сердито и обиженно посмотрел на Катю.

Его маленькие ножки стали очень горячими. Они так и жгли Кате ладонь. Особенно левая, босая, без башмака. Катя скривилась, но, не охнув, стерпела боль.

— Во двор! — скомандовал человечек.

Глава 3

ПОЖАР В КАРМАНЕ

Катя вышла из темного подъезда на солнце, зажмурилась.

Человечек доверчиво пристроился на ее плече. Сидел, держась рукой за край воротника. Слабо грел кожу сквозь платье.

— Солнышко... — вдруг тихо и мечтательно сказал человечек.

«Живой, а такой маленький, — подумала Катя. — Я и не знала, что такие человечки бывают на свете. Мама мне никогда не говорила, и в школе мы еще такого не проходили. Наверное, на будущий год проходить будем. А какой славный. Ох, до чего ж здорово, что я уже все уроки выучила!..»

И правда, когда такое случилось, кому это захочется решать задачи или списывать упражнения?

К счастью, Васьки нигде не было видно.

Катя, стараясь держать спину прямо, осторожно присела на лавочку.

— Когда такое солнышко, и настроение, между прочим, совсем другое. Правда? — доверчиво сказал человечек. И, не дожидаясь Катиного ответа, словно уверенный, что она обязательно скажет «да», весело затараторил: — Был я у Зинки-первоклашки, был. У нее тоже мировые веснушки. Так что ты не очень-то... Не одной тебе повезло.

Катя даже вздрогнула от удивления.

— Значит, прыгнул я в форточку, — продолжал человечек. — Понимаешь, терпеть не могу проходить сквозь стекло. Вот уж глупая глупость эти стекла. Зачем их только ставят? Лезешь сквозь него, лезешь, даже жарко станет. Но тут форточка была открыта. Удачно получилось. Пока Зинка-первоклашка спала, я все ее веснушки пересчитал. Правда, сперва она спала, уткнувшись носом в подушку. Но все равно, у тебя на три веснушки больше. — Человечек вдруг застенчиво улыбнулся. Теплый, прижался к Катиной шее, сказал совсем тихо: — Знаешь что? Хочешь, зови меня просто Веснушка. И еще... — Веснушка по-

смотрел ей прямо в глаза. — Пусть твое окно всегда будет открытым. Чтобы я всегда мог войти. Ладно?

Катя кивнула.

Мимо Кати прошел большой тощий пес со впалыми боками.

У него была удивительно грустная морда. Огорченные уши. И шерсть — печального цвета. Да, да! Не серая, не рыжая, а именно печальная.

Проходя мимо Кати, он посмотрел на нее печальными, любящими глазами, вздохнул.

— Привет, Пудель! — тихонько окликнула его Катя.

— Тоже мне, пудель, — фыркнул Веснушка. — Никогда не видел собаки менее пудельной, чем эта. Это же самая раздворняжная дворняга, какую я только когда-либо видел.

— Не пудель, — согласилась Катя. — Только его хозяин стесняется, что он просто дворняга. Вот он и дал ему имя по породистей: Пудель. Знаешь, какой он противный!

— Кто, Пудель?

495279

— Да нет, его хозяин.

— Сам виноват твой Пудель, — Веснушка осуждающе покачал головой. — О-хо-хо! Надо было глядеть, кого выбирать.

Катя вытаращила глаза.

— Как это глядеть? Ведь это хозяин выбирает себе собаку, а не собака хозяина.

— Ну и глупо, — пожал плечами Веснушка. — Я считаю, вне всякого сомнения, собака сама должна выбирать себе хозяина. Солидней надо себя держать, солидней. Прийти, посмотреть не торопясь, все как следует не спеша обдумать. Не хватать кого

попало, первого встречного. Если не понравится, так прямо и сказать: «Извините, вы и ваша конура не совсем в моем вкусе». А если понравится, не суетиться, не кидаться на шею. Согласиться вежливо. Главное, с достоинством. Например, сказать: «Ну что ж. Не возражаю. Беру вас в хозяева». Или: «Я согласен. Вы мне милы». Это было бы гораздо лучше.

«Правда, лучше, — подумала Катя. Тихонько вздохнула. — Вот не знаю, но почему-то мне кажется: Пудель выбрал бы в хозяйки меня».

Рядом с Катей на лавку уселся воробей. Вид боевой, перышки на шее — торчком, хвост выщипан в драках.

Увидев Веснушку, от восторга разинул клюв, замахал крыльями, будто собираясь упасть в обморок. Ничуть не боясь, начал все боком-боком подбираться ближе.

Веснушка спокойно кивнул воробью, как старому знакомому.

Воробей затанцевал на скамейке, захлебываясь от восторга, зачирикал.

— Ничего, спасибо, так, понемножку, — чинно ответил Веснушка.

Воробей опять что-то радостно и пронзительно чирикнул, но вдруг, словно поперхнувшись, смолк, взлетел кверху и повис над Катей, треща короткими крылышками.

В эту минуту откуда-то сзади через спинку скамейки протянулась длинная рука.

Рука — цоп! Схватила Веснушку.

Это был, конечно, Васька. Конечно, он! Кто же еще? Наверное, он только для того и родился, чтобы отравлять Кате жизнь.

— Заводной человечек! — завопил Васька.

Он сунул Веснушку в карман, рывком перелетел через клумбу и понесся к воротам.

— Отдай! — отчаянно закричала Катя и бросилась за ним вдогонку.

Но она сразу поняла, что ей не догнать Ваську. Еще бы. У него и ноги были совсем особенные, тренированные. Если ты всех мучаешь, дразнишь, изводишь, то и бегать надо уметь быстрее всех на свете.

Расстояние между ними все увеличивалось.

— Рыжая, конопатая, нос лопа-а-а!..

Васька вдруг с разбегу остановился, расставив ноги, с ужасом глядя на карман своей куртки, куда он сунул Веснушку.

Из его кармана, разрастаясь, клубами валил густой черно-бурый дым.

Да, это был настоящий пожар в кармане! Можно было подумать, что в кармане его куртки развели небольшой костер.

Васька закрутился на месте, метнулся в сторону — но попробуй-ка убеги от собственного кармана!

— Спасите меня! Тушите меня! — заорал Васька, кашляя от дыма и бестолково махая руками.

Катя подбежала поближе. Ой! Она чуть не наступила на Веснушку.

Веснушка лежал на тротуаре, закрыв глаза, безжизненно раскинув руки в стороны.

— Убился!.. — в отчаянии вскрикнула Катя.

— Не совсем... — томным, умирающим голосом проговорил Веснушка и почесал одну ногу о другую.

Катя быстро подняла Веснушку, подышала на него, подула. Прижала к себе. Но Веснушка стал такой горячий, что ей пришлось перекидывать его с ладони на ладонь, как только что выпеченный пирожок.

Тем временем Васька со всех ног, оставляя за собой волнистый хвост дыма, мчался на другой конец двора.

Там дворник дядя Семен с задумчивым видом поливал голую клумбу, на которой торчали только рыжие пучки прошлогодней травы.

Послышался изумленный и негодующий голос дяди Семена — Васька с разбегу влетел в падающую струю воды.

— Ловко я? — Веснушка от удовольствия рассмеялся. Уселся на Катиной ладони, поерзал, устраиваясь поудобнее.

— А я так испугалась... — призналась Катя.

— Чего пугаться? Все просто, как Солнышко! — Веснушка снисходительно посмотрел на нее. — Этот мальчишка сунул меня в карман. Представляешь? Кого? Меня! Куда? В карман! А карман — это как раз такое место, где никогда не бывает Солнышка. Нет, правда, видала ли ты когда-нибудь карман, где светит Солнышко? Не знаю, может быть, ты скажешь, что видала? — Веснушка подозрительно посмотрел на Катю.

— Нет, нет, что ты, я не видала, — поспешно сказала Катя.

— И я не видал, — кивнул Веснушка. — К тому же я попал в какую-то совершенно неподходящую, мож-

но даже сказать, сомнительную компанию. Какие-то липкие бумажки от конфет, ржавые гайки, сломанная зажигалка, гнутый гвоздь. Может, для тебя это и подходящая компания, но для меня — уж извините! Не можешь себе представить, как я разозлился. О чем речь? Я скорее-быстрее-сейчас же-немедленно подпалил бумажки, прожег карман — и вот я на свободе! — Веснушка доверчиво похлопал рукой по Катиной ладони. — Знаешь, я так и знал, что сразу начнутся веселые приключения! Поэтому я и разыскал тебя. Только я боялся, что ты гордая.

— Я?! — удивилась Катя.

— Ну да. Конечно. Ведь тебе все завидуют.

— Мне?! — Катя удивилась еще больше. Она даже невольно оглядела свое платье, голые поцарапанные коленки, сандалии: ну чему тут можно завидовать?

— Еще бы, — убежденно сказал Веснушка. — Я так рад, что ты не зазнайка и не задираешь нос. Другая бы на твоём месте с такими-то... Ой! Так и есть!

Веснушка вскочил на ноги, начал испуганно быстро-быстро ощупывать свои карманы.

И, словно убедившись в чем-то, всплеснул руками, с отчаянием посмотрел на Катю, закусил губу.

— Что, что случилось? — испугалась Катя.

— Половина просыпалась... — сказал Веснушка убитым голосом.

— Половина... чего?

— Вот глупая! — с раздражением воскликнул маленький человечек. — Чего? Чего? Половина веснушек! У меня карманы были набиты чудесными веснушками. Да не какой-нибудь мелочью, ерундой, которых и не разглядишь вовсе. А крупными, отборными веснушками, одна к одной. Да вон они!

И правда, на том месте, где лежал Веснушка, вывалившись из Васькиного кармана, весь асфальт блестел золотыми крапинками. Будто шел маляр, нес ведро с золотой краской, тряхнул кистью и обрызгал асфальт сверкающими каплями.

— Я сейчас соберу их, — неуверенно сказала Катя.

Веснушка было нахмурился, но вдруг улыбнулся.

— Нет уж, не соберешь, — он сказал это даже с какой-то гордостью. — Зимой, ничего не поделаешь, поблекнут немного. А как весна наступит, солнышко пригреет — так сама увидишь, как заблестят. Веснушки — это уж навсегда!

Глава 4

ВЕСНУШКИ НА АСФАЛЬТЕ

Первым увидел рассыпанные веснушки пес Пудель.

Он как-то неумело, неуверенно завилял хвостом, его огорченные уши дрогнули. С немым восхищением он обнюхал веснушки и даже почтительно лизнул асфальт языком.

— Какая прелесть! Веснушки на асфальте! — воскликнул скрипач дядя Федя.

Он резко остановился и, чтобы не наступить на веснушки, вытянулся на цыпочках и взмахнул руками.

У дяди Феди были добрые серые глаза и такие толстые губы, что даже немного мешали ему разговаривать.

— Это необыкновенно и очень красиво, — негромко сказал дядя Федя.

— А, ладно, ничего, что просыпались... — беспечно махнул рукой Веснушка. — Правда, красиво. Насколько я знаю, больше нигде нет асфальта с веснушками. Даже если обойти весь мир два с половиной раза, все равно такого не найдешь. Не знаю, может, ты и видела где-нибудь веснушки на асфальте, а я нет!

Веснушка, прищурившись, посмотрел на Катю.

— Нет, что ты, — покачала головой Катя.

«На асфальте это и вправду красиво, — подумала она, — а вот если на носу...»

Дядя Федя все еще стоял, глядя на золотые крапинки на асфальте.

— Хм! Этот человек мне решительно нравится. — Веснушка с важным видом скрестил на груди руки. — Что-то в нем есть такое-этакое... ну, в общем, рыжее. А в веснушках он разбирается просто здорово. Ты случайно не знаешь, может, он кончил институт по веснушкам?

— Нет, дядя Федя скрипач, — объяснила Катя, — он на скрипке играет.

— На скрипке? — оживился Веснушка. — О!.. Знаешь, у скрипки звуки такие тонкие-тонкие и все время чуть-чуть дрожат. По ним можно скользить, хочешь — вверх, а хочешь — вниз. Или ухватиться покрепче обеими руками, зажмуриться — и лети себе вместе с музыкой далеко-далеко. Вот однажды...

Веснушка вдруг умолк. Его ноги обожгли Кате ладонь. Они стали раскаленными, ну просто как два уголька.

— Нет, конечно-безусловно-наверняка, мне это только кажется, мерещится или что-то в этом роде... —

быстро забормотал Веснушка. — Потому что этого просто не может быть. Но все-таки, что он делает?

Невысокий старичок, кряхтя от усердия, затирал толстой подошвой веснушки на асфальте.

У него было такое кислое, сморщенное лицо, как будто он держал за щекой кружочек лимона.

Серый косматый шарф, похожий на длинный-предлинный волчий хвост, свисал до земли и мешал ему. Он со злобой несколько раз обмотал его вокруг шеи и снова принялся старательно шаркать ногой.

— Это Взятииобидели, хозяин Пуделя. Тот самый... — прошептала Катя.

Дядя Федя бросился к старикашке, за рукав осторожно оттащил его в сторонку.

Взятииобидели тут же придирчиво оглядел рукав: не порвал ли его дядя Федя, не смял ли, не испачкал?

Дядя Федя быстро заговорил, от волнения размахивая длинными нескладными руками:

— Мой старый учитель... Он в нашем городе только проездом. Один вечер... Я должен, я непременно должен сыграть ему мою сонату...

Взятииобидели молча поднял глаза и долгим укоризненным взглядом оглядел дядю Федю.

— Значит, так, — сказал он тихим проникновенным голосом. — И не стыдно вам? И не совестно?

Дядя Федя с испугом отшатнулся от него.

— И ведь сколько лет учились, — голос Взятииобидели задрожал. — Консерваторию кончили. И всё для того, чтобы обидеть меня, старика.

— Чем я вас обидел? — пробормотал дядя Федя.

— Еще спрашиваете? — Взятииобидели с возмущением дернул себя за шарф. — Нарочно на скрипке

играете. Нашли бы себе занятие тихое, приличное: коробочки бы клеили, кофточки вязали. А то нарочно... на скрипке...

— Но музыка... — Дядя Федя в волнении протянул к нему свои длинные руки.

— Обидели!.. — вдруг завизжал старикашка и быстро-быстро засеменил к дому. — Взяли и обидели! Я человек ува-ваемый!..

Он, несомненно, хотел сказать «уважаемый», но косматый шарф попал ему в рот и получилось «ува-ваемый».

Несчастный Пудель покорно и молча поплелся за ним. Вид у него при этом был такой виноватый, будто это он сам собственной лапой затирав веснушки на асфальте и запрещал дяде Феде играть на скрипке.

Веснушка в недоумении посмотрел на Катю.

— Они соседи, понимаешь, — объяснила Катя. — Взялииобидели не разрешает дяде Феде играть на скрипке. Еще днем — ничего. А чуть вечер, сразу начинает стучать в стенку кулаком и кричать: «Взяли и обидели! А я человек уважаемый!»

— Вечер, это когда Солнышко уже не светит. Я так это дело понимаю, — задумчиво проговорил Веснушка. Он удивительно нежно произнес слово «Солнышко». — А где живет этот твой Взялииобидели?

— Вот его окно, — Катя протянула свободную руку, показала. — Видишь, на всех окнах занавески, цветы, а у него только бутылка кефира.

Вдруг Катиной руке стало прохладней. Веснушки на ладони не было.

Катя в растерянности огляделась. Ей показалось, что в полуоткрытую форточку Взялииобидели

скользнуло что-то маленькое, сверкнувшее желтым огоньком.

Блеснула круглая золотая пятка босой ноги. Это был Веснушка.

Глава 5

ОДОЛЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, МОРКОВКУ!

Дядя Федя играл на скрипке.

Катя сама видела, как в его дверь позвонил старичок с длинными седыми волосами и печальным крючковатым носом.

Катя подошла к окну. Так музыка была слышнее.

«Как хорошо, — подумала Катя. — Я понимаю, о чем рассказывает эта музыка. Вот темный лес. Это ведут свой разговор старые деревья. Их листья и ветви. Ведь они столько знают. А вот ручеек. Он ни о чем не думает, так звенит, дребезжит по камешкам. А это в глубине леса проснулось страшное чудовище. Вот оно идет по лесу. Как страшно трещат деревья... Ох! Не иначе сейчас Взялиобидели начнет стучать в стенку...»

Но почему-то на этот раз Взялиобидели затаился и молчал.

По двору прошла красавица Нинка-блондинка.

В школе Катя сидела на парте как раз позади нее. Так что все пять уроков Катя видела перед собой ее толстую ровную косу и аккуратный коричневый бант на затылке. Когда Катя ложилась спать и закрывала глаза, она опять видела эту ровную золотистую косу и коричневый бант.

На перемене Катя сторонилась Нинки-блондинки, уходила на другой конец коридора.

«Рыжая. Кто это будет дружить с рыжей?» — горько думала она.

Нинка-блондинка села на лавочку под деревом. Рядом с ней пристроились ее закадычные подруги Галя и Валя.

О чем-то зашептались. Нинка-блондинка рассмеялась.

«Может, обо мне говорят? Ну и пусть...»

Сумерки расплзлись по двору. Девчонок под деревом стало почти не видно. Только чуть белели лица и коленки.

Катя снова прислушалась к звукам скрипки. Странно, почему молчит Взялиобидели? Не кричит, не стучит кулаками. Ох, не к добру это...

«А вдруг Взялиобидели изловил Веснушку? — Катино сердце вздрогнуло, застучало испуганно и часто. — Обманул его, заманил. Схватил щипцами для сахара. Или ножницами... на кусочки...»

Катю даже затошнило, стало познабливать от страха.

Не в силах больше ждать, Катя выскользнула на лестницу, поднялась на второй этаж.

Собралась с духом, нажала звонок. Дверь открыл сам Взялиобидели. Серый шарф волочился за ним по полу, собирая клочья пыли.

— Одолжите, пожалуйста, морковку, — сказала Катя скромным голосом.

Взялиобидели ничего не ответил. Он как будто и не видел ее.

— Морковку, — уже шепотом повторила Катя и пальцами показала что-то очень маленькое.

— Морковку?! Не знаю я никакой морковки! Не знаком! — вдруг взвизгнул Взялиобидели и, повернувшись, бегом бросился в свою комнату.

Катя осталась одна в полутемной передней. Здесь звуки скрипки были еще слышней.

Она на секунду заслушалась, но тут из-за покосившегося облупленного шкафа вышел Пудель. Весь в пыли. Длинная паутина, как антенна, натянулась от правого уха до хвоста.

Посмотрел на Катю глубокими строгими глазами. Потом озабоченно мотнул головой в сторону двери, за которой скрылся Взялиобидели.

Катя сразу все поняла. Тихонько, одним пальцем, она толкнула дверь Взятииобидели. Дверь по-кошачьи мяукнула и открылась.

Всю комнату заливал какой-то странный, необычный свет.

За окном стояла густая темнота. Два окна глядели в комнату, как два пустых черных глаза.

А в комнате был день, ясный солнечный день.

Сначала Кате показалось, что это светит торшер, похожий на гриб-поганку на длинной ножке.

Да нет же! Ни за что не поверите! Комнату освещал электрический чайник.

Никогда еще Катя не видела, чтобы комнату освещали чайниками. Но это было именно так. Катя вгляделась... Ой! Да это же Веснушка!

Он отплясывал какой-то лихой дикий танец на крышке чайника. Он взмахивал руками, кувыркался через голову, подскакивал, отчаянно задирая ноги. Все это он проделывал с такой немыслимой быстротой, что разглядеть его было почти невозможно. Просто искра, колючая, сверкающая, танцевала на крышке чайника.

Взялииобидели, судорожно глотнув воздух, сорвал с постели одеяло, крадучись и приседая, подобрался к чайнику и накрыл его одеялом.

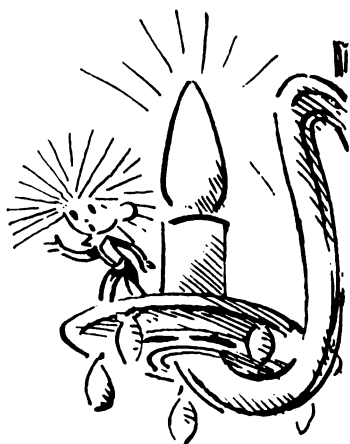
Но Веснушка в последний момент успел выскользнуть из-под одеяла и перескочил на хрустальную люстру.

Что тут началось! Можно было подумать, что в люстру вместо лампочки ввинтили кусочек солнца.

Теплые лучи, попеременно с разноцветными зайчиками, желтыми, синими, оранжевыми, завертелись по всей комнате.

Взялииобидели ухватился за полосатый матрац, наполовину стянул его с постели, но, видимо, понял, что никакой матрац его не спасет.

Веснушка прыгал по хрустальным подвескам. Каждый его шаг — жгучие искры, вспышки, блестящие так и сыпались с потолка.

При этом люстра еще хихикала, захлебывалась, даже повизгивала от смеха.

— Ой! Не могу! Хи-хи-хи! Посмотрите только на него! Ой! Держите меня, я сейчас упаду! Ха-ха-ха!

А за стеной пела скрипка. Последний звук, чистый и ясный, поднялся высоко-высоко, немного погрузил в воздухе и умолк.

Дядя Федя кончил играть.

Веснушка перестал прыгать, остановился, как бы в нерешительности. Наклонил голову набок, устало опустил руки.

Люстра погасла. В комнате стало сразу темно и мрачно.

Слабо светила только одна хрустальная звездочка, на которой стоял Веснушка.

Веснушка посмотрел в глубокое черное окно, зябко поежился и побежал по потолку. Катя увидела, что бежит он вниз головой, быстро переставляя ножки по пыльному электропроводу.

Катя протянула руку — Веснушка соскочил ей на ладонь.

Ух, и горячий же он был — не удержать. Катя принялась изо всех сил дуть на него.

Взялииобидели сделал шаг к Кате, но наступил на конец собственного шарфа и, чуть не задохнувшись, остановился, выпучил глаза.

— Так вот она какая морковка! — прошипел он. — Вот оно что! Взяли и обидели!

Кто-то еще зашипел на Катю из-под стола.

Это был Кот Ангорский.

Что ж, настало время сказать, что хозяином Кота Ангорского, этого всем известного плута и воришки, был не кто иной, как Взялииобидели.

Мало того, Кот Ангорский был его любимцем. И этого мало: Кот Ангорский был его единственным другом.

Где прятался все это время Кот Ангорский — неизвестно. Но зато теперь он с беззаветно храбрым видом шипел, взъерошившись и выставив вдоль всей спины шерсть гребешком.

Но Катя не стала слушать их дружное шипение.

Она бегом проскочила переднюю, где из-за шкафа ее проводили два строгих любящих глаза, и бросилась вниз по лестнице.

Веснушка сидел у нее на плече. Пока Катя, наклонившись, возилась с ключом, открывая дверь, он держался за воротник, чтобы не свалиться.

— Хотел накрыть... Кого? Меня! Чем? Одеждой! — возбужденно бормотал Веснушка. — Но я — скорее-быстрее-сейчас же-немедленно...

На миг он стал таким горячим, что запахло чем-то паленым и от Катиного воротничка пошел дымок.

Глава 6

ИСТОРИЯ ВЕСНУШКИ

Катя отдышалась только у себя в комнате.

Веснушка перескочил на стол. Низко опустив голову и заложив руки за спину, он ходил по учебнику математики. Наискосок от одного уголка к другому.

Он о чем-то глубоко задумался.

— Наверное, считаешь, мне это впервой: вот так устраивать день посреди ночи? — Веснушка вдруг поднял голову, посмотрел на Катю.

Катю поразило несчастное выражение его глаз. Губы его дрожали.

— Совсем недавно мне пришлось вот так же, как сегодня... В общем, похожая история. Да, совсем, совсем недавно...

— Когда недавно? Вчера, что ли? — спросил Катя.

— А что такое «вчера»? Я не знаю. Вчера — это недавно?

— Ну да, конечно.

— Тогда, значит, это было вчера. Хочешь, расскажу?

— Ой! — только и смогла вымолвить Катя.

— Но это очень грустная история. Самая печальная в моей жизни, — тихо сказал Веснушка. — Это такая история, которой лучше бы и не было. Все равно рассказать?

— Да, — тоже почему-то тихо сказала Катя.

— Тогда слушай. Значит, это случилось вчера. Только вчера на земле все было совсем другим. Города были без этих штучек: без электричества, без метро, без телевизоров. Их тогда еще не придумали. Ничего не придумали.

— Тогда это было не вчера, — перебила его Катя.

— Как не вчера? — сердито нахмурился Веснушка. — Ты же сама только что сказала, что «вчера» — это недавно. А то, что я хочу рассказать, случилось совсем-совсем недавно. Так что не мешай мне и не перебивай меня, пожалуйста.

Веснушка поглядел в окно, придвинулся к Кате поближе.

— Ну так слушай, — начал свой рассказ Веснушка...

Вчера все города были еще маленькие. И вокруг каждого — высокая стена. Девчонки, вроде тебя, носили длинные юбки. Те, что побогаче, обували шелковые туфельки, вышитые золотом, а всякая беднота таскала тяжелые деревянные башмаки. Топ-топ-топ! Так вот. О чем это я? Ах да! Жили в одном городе братья-кузнецы. Когда не было туч на небе, я любил заглядывать к ним в кузницу. Их было двое, и оба рыжие. Красные вихры так и торчали во все стороны. Мне нравилось смотреть, как они работают. Грохот и звон стояли в кузнице. Хвостатые искры разлетались и гасли в темных углах. Братья выковывали легкие кольчуги и тяжелые мечи с узорными рукоятками. К ним приходили бедняки с суровыми не улыбающимися лицами. И каждый незаметно уносил под плащом кто кинжал, кто меч, кто кольчугу.

Около кузницы часто околачивался юркий человечек. Кончик носа у него так и вертелся, до того ему хотелось все разузнать, разведать, разнюхать.

Вот он-то и донес королю, что братья-кузнецы тайно вооружают народ. Чтоб не увидеть мне Солнышка, я сам это слышал. Ведь как раз в это время я сидел на королевской короне, забравшись в большой драгоценный камень.

— А зачем они это делают? — с недоумением спросил король. Он был не очень-то умен и догадлив, этот король. Но злобы в нем хватило бы еще на несколько королей.

Доносчик смутился, заюлил.

— Во всяком случае не для того, чтобы защищать вас, ваше величество, — наконец намекнул он королю.

Тут уж король сообразил, о чем речь. Он так хлопнул себя по лбу, что я чуть не вылетел из драгоценного камня, где устроился так уютно.

— Они мне дорого за это заплатят. Да, да. Дорого, — прохрипел король.

Он кликнул стражу.

— Старшего брата заковать в цепи и бросить в тюрьму, — приказал он. — А младший пусть сегодня же до захода солнца не поленится внести за него выкуп — сто золотых монет. Ну, а если он предпочтет проваляться это время на своем

тощем тюфяке или сыграть с приятелями в кости где-нибудь в трактире — пускай потом пеняет на себя. Не будь я король, но на закате голова старшего брата слетит с плеч!

Под вечер весь город собрался на площади перед дворцом.

Сперва меня все это очень забавляло. На балконах расселись знатные дамы в пышных платьях. Я затеял с ними развеселую возню. Налетишь на какое-нибудь кольцо или ожерелье, оно засверкает, а я отскочу от него и прямо кому-нибудь в глаз. Бедняга морщится, жмурится, загораживается ладонями, а мне смешно.

Но вот на площадь вышел палач. Весь в черном, в черном длинном капюшоне. Ни на кого не глядя, тяжелым шагом он медленно поднялся на помост и встал неподвижно, опершись обеими руками о топор.

Стражники вывели на площадь старшего брата. Кое-кто из моих братишек, те, кто поглупее, обрадовались, бросились скакать по его цепям.

Но мне стало как-то не по себе.

А тут еще чувствую, беда! Солнце тянет меня за собой, а само уходит за дальние горы.

Я попробовал было его удержать, уцепился за позолоченный шпиль колокольни. Да разве Солнышко удержишь?

И тут сверху, с колокольни, я увидел: далеко-далеко за крутым горным кряжем по узкой дороге скачет младший брат. Погоняет лошадь: вперед, вперед, моя славная лошадка! А пояс ему оттягивает тяжелый кошель.

Видно, собрал он все-таки сто золотых. Видно, помогли ему в беде добрые люди, отдали послед-

нее, что имели сами. Но он еще далеко, а Солнышко уже наполовину ушло за горы. Только на шпиле колокольни еще сидит кое-кто из моих братишек, такие же, как я, самые отчаянные. А на площадь со всех улочек и закоулков уже выползает темнота. И черная тень палача становится все длиннее, тянется к ногам старшего брата.

Тут король медленно, торжественно поднял руку и уронил белый платок.

— Палач! — воскликнул он. — Солнце уже зашло!

И тут я решился. Пойми, я решился на это от отчаяния. В другое время я бы ни за что этого не сделал. Никогда. Но я не мог иначе.

Скорее-быстрее-сейчас же-немедленно я спрыгнул с колокольни вниз, прямо на топор палача.

Топор засверкал, заблестал. Я чуть было не порезался — отточен он был на совесть.

Не представляешь, как мне было худо! Ведь я всего-навсего обыкновенный солнечный луч. Одним концом я крепко-накрепко прирос к Солнцу. И оно тянуло меня за собой.

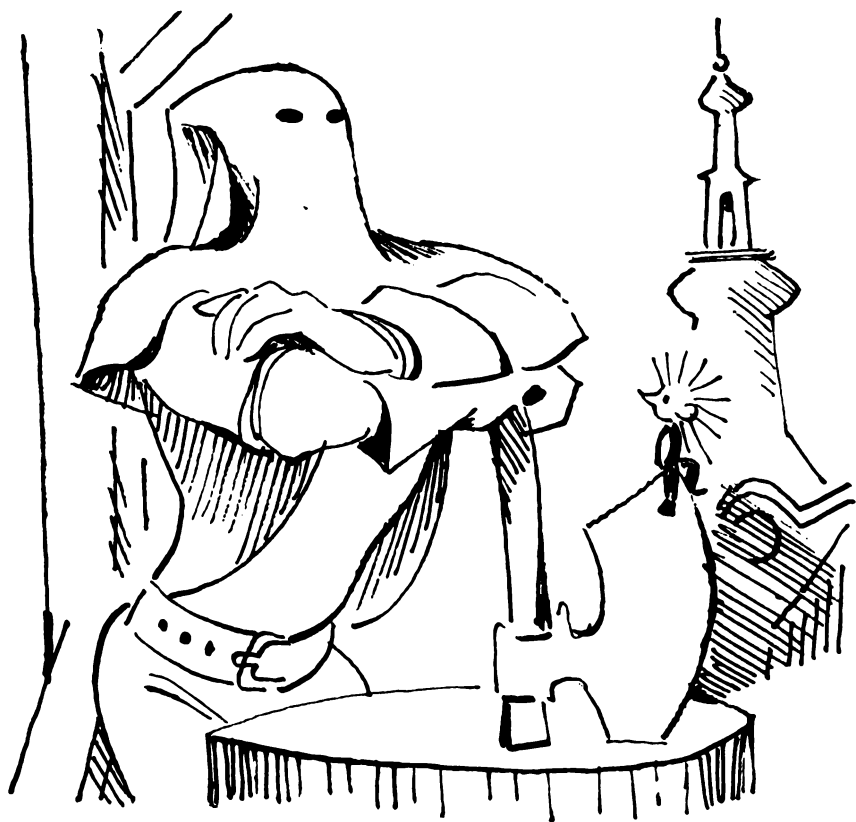
Но я уже слышал тяжкий, измученный храп коня и гулкий топот копыт.

— Палач! — с торжеством завизжал король. — Время истекло! Пора!

— Нет! — закричали все люди на площади. — Нет! Последний луч еще горит на топоре палача!

Тут Солнце так рвануло меня... Мне показалось, что я сейчас погасну, разорвусь на части от этой нестерпимой боли! Но я уперся покрепче... как только мог... изо всех сил...

О-ох!.. И я оторвался от Солнца!

А оно, Солнышко, вместе со всеми моими братишками ушло за горы. Горные вершины посинели, стали холодными, острыми...

И в этот миг на площадь влетел всадник. Это был младший брат. К ногам короля тяжело упал кошель с золотом... Ну, дальше уже неинтересно...

Веснушка нахмурился, отвернулся, засопел носом.

Шаркающей походкой, будто он вдруг состарился, добрался до пустой чашки, прошел по краю блюда, забрался в чайную ложку. Молча уселся в ней, скрестив ноги по-турецки.

— Нет, пожалуйста, расскажи еще, — взмолилась Катя.

— Ладно, — вздохнул Веснушка, — хотя, наверное, это самая грустная история на свете. Так на чем я кончил?

— На том, что «дальше неинтересно», — подсказала Катя.

— Неинтересно? — прямо-таки вспыхнул Веснушка. Он сердито дернул «молнию» на курточке сначала вниз, потом вверх. — Ах так, значит, тебе неинтересно?

— Нет, мне-то интересно, очень интересно, — попробовала объяснить Катя. — Это ты сам сказал «дальше неинтересно».

Веснушка вскочил на ноги. Он хотел выпрыгнуть из чайной ложки, но, к несчастью, поскользнулся и упал на спину, задрав кверху тонкие ножки. От этого он рассердился еще больше, обиделся, так и запылал.

— А ну, покажи мне его, — Веснушка прыгнул на край блюда, угрожающе стиснул раскаленные кулачки. — Подавай сюда этого «Дальше»! Я ему сейчас задам хорошую трепку!

— Какого «Дальше»? — в недоумении спросила Катя.

— Какого-какого! Того самого! — Веснушка просто захлебывался от обиды, гнева. — Ты сказала «Дальше неинтересно». Кто он такой, этот «Дальше», которому неинтересно, как случилось это ужасное несчастье, как я оторвался от моего Солнышка? Где он?

— А... — вдруг догадалась Катя. — Да нету никакого «Дальше». Дальше — это значит, ну, что было потом, понимаешь?

— Если нет никакого «Дальше», так зачем же ты подняла весь этот шум, устроила скандал? — сердито посмотрел на Катю Веснушка. — Ну и характер у тебя, как я погляжу...

Веснушка неодобрительно покачал головой. Но Катя видела, он уже успокоился. Из красного стал оранжевым, потом желтым.

— Так на чем я кончил? — снова спросил Веснушка.

Но Катя из осторожности промолчала, не стала ему подсказывать.

— Ах да! — сам вспомнил Веснушка. — Я остался один на темной площади. Не представляешь, как мне было страшно и одиноко. Ведь я совсем не привык к самостоятельной жизни. К тому же, понимаешь, темнота. Липкая, жадная Темнота-Темнотища. Она окружила меня сверху, снизу, со всех сторон. Ты только представь себе: маленький солнечный луч один-одинешенек в полной темноте.

— Смотрите, смотрите! Летающий огонек! — крикнула какая-то женщина и накрыла меня платком.

Можешь не сомневаться, я скорее-быстрее-сейчас же-немедленно прожег платок и вылетел на волю.

Но отовсюду ко мне тянулись руки. Люди кричали, указывали на меня пальцами. Скажу тебе откровенно, я совсем потерял голову, начал метаться по площади.

Я налетел на гладкий щит начальника королевской стражи. Зацепился за чью-то алебарду.

Мне хотелось только одного: куда-нибудь спрятаться, скрыться. Прийти в себя, передохнуть хоть немного, понять, что со мной случилось. И тут мне повезло: я увидел старый глиняный кувшин с отко-

лотым горлышком, валявшийся на земле. Я нырнул в него, скорчился на самом доннышке. Кто-то ударил кувшин ногой, и он покатился, дребезжа и подскакивая. Еще счастье, что не развалился.

Наконец все разошлись, и стало тихо. Тогда бездомные кошки со всего города явились на площадь, чтобы погреть лапы и животы возле старого, треснувшего кувшина. Ведь кувшин стал очень теплым и грел не хуже печки.

Кошки так ласково и благодарно мурлыкали, что я немного утешился. С тех пор, по правде говоря, я и люблю кошек...

— А что, все лучи такие же человечки? — спросила Катя.

— Скажешь тоже! — вскинулся было Веснушка, но тут же снова уныло опустил голову. Заговорил совсем тихо: — Нет, я один такой на свете. Ведь все другие лучи крепко держатся за Солнышко. По правде говоря, когда я оторвался, я был просто клубком спутанных золотых ниток. Но это очень скучно — быть каким-то клубком. Все мысли спутаны-перепутаны. Конечно, можешь не сомневаться, я долго думал, выбирал: кем мне стать? Прикидывал и так и эдак. Думал, может быть, мне стать солнечной кошкой или солнечной собакой? Но я к тому времени уже немного разобрался, что к чему тут у вас на земле. Поэтому я и решил стать не кем-нибудь, а солнечным человечком. Это мне показалось лучше всего.

«Правда, лучше», — подумала Катя.

— Мяу!.. — хрипло сказал Кот Ангорский, неожиданно появляясь на подоконнике.

Он пристально и хищно уставился на Веснушку своими плоскими серебряными глазами.

Катя увидела, как на миг из бархатных лап показались острые кривые когти. Показались и скрылись.

— Брысь! — замахнулась на него Катя.

Кот Ангорский оскорбленно мяукнул. Он мягко подпрыгнул, будто в каждой лапе у него было спря-
тано по пружине, и скрылся за окном.

Катя сразу же забыла о нем. Ее занимало совсем другое.

«Веснушка не ужинал. Да, наверно, и не обедал сегодня, — вот о чем думала Катя, озабоченно хмурясь. — А что он ест? Молоко он пьет, в любом случае. Конечно, если оно без пенки. Ну, уж об этом я позабочусь. А где он будет спать? Ему же обязательно нужна постелька».

Катя представила себе, какой домик она устроит для Веснушки. Кроватка, столик, стулья — все такое крошечное. Вот она в кукольной кастрюльке варит ему суп.

Катя, продолжая хмуриться, не смогла сдержать улыбки. Ох, сколько теперь прибавится у нее забот с этим Веснушкой!

— Ну ладно, что ты будешь есть на ужин? — спросила Катя взрослым голосом. И даже сама удивилась: ну совсем как мама!

— А что такое «ужин»? — поднял на нее рассеянные глаза Веснушка.

— Это... — Катя запнулась. — Ну как тебе сказать. Это когда вечером едят.

— Я не ем вечером, — отрезал Веснушка.

— А когда же ты ешь? — удивилась Катя.

— Что? Ем? Кто? Я? Да никогда.

— Как никогда?

— Да так. По-моему, это просто глупая привычка у вас, у людей.

— Значит, ты никогда не ешь... — огорчилась Катя. — Тогда хотя бы ложись спать пораньше.

— А я никогда не сплю, — пожал плечами Веснушка. — Спать? Кому? Мне? Вот уж глупая глупость.

— О!.. — Катя не могла сдержать своего разочарования. Закусила губу.

Значит, ничего, ничего не будет. Не будет маленького домика. Не будет одеяльца, которым бы она заботливо укрывала на ночь Веснушку.

— Но где же ты будешь спа... Где же ты будешь ночью? — упавшим голосом спросила Катя.

— Все равно... Посижу тут, на столе... — Веснушка сел на край учебника, свесил ножки.

Катя потушила свет, нырнула в постель. Подперла голову рукой, стала смотреть на Веснушку. Веснушка слабо светился в темноте. Маленький человечек на учебнике математики.

«Мама придет, обязательно заглянет ко мне в комнату. Что тогда?» — с тревогой подумала Катя.

Веснушка сидел, как-то зябко нахохлившись, зажав ладони между коленками.

— Ты что? — робко спросила Катя.

— Не знаю, — поежился Веснушка. — Из окна дует.

«Ему холодно...» — почему-то обрадовалась Катя. Босиком дошла до окна, захлопнула форточку. Задернула штору.

— Ночью мне всегда как-то так... — пробормотал Веснушка. — Сам не знаю, ну, в общем, не по себе... Тоска находит. Звезды! Бр-р! Они чужие, колючие...

А Солнышко где-то далеко-далеко. Как ты думаешь: Солнышко опять встанет?

— Конечно, — удивилась Катя.

— Честное рыжее? — пристально посмотрел на нее Веснушка.

— Честное... рыжее, — чуть споткнувшись, сказала Катя. Ей еще никогда не приходилось давать «честное рыжее».

— Ты как-то не так сказала «честное рыжее», — забеспокоился Веснушка. — Может, тоже сомневаешься? Может, и не будет Солнышка вовсе?

Веснушка испуганно привстал, беспомощно глядя на Катю.

— Будет, обязательно будет! — убежденно воскликнула Катя.

— Хорошо... — убитым голосом сказал Веснушка. Он глянул через плечо в щель между занавесками, опять повернулся спиной к окну.

— Темнота... Ее так много... — прошептал он. — Мне всегда хочется забраться, где ее поменьше. Спрячь меня куда-нибудь. Я хочу к тебе, поближе...

— Хочешь ко мне под одеяло или под подушку? — быстро предложила Катя. Потянула кверху подушку за уголок.

— Все равно, — махнул рукой Веснушка, — лишь бы где-то побыть до Солнышка...

Но Кате показалось, что Веснушка охотно, даже обрадованно соскочил с учебника и перебрался к ней на кровать.

Катя накрыла его подушкой.

— Не душно тебе? — спросила она.

— Не-ет, — слышался приглушенный голос Веснушки.

Катя осторожно прилегла на другой край подушки. Стало темно и тихо. Вдруг из-под подушки раздался негромкий, протяжный вздох.

«Ему там грустно, тоскливо», — подумала Катя. Но под подушкой все затихло.

Уже совсем поздно на цыпочках в комнату зашла мама. Она несколько раз потянула носом, принюхалась.

— Что-то паленым пахнет, — задумчиво сказала мама.

Глава 7

ТАИНСТВЕННОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ВЕСНУШКИ

Итак, Говорящий Кот! Сейчас я вам расскажу про Говорящего Кота.

Нет, нет! Только не в этой главе. Хотя мне очень хочется, чтобы вы, как любит выражаться Веснушка, «скорее-быстрее-сейчас же-немедленно» узнали всю эту невероятную, потрясающую историю. Но, однако, все же придется еще немного потерпеть. Потому что лучше все рассказать по порядку.

Итак... Катя сидела за столом и рисовала. Веснушка пристроился на ее плече и давал советы. Катя нарисовала дом, а около него корову.

— Очень хороший домик, — радовался Веснушка. — Пожалуйста, я согласен в нем, как вы это называете? Прописаться. И корова славная. Пожалуйста, я согласен ее доить!

Катя нарисовала зеленую треугольную елку. Потом взяла оранжевый карандаш и нарисовала на верхней ветке оранжевую белку.

— Белка! Белка! — запрыгал от радости на ее плече Веснушка. — Какая пушистая! А теплая! Чувствуешь, какая она вся тепленькая?

Но вдруг Веснушка перестал прыгать. Сбежал по Катиной руке, соскочил на стол. Ткнул пальцем в желтый круг посреди синего неба.

— Постой, постой, — прищурившись, протянул он. — Как это я раньше не заметил. Это что такое?

Катя ничего не ответила. Она глянула в окно. Ну, так и есть. Солнце закрыла пухлая белая туча с серым животом.

Катя за это время уже успела неплохо изучить характер Веснушки. Она знала, стоило только солнцу спрятаться хоть ненадолго — у Веснушки тотчас же портилось настроение. Он сразу же становился подозрительным, мрачным, начинал обижаться по каждому пустяку, ко всему придирается.

— Что это такое, я спрашиваю? — Веснушка сердито повысил голос. — Ну, отвечай, я жду.

— Это я Солнышко нарисовала, — пришлось признаться Кате.

— Что?! — так и вспыхнул от негодования Веснушка. — Солнышко? Да это колесо от старой телеги, блин с рогами, все что хочешь, только не Солнышко. Ты бы лучше меня спросила: какое оно? Посоветовалась бы! Конечно, я всего-навсего обыкновенный солнечный луч, каких много. Со мной можно и не считаться...

За дверью послышалось робкое, очень деликатное потягивание. Кто-то лапой скреб в дверь.

— Пудель! — обрадовалась Катя.

Надо признаться, что появление его было просто на редкость кстати. Катя бросилась открывать дверь.

И правда, за дверью стоял Пудель. Он, как всегда, оглядел Катю строгим, придирчивым взглядом. Его унылые грустные уши дрогнули.

Он вежливо положил к ее ногам обглоданную косточку, похожую на катушку без ниток.

Катя бережно подняла косточку, осмотрела со всех сторон, на миг замерла от восторга, любуясь ею, потом несколько раз облизнулась.

Пудель помахал хвостом, еле слышно твякнул и неохотно поплелся вверх по лестнице.

Катя вытащила из-под шкафа картонную коробку от маминых туфель. Коробка была полна обглоданных костей.

— Все подарки Пуделя. Каждую неделю мне носит, — вздохнула Катя. — А видишь эту большую кость? Наверно, из супа. Это мне Пудель в день рождения подарил.

— А ты любишь подарки? — пристально поглядел на нее Веснушка.

— Очень, — с улыбкой кивнула Катя. — Кто же не любит? А у тебя когда день рождения?

«Вот было бы здорово, — мелькнуло у нее в голове, — отпраздновать день рождения Веснушки. Что бы только ему подарить?»

— А что такое «день рождения»? — насупился Веснушка.

— Это самый лучший день в году, — с горячностью воскликнула Катя. — Вот, понимаешь, я родилась четырнадцатого мая. И каждый год в этот день все меня поздравляют, дарят подарки и, даже если я получу двойку, все равно ничуть не ругают. А ты какого числа родился?

— Не знаю. Мне кажется, я всегда был, — угрюмо пробормотал Веснушка.

— И мне так кажется, — рассмеялась Катя. — Как это так, меня не было? Не могу себе представить. Но все равно у всех на свете должен быть день рождения. Обязательно.

Веснушка мрачно посмотрел на нее исподлобья.

— Что ж, если у кого нет этого вашего дурацкого дня рождения, так над ним и смеяться можно? — медленно, дрожащим от обиды голосом проговорил Веснушка.

Он вспыхнул, распалился, волосы на голове стали похожи на раскаленную докрасна проволоку.

— Что ты, я не смеялась! — воскликнула Катя. — Я и без дня рождения тебя больше всех...

Туча с сизым животом начала расползаться, таять, теплые лучи хлынули в прореху. Они осветили стол, Катины руки, рисунок на столе.

— Не понимаю, из-за чего тогда весь этот крик? — Веснушка как-то сразу успокоился, пожал плечами. — Заладила: ты такой-сякой, самый плохой, никудышный, без дня рождения...

Веснушка пристально посмотрел на Катю.

— Значит, ты любишь подарки?

— Да так... — неохотно сказала Катя.

— Все-таки любишь... — печально кивнул головой Веснушка. — А вот если кому-нибудь очень хочется сделать подарок, а подарить нечего?..

Веснушка задумался. Кате послышалось, что он даже негромко пробормотал: «Эх, спросить бы у Солнышка... Посоветоваться...»

Веснушка потрянул головой.

— Ладно, пока что надо делом заниматься. Солнышко у тебя не получилось, что уж тут греха таить. Тогда хотя бы Темнотищу мне нарисуй. Только для нее надо много-много черной краски, самой черной, какая только бывает.

Катя принесла из маминой комнаты пузырек с тушью. Обмакнула кисточку, приготовилась рисовать.

— А какая она, эта Темнотища? — спросила Катя.

— Как «какая»? Обыкновенная, — удивился Веснушка. — Каждый день видишь и не знаешь. Черная она, и во все стороны руки торчат, жадные, загребущие.

Катя нарисовала черное чудовище с торчащими во все стороны руками.

— И ничуть не похожа! — рассердился Веснушка. — Ну, ни капельки. Ты нарисуй, чтобы она была жестокая, коварная, хитрая... Поняла? Ну что же ты? Рисуй!

— А я не знаю, как это рисовать хитрость, жестокость, — нерешительно сказала Катя.

— Просто не хочешь. — Веснушка обиженно надулся. — Ведь смогла для белки нарисовать и доброту, и ловкость... Даже нарисовала, что она теплая.

Катя в замешательстве пожала плечами. Нечаянно задела локтем пузырек с тушью. Жирная густая струя плеснула на рисунок и начала медленно растекаться во все стороны, поглощая и дом, и елку с рыжей белкой, подползая к солнышку.

Веснушка подпрыгнул вверх и повис над рисунком, быстро перебирая ножками, будто бежал в воздухе.

— Все... — глухо сказала Катя.

— Она! Темнотища! — ликуя, завопил Веснушка. Он опустилсся Кате на плечо. — Вот теперь она похожа! Я ее сразу узнал! Она самая! Видишь, как она подбирается к Солнышку. Так бы его и проглотила. Знаешь, — Веснушка быстро зашептал Кате на ухо, — один раз Темнотища все-таки проглотила Солнышко. Я уже думал, навсегда. Хочешь, расскажу?

— Еще спрашиваешь! Конечно, хочу! — воскликнула Катя.

— Только это будет такой холодный рассказ, что лучше сразу надеть шубу и валенки, — предупредил Веснушка и озабоченно нахмурился. — У тебя просто зубы застучат от холода, продрогнешь до костей. Все равно рассказать?

— Конечно!

— Ну, тогда слушай. Точно тебе не скажу, но это случилось вчера или, вполне возможно, даже сегодня...

Катя не стала его перебивать. Она уже давно поняла, что слова «вчера», «сегодня», «завтра» Веснушка понимает совсем по-другому, по-своему, не так, как все.

— Я куда-то полетел. Уж и не помню, по делу или просто так пролететься, ну, как вы любите говорить, прогуляться. Я летел себе и думал, ну почему, почему нельзя, чтобы Солнышко светило всегда, чтобы не было всякого там небесного сброда: туч, облаков. А главное, не было бы этой ненавистной Темнотищи.

Вот тут-то со мной все и приключилось. Ведь вся беда в том, что мне никак нельзя задумывать-

ся, когда я куда-нибудь лечу. Нельзя, потому что... Но об этом потом, потом, в другой раз...

В общем, я летел, глубоко задумавшись, и вдруг меня по носу задела острым углом тяжелая колючая снежинка. Я оглянулся. Вокруг меня во мраке белели, кружились ледяные звезды. Я выбрался из снежной тучи и понял, что я угодил прямо в логово самой Темнотищи. Где-то внизу слабо сияло озеро огней. Это был город. Я решил переждать там до утра. Ведь там, где люди, — всегда тепло и светло. Я забрался в круглые часы на городской площади. Их циферблат уютно светился в темноте, а твердое и надежное «тик-так» словно говорило мне: «Время идет, время идет, и Солнышко скоро встанет». Я терпеливо ждал, от нечего делать тихонько бормотал про себя: «Тик-так, тик-так».

Но вот улицы города оживились, захлопали двери, люди, выходя из домов, говорили: «Морозец, однако» — и терли щеки. Потом из домов высыпали дети. Я ждал Солнышка, но его все не было, и фонари не гасли на улицах.

Я не выдержал и начал тихонько посмеиваться в кулак: «Ну и Солнышко, ну и растяпа, обо всем забыло. Задумалось, наверно, замечталось. Вот уж не думал, что оно такое рассеянное».

Смотрю, дети с веселым визгом, размахивая портфелями, уже бегут из школы по домам. А Солнышка все нет и нет. И часы равнодушно твердят свое глупое «тик-так».

Я уже начал не на шутку тревожиться. «Что такое, — думаю, — стряслось?»

Но вот в домах одно за другим начали гаснуть разноцветные окна, и только вдоль улиц горели пустые желтые фонари.

И тут я понял: все погибло! Или с моим Солнышком что-то случилось, или я, бедный, одинокий луч, все на свете перепутал, спятил с ума и нечаянно залетел в злую сказку, где никогда не светит Солнышко...

Веснушка поднял голову и посмотрел на Катю.

— Понимаешь, мне до этого как-то ни разу не приходилось забираться так далеко на север, и я...

— Догадалась, догадалась! — радостно воскликнула Катя. — Это была полярная ночь. Мы в школе проходили. А ты этого не знал!

Веснушка весь вспыхнул. Соскочил с Катиного плеча на стол. Топнул ногой — прожег уголок рисунка. Брезгливо отмахнулся рукой от струйки дыма.

— Ах так! Я ничего не знаю, а ты, конечно, все наперед знаешь, — гневно воскликнул он, — и что я подружился с летчиком Володей. И что наш самолет чуть не разбился. Это ты все тоже знаешь, и это все вы тоже проходили в школе!..

— Что ты, что ты, этого мы не проходили, — досадуя на себя, сказала Катя. Облокотилась о стол, не глядя на Веснушку, задумчиво посмотрела в окно, сказала, будто сама себе:

— До чего же погода замечательная... На небе ни облачка...

Веснушка вслед за Катей тоже посмотрел в окно. Некоторое время он еще хмурился, потом не выдержал, улыбнулся.

— А то заладила: ничего не знаешь, в школе не учился, самый плохой, самый глупый... — на всякий случай проворчал он. — Ну, да ладно. Слушай, что дальше было. Такая тоска на меня напала, не могу тебе сказать. Солнышка нет, как будто оно

сквозь небо провалилось. Я метался по городу, теряя силы, чувствуя, что вот-вот погасну. И всюду меня подстерегала Темнота. Она издевалась надо мной, дразнила меня. Она говорила, что завернула Солнышко в тысячу и одно черное покрывало и я уже больше никогда его не увижу.

Вскоре я так ослабел от тоски и страха, что больше уже не мог летать. Чуть поднимусь в воздух и сразу без сил падаю на землю.

И вот тогда я и подружился с моим самолетом. Он был небольшой и летал не очень высоко. Поднимется выше снежной тучи и рад-радешенек.

Но мне понравился его летчик. Он всегда насвистывал что-то веселое. И главное — он не боялся Темноты. Ну совсем не боялся. Он все только насвистывал да посмеивался.

Я прятался за приборной стрелкой, и мне как-то легче на душе становилось, когда мы поднимались в воздух. Кого я только не возил... Ну, вернее, не я возил, а мой друг самолет. Ну, конечно, нам еще помогал летчик Володя и молоденький Сашка-штурман. Ну, в общем, мы все делали вместе, дружно, хотя они даже не знали, что я им помогаю. Мы возили серьезных бородатых геологов. Они умели смотреть сквозь землю и отгадывать, что там спрятано, золото или нефть. Оленеводов, которые понимали язык оленей. Иногда с нами летал старенький доктор. Под полусубком у него был белый халат, и он возил с собой чемоданчик с лекарствами.

И вот однажды... Да, да, помню, как сейчас. Нам надо было отвезти какие-то важные приборы в поселок метеорологов. Ты знаешь, кто такие метеорологи?

Катя отлично это знала, но на всякий случай вздохнула и покачала головой.

— Так знай! — Веснушка с важностью поднял палец. — Метеорологи — это люди, которые умеют предсказывать погоду. Если бы я не был солнечным человечком, а просто человеком, я непременно стал бы метеорологом. Я это уже точно решил. И я предсказывал бы всегда только хорошую погоду. — Веснушка мечтательно зажмурился. — Только Солнышко, теплую ясную погоду без осадков и ничего больше. По правде тебе скажу, не понимаю я этих метеорологов. Ну, скажи на милость, зачем они предсказывают то бурю, то дождь? Ну кто их просит?

Катя хотела сказать, кому они нужны, такие метеорологи, которые будут предсказывать только хорошую погоду, но из осторожности промолчала. Все равно Веснушку ни в чем не убедишь.

— Ну вот, летим мы себе и летим, — продолжал свой рассказ Веснушка. — Я стараюсь, как могу, из всех сил приборам помогаю, освещаю стрелки.

Только вдруг слышу, мой летчик Володя как-то протяжно свистнул, совсем не так, как обычно.

— Сашка, кажется, бак течет! Будем садиться! — крикнул он Сашке-штурману.

— Есть, Владимир Семенович, — ответил Сашка.

Тоже молодец, не струсил. Но я и раньше знал, что он рыжий, по-настоящему рыжий.

Самолет наш резко пошел вниз, потом нас здорово трянуло, но ничего, сели.

Летчик Володя и Сашка-штурман вылезли на крыло. Я, конечно, за ними. Кругом была Темнота и Вьюга, Вьюга и Темнота. Больше ничего.

Они, ясное дело, сговорились, эта славная парочка, обрадовались, что мы, наконец, попались им в когти.

Что тут началось! Темнотища навалилась на нас со всех сторон. Вьюга с воем и шипением принялась вить вокруг нас ледяные кольца.

Возле самолета начали вырастать сугробы, и холодом тянуло от остывающего металла.

— Н-да, история, — сказал летчик Володя и рассмеялся.

И тут я понял, что смех в тяжелую минуту — это тоже кусочек Солнца. Потому что он греет и даже светится в темноте. Честное рыжее!

— И рация сломалась... Что делать будем? — растерянно спросил Сашка-штурман.

— На месте стоять нельзя. Так и замерзнуть недолго, — летчик Володя понял воротник, похлопал Сашку по спине. — Будем оленеводов искать, где-то они в этих местах кочуют. Ну, шарф замотай потуже, и пошли...

И вдруг я услышал чьи-то мягкие бархатные шаги. Даже не шаги, а осторожное «скрип-скрип» снега под чьими-то меховыми лапами.

«Кто бы это мог быть? — подумал я. — Скорее всего, какой-нибудь белый бродяга-медведь».

Я не ошибся. Это был большой, старый медведь. Его трудно было разглядеть сквозь вьюгу на снегу, и только черный нос был как черная пуговица, пришитая к белому меху.

Скорее-быстрее-сейчас же-немедленно я подлетел к нему.

— Славный, добрый Мишка, — прошептал я ему на ухо. — Какой же ты, право, умница и симпатяга.

Ты пришел как раз вовремя. Ведь ты такой сильный и без труда довезешь их обоих на спине.

— Тише, тише, — проворчал старый Медведь. — Кто бы ты ни был — не спугни добычу. Не спугни добычу.

— Какую добычу? — удивился я. Глупый наивный луч, я еще ничего не понимал. А ведь мог догадаться по его вкрадчивым, осторожным шагам, что он замышляет недоброе. — Здесь нет никакой добычи. Здесь только двое хороших людей, которые попали в беду и того гляди замерзнут.

— Они не успеют замерзнуть, — хрипло рассмеялся старый Медведь. — Я подойду поближе да еще прикрою лапой свой черный нос, чтобы он не был замечен. Потому что я всегда подкрадываюсь и нападаю потихоньку. Понимаешь меня, тонкий голосок из пустоты? Нет, они не успеют замерзнуть...

Вот оно что! Только теперь я все понял.

Я так разозлился, распалился, клянусь Солнышком, в эту минуту я мог бы растопить целый сугроб.

— Слушай меня, старый обманщик, — прошептал я. — Если ты не будешь повиноваться мне, как малый медвежонок, я разрисую тебя с ног до головы черными полосами, словно зебру. Да еще подпалю сразу с хвоста и ушей.

— Ах ты, говорящая муха, — в ярости проскрипел старый Медведь. — Ты еще смеешь мне приказывать, мне, повелителю белой пустыни?!

Ну, знаете ли! Пусть я всего-навсего солнечный луч, каких много... Но обозвать меня какой-то говорящей мухой? Не скрою, никто никогда за всю мою, можно сказать, довольно-таки долгую жизнь так меня не оскорблял!

Я зарылся поглубже в белый мех. Прижался плечами, коленками, локтями к жесткой шерсти. Пых!.. Потянуло паленым. Пошел дымок.

Старый обманщик так и присел на задние лапы.

— Ой-ой-ой! Смилуйся надо мной, дух огня! — в ужасе простонал он. — Приказывай, я все выполняю, только пощади мою бедную шкуру!

— Так-то лучше, — строго сказал я. — Знаешь, где стойбище оленеводов?

— Старый добрый Мишка все знает, все знает, — жалобно захныкал хитрец. — Это где двуногие с ружьями стерегут таких вкусных четырехногих с рогами.

— Вот и води меня туда, — обрадовался я и забрался на спину старого обманщика. — И смотри у меня, если вздумаешь схитрить. Одно ухо у тебя уже почернело, а то и всего спалю. Был Мишка — и нету.

А мои друзья, летчик Володя и Сашка-штурман, видно, не на шутку уже промерзли. Сашка-штурман все останавливается, норовит привалиться к сугробу и глаза закрывает.

— Я только одну минуточку посплю... — так жалобно, еле слышно просит он.

А летчик Володя его тормозит, расталкивает, трет щеки снегом, не дает уснуть.

Вижу, дело плохо... Тут начал я прыгать на спине у медведя и мигать, то вспыхну, то погасну, и кричать на разные голоса:

— Кто там? Это мы! Вы куда? Мы — сюда!

А Темнотища и Вьюга попробовали было подкупить меня, запугать.

— Дай мне совершить это темное дело, — вкрадчиво прошептала Темнота, — и я отступлюсь от тебя,

дам тебе светить сколько захочешь. А то у меня есть еще один, спрятанный про запас Непроглядный Мрак. Ты еще с ним незнаком. Я напущу его на тебя. И ты захлебнешься в нем, утонешь.

— Дай я их закручу, заверчу, заморожу... — свистела, укладывая вокруг меня ледяные кольца, Вьюга. — А потом я улечу. Ты знаешь: я ведь не люблю долго кружиться на одном месте...

Но я не сдавался. Я светил из последних силенок, хотя у меня дух захватывало от черного ветра и я едва успевал отталкивать и плавить снежинки, которые впивались в меня со всех сторон.

«Наверно, Темнота хитростью все-таки погубила мое Солнышко, — в тоске подумал я, — и я теперь последний его луч на этой земле. Но если это так, я должен сражаться до конца и светить еще ярче...»

— Смотри, огонек! — услышал я голос летчика Володи. — Слышишь, кто-то зовет! Вставай, Сашок! Обхвати меня за шею. Идем!

— Ну, бреди, старый меховой сундук! — шепнул я на ухо медведю.

Тот потянул носом, недовольно заворочал тяжелой головой.

— У, человеческим жильем пахнет, — прорычал он.

— Разговорчики! — строго прикрикнул я. — Шагай, шагай!

Это была нелегкая работенка, скажу я тебе. Я расталкивал снежинки, светил, кричал сквозь грохот и свист Вьюги.

— Я больше не могу... — услышал я слабый голос Сашки-штурмана. — Это бродячий огонек, он нас морочит. Он нам только чудится...

Но тут мой медведь встал как вкопанный.

— Вот сколько их, вкусных с рогами... — сказал он, жадно принюхиваясь.

Я разглядел в темноте зубчатый лес оленьих рогов.

Почуяв медведя, олени беспокойно шарахнулись, зафыркали.

Откинулся полог круглой яранги, и я увидел свет и человека.

«Ну, вот и все, — устало подумал я, — как бы то ни было, но я спас своих друзей...»

— Теперь отпусти меня, дух огня, — вкрадчиво проговорил старый Медведь. — Ведь я сделал все, что ты приказал. Я тебе больше не нужен. Ну, я пошел, да?

— Постой, постой, голубчик. Куда это ты торопишься? — возразил я. — Неужели мы так расстанемся, и я ничего-ничегошеньки не подарю тебе на память?

И я выжег у него на лбу Солнышко. Не ручаюсь, что оно было очень похоже, но могу утверждать одно: старый обманщик запомнил меня навсегда.

Потом я скользнул сквозь узкую щель в ярангу. Мои друзья летчик Володя и Сашка-штурман сидели возле круглого очага и, обжигаясь, пили горячий чай.

Ну, я устроился получше. Мне понравился старый оленевод в меховой одежде. У него были спокойные узкие глаза и темное лицо, заглубившееся от ветра. Он сидел на шкурах не двигаясь и только курил длинную, почерневшую от времени трубку. В этой трубке я и устроился, зарывшись с головой в красный тлеющий табак, и решил, что уже никакая сила меня отсюда не выманит.

Я тихонько посмеивался, слушая рассказ летчика Володи о блуждающем огоньке и таинственных голосах в снежной ночи.

«Останусь-ка я в этой трубке навсегда, — невесело подумал я. — Раз уж больше нет моего Солнышка. Пожалуй, теплее, чем это местечко, мне не найти...»

И вдруг откуда-то снаружи донеслись радостные голоса, смех и крики.

«Пусть они кричат, бегают, — устало подумал я, — мы трое, то есть я, прокопченная трубка и старый оленевод, и не подумаем пошевелиться. Эта суета не для нас...»

Но тут мой старый оленевод что-то хрипло сказал, тяжело поднялся со шкур и торопливо откинул полог яранги.

И я увидел... нет... этого не описать словами!

Край неба посветлел, разгоняя Темноту. Все олени чутко повернули головы в эту сторону. Я увидел показавшийся из-за бескрайних снежных холмов алый краешек Солнышка, такой добрый и теплый.

Веснушка снисходительно посмотрел на Катю.

— Ну что, признайся, здорово ты окоченела от моего рассказа? Наверно, нос отморозила?

Но Катя ничего не успела ответить. В это время прямо под ее окном унылым голосом замяукал Кот Ангорский.

— Мяу-у... — тянул он, — у-а-ряу!..

Кот Ангорский вскочил на подоконник. Скосил серебряные плоские глаза на Веснушку.

Не спуская с Веснушки глаз, стал с силой тереться головой о раму, густо замурлыкал.

— Пошел отсюда! — махнула на него рукой Катя.

Кот Ангорский, не обращая на нее внимания, развалился на солнышке. Выставил грязно-серый живот. Тощий хвост уложил красивым кренделем. Глаза блаженно зажмурил. Замурлыкал с треском.

— Пусть его, — не выдержал Веснушка.

— Надо же, кот и собака у одного хозяина. А совсем ничего общего. Ни чуточки не похожи, — сказала Катя. — Ну, ладно, пускай полежит. Я пойду воду в стакане перемену и нарисую Солнышко. А ты мне поможешь, ладно?

Катя сбегала на кухню, сполоснула стакан, набрала чистой воды и вернулась.

Кот Ангорский стоял на подоконнике, собрав все четыре лапы вместе, выгнув спину подковой. Глаза его дико горели.

Не издав ни звука, бесшумно и безмолвно, Кот Ангорский скрылся за окном.

— Веснушка, где ты, иди, посоветуй... — позвала Катя.

Но Веснушки нигде не было: ни на столе, ни под столом, ни в коробке с костями и корками.

Веснушка исчез бесследно.

МОЖЕТ ЛИ УВАЖАЮЩАЯ СЕБЯ СОБАКА ПОДГЛЯДЫВАТЬ В ЗАМОЧНУЮ СКВАЖИНУ?

Конечно, конечно, я ничуть не сомневаюсь, что вы уже обо всем догадались!

Да, к сожалению, все это истинная правда. Этот бессовестный плут, этот хитрец и воришка Кот Ангорский проглотил Веснушку.

И вы, конечно, понимаете, что он сделал это не для собственного удовольствия. Да, да, вы совершенно правы! Он проглотил Веснушку по наущению своего хозяина Взятииобидели.

Как впоследствии выяснилось, Взятииобидели обещал за это своему любимцу на выбор: или большой кусок мяса без костей, или целого жареного куренка.

Теперь я вам расскажу, что же случилось дальше.

Итак... Нинка-блондинка возвращалась домой из булочной. Более того, для точности скажем, что она несла в сумке два батона и три сладкие булочки.

Увидев Нинку-блондинку, две ее подружки Галя и Валя заспешили к ней навстречу.

— Ой, девочки, сегодня такое кино хорошее по телевизору! — сказала Нинка-блондинка.

— Приходите вечером ко мне, — предложила Галя.

— Нет, ко мне, — возразила Валя.

— Нет, девочки, приходите лучше ко мне, — подумав, сказала Нинка-блондинка.

В это время мимо них прошел Кот Ангорский. Он шел медленно, бережно перебирая лапами. Он

шел так плавно и осторожно, будто нес на голове невидимую хрустальную вазу, до края наполненную молоком или сливками, и боялся пролить хоть каплю.

Проходя мимо Нинки-блондинки, Кот Ангорский вдруг громко захохотал и сказал внятно и четко:

— Нет, вы только посмотрите на нее! Бедняга, ни одной веснушки, ха-ха-ха!

Галя и Валя просто онемели от изумления.

А Кот Ангорский между тем, продолжая дико смеяться, отчаянно мяукнул. Этот странный смех смешался с мяуканьем, и получилось что-то уже совсем невообразимое.

После этого Кот Ангорский длинными скачками, то сжимаясь, то вытягиваясь всем телом, понесся к подъезду.

Он вихрем влетел в комнату своего хозяина, одним прыжком подскочил к нему. Выпустил когти, вцепился ему в брюки, задрал кверху хитрую морду и отчаянно замыкал.

Взялииобидели, не догадываясь, что его ужасное поручение выполнено, схватил Кота Ангорского за шиворот и с раздражением швырнул его в угол. И уж, конечно, прямо в Пуделя, который скромно и благовоспитанно лежал в своем углу.

Но тут произошло нечто совершенно невероятное.

— Мой миленький, пушистенький хозяин, — вдруг громко и разборчиво сказал Кот Ангорский. — Ну зачем же мною кидаться? Насколько мне известно, я пока что еще не мячик!

Сказав это, Кот Ангорский попятился от самого себя, сделал безуспешную попытку вывернуться наизнанку и в отчаянии метнулся под кровать.

Взялиобидели моментально все понял.

— Вот молодец, Кот Ангорский! — задыхаясь, прошептал он. — Ай, удружил! Вот уж истинно опора моей старости. За мной кусок мяса, приятель! А ты — вон отсюда! — Взялиобидели концом шарфа стегнул Пуделя и вытолкал его в коридор.

Затем рассмеялся тихим, злобным смехом. Бряк-бряк-бряк! Будто алюминиевая крышка, подпрыгивая, стучала о кастрюлю.

Взялиобидели бережно вытянул Кота Ангорского из-под кровати. Почтительно подхватил его обеими руками под живот, посадил на середину стола.

— Ну, теперь вылезай, маленький человечек! — с торжеством прошипел он.

— Куда торопиться? Мне и тут неплохо, — весело откликнулся Кот Ангорский и беспечно рассмеялся. — Да и погода вроде испортилась. Того и гляди — дождь пойдет.

Между тем все поведение Кота Ангорского вовсе не соответствовало его веселым словам и жизнерадостному смеху.

Кот Ангорский судорожно вцепился всеми когтями в скатерть, собирая ее складками.

Сунув морду между передними лапами, он с таким ужасом уставился на свой серо-желтый живот, словно это был не его собственный живот, а нечто совершенно неизвестное и очень опасное.

— Ничего, что-нибудь придумаем, — криво усмехнулся Взялиобидели. — Лишь бы только никто не пронюхал, не узнал про это дело...

Взялиобидели на всякий случай приоткрыл дверь. Так и есть! Пудель подглядывал в замочную скважину.

Пудель отчаянно сконфузился. Если бы только собаки умели краснеть, он, вне всякого сомнения, покраснел бы до самого кончика хвоста.

Подглядывать за хозяином! Позор! Он покорно опустил голову, ожидая заслуженной трепки.

Взялииобидели пинком вышвырнул Пуделя на лестницу. Пудель молча стерпел все.

Но как объяснить, что он подглядывал в замочную скважину не из мелкого любопытства. И вообще, как должна вести себя настоящая порядочная собака, если она догадывается, что ее хозяин замышляет что-то недоброе?

Должна ли она слушаться его во всем до конца или, нарушив свой собачий долг, поступить, как ей подсказывает совесть? О, это был мучительный вопрос!

«Непонятно, как это Кот Ангорский научился говорить? — завидовал Пудель. — Надо же, взял и сказал: „Миленький, пушистенный хозяин!“ А я ведь знаю столько слов, ласковых, преданных, а выговорить не могу. Все тяф да тяф! Дальше ни с места. Если бы я только мог сказать Кате: „Будь моей хозяйкой!“ Но не получается. Каким же образом это ничтожное создание научилось говорить? Ведь ему и сказать-то нечего. Так, какую-нибудь глупость, пошлость. А я... В сущности, как это несправедливо...»

Пудель вышел во двор.

Там, притулившись на сваленных бревнах, обхватив коленки руками, сидела хмурая Катя. О чем-то задумавшись, она грызла кончик спутанной рыжей косы.

Пудель с горькой любовью посмотрел на нее, страдая от того, что она такая грустная, а он тут, рядом, и не знает, чем ей помочь.

Как часто по вечерам, лежа у себя в углу, где вместо подстилки были только клочья свалявшейся паутины и пыли, Пудель думал о Кате. О чем только он не мечтал!

Вот Катя ведет его на поводке. Ведет ласково, нежно. Не дергает, не мотает из стороны в сторону.

А при этом еще разговаривает с ним, советуется, как жить, как исправить тройку по математике.

Пудель вздыхал и засыпал с улыбкой. Ему снились удивительные сны.

Однажды ему приснилось, что он идет вместе с Катей по улице. А навстречу, откуда ни возьмись, молодой раскормленный Волчище. Шагает вразвалочку, взгляд наглый, с прищуром. Волк прошел мимо Кати и даже не кивнул головой.

— Сейчас же поздоровайся с моей любимой хозяйкой, — сурово потребовал Пудель.

— Очень надо... — проворчал Волк, — еще тут со всякими хозяйками здороваться...

Тогда возмущенный Пудель вцепился ему в загривок и пустил серую шерсть по ветру. Трепал его до тех пор, пока насмерть перепуганный Волк не поклялся здороваться с Катей по два раза при каждой встрече. После этого Волк, жалобно подвывая, прыгнул без очереди в первый подъехавший троллейбус и укатил.

Но это были только прекрасные сны. Наяву все обстояло совсем иначе.

Ах, если бы вы только знали, как тяжело быть собакой у человека, которого не уважаешь! Нет, кто не был в таком положении, тому не понять.

Пудель медленно подошел к Кате и тихо положил голову ей на колени.

— Ка-тяф! — с трудом, с усилием выговорил он.

О, сколько он хотел ей еще сказать, но больше не смог вымолвить ни словечка. Катя рассеянно погладила его по голове. Пудель остро ощутил: Катя думает сейчас не о нем, о чем-то совсем другом, не имеющем к нему никакого отношения.

«Куда же подевался Веснушка? Не случилось ли с ним чего?» — вот о чем с мучительным беспокойством думала Катя.

«Как этот лентяй и ничтожество, Кот Ангорский, научился говорить?» — огорчился и завидовал Пудель.

Глава 9

КОМУ УЖИН НЕ НУЖЕН?

Между тем Веснушка по-прежнему сидел в животе у Кота Ангорского.

Нельзя сказать, что ему было там особенно приятно или уютно, но все же терпеть было можно. Чтобы позлить Взятииобидели, Веснушка в животе Кота Ангорского нарочно громко вздыхал, сокрушенно охал, словно от жалости и сочувствия.

— Жаль мне тебя! О-хо-хо!.. — проникновенным голосом говорил Веснушка. — Кислый ты человек. И жизнь у тебя кислая, и шарф твой давно прокис. Никто тебя не любит, и любить тебя не за что.

Взялииобидели не хотел вступать в разговор с Веснушкой, но все же не утерпел и закричал:

— За что это я буду кого-нибудь любить? Пусть сначала меня кто-нибудь полюбит. А я еще тогда подумаю: любить или нет!

Взялииобидели крепко ухватил Кота Ангорского за задние лапы, перевернул и начал безжалостно трясти над столом, надеясь, что Веснушка не удержится в животе и вывалится.

Коту Ангорскому это вовсе не понравилось. Да и, по правде говоря, кому понравится, когда тебя держат за задние лапы и, перевернув вниз головой, трясут изо всех сил?

Кот Ангорский истошным голосом взвыл от несправедливой обиды. Изогнувшись, постарался цапнуть за руку нежно любимого хозяина.

А Веснушке хоть бы что. Он только кряхтел от удовольствия и приговаривал:

— Давай, давай! Еще! Еще! Вот здорово! Как на качелях. Вверх — вниз! Вверх — вниз!

Взялииобидели, увидев, что все равно у него ничего не получается, выпустил Кота Ангорского. Несчастный кот шлепнулся на стол, как кусок сырого теста.

Между тем за окном понемногу стемнело, сумерки вползли в комнату, прячась пока по углам, за шкафом.

Тут Взялииобидели заметил что-то необычное. Более того, просто невероятное. У Кота Ангорского изо рта шел свет! Да и не только изо рта. Свет двумя прямыми лучами вырывался из его ноздрей. Слабо и таинственно, как два чердачных окошка, светились его уши.

— Вот и славно! — злобно обрадовался Взятииобидели. — Теперь мне больше не нужна настольная лампа. Теперь у меня имеется свой собственный настольный кот. Опять же — экономия. Вот так-то, маленький человечек!

Взятииобидели щелкнул по носу Кота Ангорского.

— А ну, открой рот! Шире! Еще шире!

Несчастный Кот Ангорский раскрыл рот, с укоризной глядя на нежно любимого хозяина.

Веснушка у него в животе жалобно всхлипнул, запищал тоненьким голосом, с чувством зашмыгал носом:

— Ах ты бедняжечка! Двоюродный брат простокваши. Родной дядя лимона без сахара. Оказывается, ты еще и жадина! А Солнышко нам всегда говорило: «Запомните, детки, кого скупой обкрадывает? Да самого себя!»

Тут уж Взятииобидели не выдержал. Он вскочил как ужаленный и стегнул шарфом Кота Ангорского.

Кот Ангорский не стал дожидаться, пока мохнатый шарф второй раз опояшет его спину. Коротко мяукнув, вытянувшись дугой, Кот Ангорский вылетел в форточку.

Он забрался на крышу сарая и глубоко задумался.

«Где она, справедливость, где? Покажите мне ее!» — встряхиваясь и поеживаясь, рассуждал он.

Настроение у него было просто отвратительное. К тому же он успел сильно проголодаться.

Но никакой надежды, что Взятииобидели его накормит, больше не оставалось. Кусок отварного

мяса и жареный куренок исчезли, улетучились, рассеялись во мраке.

Итак... Кот Ангорский отправился сам добывать себе ужин.

О, как я завидую тем, кто видел это удивительное зрелище!

Кот Ангорский, втянув голодный живот, тихо пробирался по выступу карниза от окна к окну. Он скользил, как бархатная тень.

Зубы он крепко сжал. Только два прямых луча вылетали из его ноздрей. Над ними загадочно показывались два слабо освещенных треугольника. Это были уши Кота Ангорского.

Кот Ангорский чувствовал себя спокойно и уверенно. Он не в первый раз отправлялся на подобную прогулку.

Очень скоро его чуткий нос уловил соблазнительный запах.

Этот запах как будто звал его: «Кис-кис-кис! Иди ко мне! Я жду тебя, жду с нетерпением!»

Кот Ангорский легко и воздушно, будто весом был не больше пушинки, влетел на подоконник ближайшего окна.

Да, как всегда, его знаменитый нос не ошибся! На синей тарелке, в кудрявых завитушках прозрачного пара, лежала куриная ножка.

Румяная, с корочкой. Но не подумайте, вовсе не сухая, не пережаренная!

«Ах, любезная куриная ножка, как ты мила! — сказал про себя Кот Ангорский. — К тому же ты еще тепленькая! Как это благородно с твоей стороны!»

В комнате было темно. Как голубое окно, мерцал экран телевизора.

Перед телевизором на диване сидели, тесно обнявшись, Нинка-блондинка и две ее подружки Галя и Валя.

Кот Ангорский надеялся под покровом темноты быстро схватить куриную ножку и вместе с ней незаметно исчезнуть.

Но, к сожалению, совершенно невозможно схватить куриную ножку, не раскрывая рта.

А как только Кот Ангорский открыл рот, тотчас изо рта у него во все стороны брызнули яркие лучи. Они осветили его передние лапы, хищные оскаленные зубы, синюю тарелку и куриную ножку в кудрявых завитках пара.

— Смотрите, смотрите! — хором закричали все три девочки. — Это Кот Ангорский! Ах, воришка!

Кот Ангорский разочарованно мяукнул, навсегда прощаясь с куриной ножкой, и скрылся за окном.

Он снова направился по карнизу.

На этот раз он выбрал комнату, где не было ни души.

Мягко светила настольная лампа под розовым абажуром с цветочками.

Под лампой, освещенная этим нежным светом, стояла тарелка, покрытая салфеткой. Но никакая салфетка не могла быть препятствием для тренированного носа Кота Ангорского.

Он тут же по запаху определил, что под салфеткой лежат две сосиски. Именно сосиски и именно две.

Кот Ангорский прыгнул на стол и, ловко подцепив когтями салфетку, отшвырнул ее в сторону, поскольку салфетка его совершенно не интересовала.

Кот Ангорский на мгновение задумался. Как истинный кот, он не любил сразу набрасываться на еду.

Ему нравилось сначала все как следует обнюхать, потом все как следует обдумать и лишь тогда, не спеша, приступить к еде.

«Главное, решить, с какого конца начать есть сосиску. Если я начну с этого конца, то приду к тому. Будет ли сосиска такой же длины, если я начну есть ее с того конца и приду к этому? Мне кажется, она будет чуточку длиннее...»

Решив этот сложный вопрос, Кот Ангорский облизнулся и хотел было уже вонзить в сосиску зубы, как вдруг Веснушка у него в животе шевельнулся и завопил что было мочи:

— Эй, спасайте сосиски от киски! Кому ужин не нужен! Воруют! Грабят!

— Батюшки! — слышался старческий дребезжащий голос.

Дверь распахнулась. Вбежала маленькая седая старушка с аккуратным круглым пучком волос на затылке, похожим на моток ниток.

Несмотря на свой преклонный возраст и домашние шлепанцы, которые все время так и норовили свалиться с ног, она очень проворно подскочила к столу и ловко вытянула Кота Ангорского вдоль спины кухонным полотенцем.

Кот Ангорский одним махом перелетел через подоконник.

Погода испортилась. В темноте шелестел дождик. Пахло сырой землей, прошлогодними вялыми листьями.

Кот Ангорский пристроился за водосточной трубой. Внутри трубы по жести уныло сбегала вниз вода.

Кот Ангорский задумался. Кто кого все-таки поймал: он Веснушку или Веснушка его?

Нет, по всему выходило, что поймал его все-таки Веснушка.

Так и от голода помереть недолго. А от милого пушистенького хозяина не дожدهшься теперь не только блюда молока, разбавленного водой, но и блюда воды, куда добавлена хоть капля молока.

Веснушка в животе вел себя тихо и примерно. Не шевелился, дышал сонно и ровно.

«Может, уснул?» — с надеждой подумал Кот Ангорский.

Чтобы Веснушка уснул крепче, Кот Ангорский с горя даже замурлыкал простуженным басом какую-то разбойничью колыбельную.

Стараясь не потревожить Веснушку, Кот Ангорский плавно двинулся по карнизу.

Вдруг его чуткий нос уловил какой-то восхитительный запах. Сомневаться не приходилось. Да, так мог пахнуть только антрекот под луковым соусом.

Легко, как балерина, Кот Ангорский взвился в воздух и приземлился на подоконнике.

На тарелке лежал холодный антрекот, окруженный застывшей подливкой.

«Ах, милый кусочек мяса, — с сожалением подумал Кот Ангорский. — Ну зачем, зачем ты застыл? Как это нехорошо с твоей стороны...»

На этот раз голодный Кот Ангорский не стал долго раздумывать. Прыжок! И он судорожно вонзил зубы в мягкое сочное мясо.

В тот же миг Веснушка встrepенулся у него в животе.

— Эй, кот украл антрекот! — оглушительно завопил Веснушка. — Держите, ловите!

Но все было тихо и безмолвно. Видимо, хозяев не было дома.

Кот Ангорский, торжествующе фыркнув в усы, решил, что уж на этот раз никто на свете не сможет помешать ему плотно поужинать.

Он еще крепче вонзил зубы в мясо, свел все четыре лапы вместе, чуть присел, приготовившись к прыжку, как вдруг... Холодный антрекот, который он держал в зубах, стал таким горячим, будто его только что сняли со сковородки.

Кот Ангорский завизжал и выронил мясо.

— Ха-ха-ха! — весело засмеялся Веснушка. — Я его подогрел немножко, а? Тепленький-то вкуснее...

Кот Ангорский в отчаянии залез под дрова, забился в щель между двумя бревнами.

— Ну, вот что, — строго сказал ему Веснушка. — Да будет тебе известно: ни один солнечный луч никогда не брал ничего чужого. А теперь что же это получается: ты воруеть, а я в это время у тебя в животе сижу. Так выходит, я тоже воришка? Ну уж нет. Придется тебе сегодня поголодать. Зато уж завтра я тебе такой обед обещаю — лапки оближешь!

Кот Ангорский покорно и жалобно, как-то по-мышинному, пискнул, чем сильно удивил старую мышь, ушедшую на покой и устроившую себе в сваленных бревнах удобную квартиру.

Мимо бревен, под морозящим дождем, уныло повесив отсыревшие уши, прошел мокрый Пудель.

Учуяв Кота Ангорского, неодобрительно зарычал, просто так, чтобы лишний раз высказать о нем свое мнение.

— Да, — задумчиво протянул Веснушка. — Хороший пес Пудель! Конечно, и он тоже не без недостатков. Придумал, что его подарки — самые лучшие-чудесные-бесподобные, какие только есть на свете. Ну, да это мы еще поглядим!.. А в остальном — отличнейший пес. Я все думал, кого это он мне напоминает? А сейчас вспомнил. Одного пса... Скучно, брат, у тебя в животе, расскажу-ка я тебе историю...

Коту Ангорскому вовсе не хотелось лежать голодному под сырыми бревнами и слушать историю про какую-то собаку, да еще историю, которую рассказывают в твоём собственном животе. Но он только тихо и уныло вздохнул.

Глава 10

ИСТОРИЯ МАЛЕНЬКОГО КАНАТОХОДЦА, КОТОРОГО С ДВУХ СТОРОН ПОДДЕРЖИВАЛИ ДЬЯВОЛЫ

— Это было вчера, — начал свой рассказ Веснушка. — Хотя моя Катя почему-то утверждает, что я не совсем правильно понимаю слово «вчера». Но во всяком случае это было совсем недавно. Уж не помню, как и зачем залетел я в один город. Что ж, город как город. На главной площади — ратуша. Это такой угрюмый каменный дом с башней. В этой ратуше собирались бургомистр и все богатые горожане судить-рядить, придумывать всякие новые указы да законы, чтобы отнять у бедняка последний грош.

Было в этой ратуше высокое окно, сделанное все из разноцветных стеклышек. Называется такое окно — витраж.

Да это только так говорится — окно, на самом деле: целая картина. Из цветных стеклышек был выложен рыцарь в лиловом плаще. Он сидел на золотом коне, покрытом красной попоной. А копыта коня ступали по такой зеленой траве, что больно было смотреть.

Ну, да тут главное совсем другое. Главное, что я по-настоящему подружился с этим рыцарем. Из-за него, уж если хочешь знать, я и задержался в этом городе.

Захочешь, пролетишь сквозь синее стекло — станешь синим-синим, сам на себя удивляешься. Прыгнешь в красное — станешь красным, как огонь.

Однажды в наш город зашел бродячий гимнаст. Совсем еще мальчишка. А с ним собака.

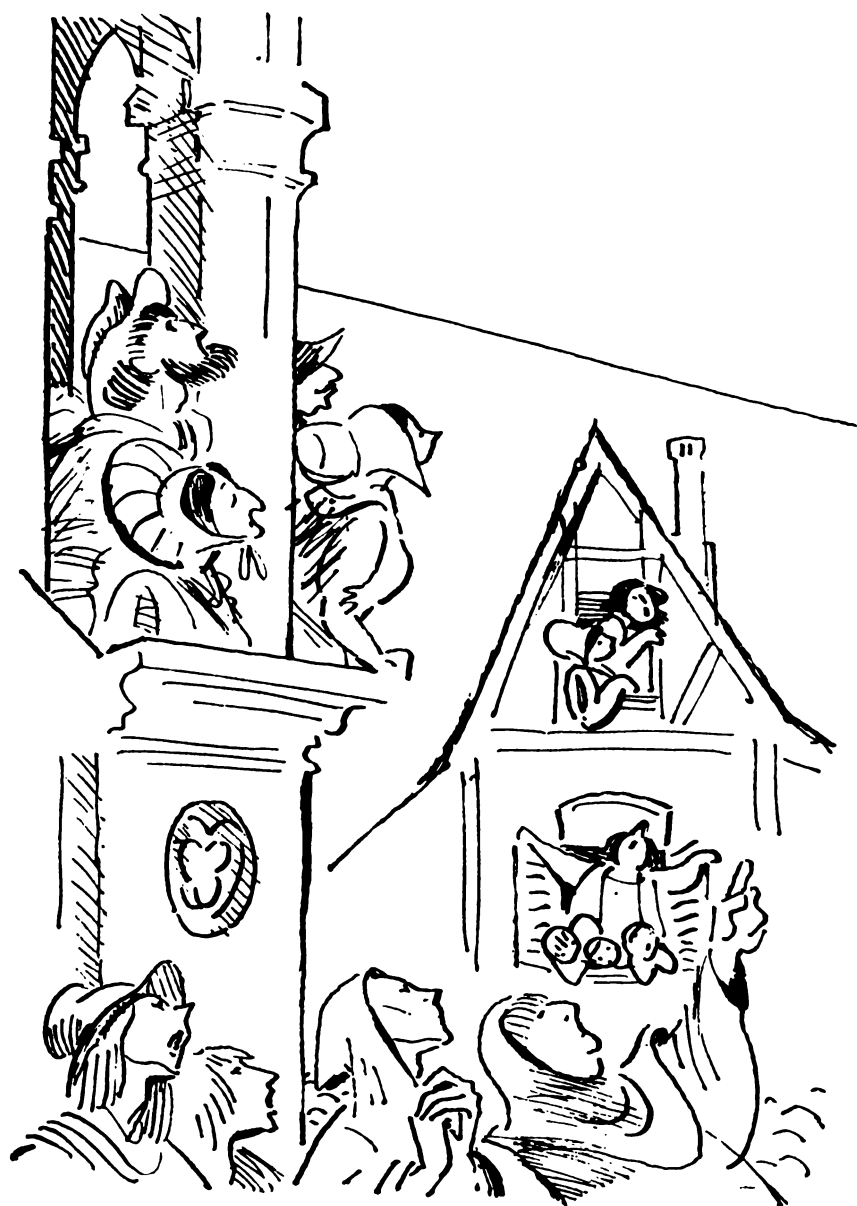
Ну и парочка, я тебе доложу!

Мальчишка в рваном черном трико, заплата на заплате. А сам тонкий, как ивовый прутик, но и гибкий такой же.

А пес прямо-таки скелет с кое-как накинутаой на него шкурой. Кажется, потяни его за ухо — и сам пожалеешь, ухо останется тебе в подарок. Но глаза у пса были печальные и преданные. Настоящие глаза, рыжие.

Рано утром мальчишка натянул веревку над всей площадью между двумя высокими черепичными крышами. И по всему городу прошел слух: маленький циркач перейдет с одной крыши на другую по этой веревке.

На площади собрался народ. Хромые, убогие и те выползли поглядеть на это диво.

Пожаловал даже сам почтеннейший бургомистр. С трудом задрал голову, посмотрел на мальчишку. Голову бургомистра так и оттягивали книзу жирные щеки и тройной подбородок.

Много я видел человеческих глаз, но в этих, казалось, поселилась сама Темнота. С такой злобой глядел он на мальчишку, будто приказывал взглядом: упади, оступись!

А мальчишка, словно назло бургомистру, легко и уверенно ступил на веревку. И только неживая застывшая улыбка замерла у него на губах.

Он шел то медленно, то вдруг почти бежал, и старая потертая веревка растягивалась и прогибалась под его ногой.

Страшно было смотреть на маленькую, черную, словно обугленную, фигурку, бегущую высоко над площадью по ветхой паутинке.

Наконец мальчишка дошел до конца веревки. Тут его улыбка словно оттаяла. Он махнул рукой, и люди разом шумно вздохнули с облегчением, громко заговорили, засмеялись.

Откуда ни возьмись выскочил драный мальчишкин пес.

Выскочил, да так озорно, весело стал обходить всех по очереди. Он вышагивал на задних лапах, умильно наклонив голову набок. А в зубах держал старую шляпчонку, больше похожую на пустое птичье гнездо, чем на шляпу.

Ну как тут было удержаться! В шляпу посыпались медяки, а порой рыбкой мелькала и серебряная монета.

Но едва лишь мальчишка спустился на площадь, как два дюжих стражника схватили его за шиворот, подтащили к бургомистру.

— Я ничего не украл! Я не сделал ничего плохого! — крикнул маленький циркач. — Я только прошел по веревке!..

— Вот и отправишься по ней прямехонько в ад, — злобно усмехнулся бургомистр. — В тюрьму его!

Хотели поймать и пса, обыскали всю площадь и все ближайшие улицы и закоулки, но тот словно сквозь землю провалился.

На другой день собрался народ в ратуше. Столько людей набилось — не повернуться. Все переговариваются, шумят, жалеют маленького циркача.

Вдруг стало тихо. Вышел бургомистр с тяжелой золотой цепью на шее. Вид важный — не подступись!

За ним — судьи. Все в черном, даже шапочки черные, лица строгие, неприступные. У главного судьи — запавший тонкогубый рот, глаза как у голодного волка. Тихо-тихо стало в ратуше. Передние ряды попятились назад.

— Милостивые судьи! — зычным голосом начал бургомистр. — И вы все, честные, богобоязненные жители нашего города! Всем вам заявляю, что мальчишка этот — слуга дьявола, еретик и безбожник!

Тут он протянул руку и пальцем показал на мальчишку.

Бедняга сидел, скорчившись, как сухой стручок перца, на холодной каменной скамье в углу. Такой он был маленький и хрупкий, что два стражника по обе стороны скамьи казались великанами.

— Мыслимое ли дело, чтобы живой человек прошел по веревке и ни разу не оступился? — распалялся бургомистр все больше и больше. — Видно, поддерживают его с двух сторон дьяволы, потому он идет и не падает. А дьявол, он знает, с кем

знаться и водить дружбу. Только того, кто продал ему свою бессмертную душу, поддерживает дьявол. Это так, а не иначе. И посему надо не медля сжечь этого мальчишку на костре. Сжечь скорее! А вместе с ним сжечь его богопротивную собаку, которая тоже есть дьявол, только для виду принявший образ собаки, чтобы смутить и соблаз-

нить слабые души. И веревку, по которой шел мальчишка, тоже надлежит кинуть в огонь, потому что по всему видно: пеньку для нее трепали дьяволы в самом аду!

— Сжечь! — прошамкал главный судья.

— Сжечь! — замогильными голосами повторили все судьи.

А стражники ударили древками алебард об пол.

«Эге-ге! — смекнул я. — Не рыжее получается это дело. Ну, совсем не рыжее! Конечно, я всего-на-всего обыкновенный солнечный луч, каких много, но все-таки...»

Бургомистр оглядел толпу. Но он увидел недобрые, нахмуренные лица. Услышал глухие, беспокойные голоса.

Тогда бургомистр простер вперед руки и крикнул во весь голос:

— А для тех маловеров, что еще таят сомнения в истинности моих слов, скажу еще. Не по веревке, натянутой по воздуху, а только лишь по половине может пройти человек, если не продал он душу дьяволу. Да, пройти по половине — вот это может каждый добрый человек!

В первых рядах стоял молодой широкоплечий угольщик. И хоть было тесно в ратуше, но от него с опаской сторонились люди, чтобы не стать такими же чумазыми, как он. Потому что в его кожу и одежду въелась угольная пыль.

— Так пусть наш почтенный бургомистр и пройдет по половине, — громко сказал он. — А мы посмотрим!

— И пройду! — весь побагровев, крикнул бургомистр.

Но тут его ноги сыграли с ним недобрую шутку.

Они ни за что не хотели идти как надо, ступать прямо и ровно, и почтенного бургомистра все время качало и заносило из стороны в сторону, как тяжелый корабль во время бури.

Признаюсь, я ничуть этому не удивился. Потому что бургомистр, прежде чем заявиться в ратушу, спустился ненадолго в хорошо знакомый ему погребок. А я залетел туда вместе с ним. Там он осушил подряд не один кубок старого вина.

— Да он попросту пьян, наш бургомистр, — горько вздохнула какая-то старушка с серым, усталым лицом.

И тут я понял, что мне надо делать.

«Ну, — подумал я, — старый дружище, рыцарь, выручай! Будет тебе гарцевать на одном месте. Придется нам потрудиться».

Нимало не медля, я пролетел сквозь красное стекло и приземлился прямо на носу у бургомистра.

Да будет тебе известно, что я немало посидел на разных носсах. Доложу тебе, носы бывают самые разные, ты даже себе не представляешь. Взять, к примеру, нос труса. Дрожит, как былинка на ветру, не усидишь. Или нос обжоры. Вечно в сале, в жирной подливке, того и гляди прилипнешь. А нос скупца и скряги? Бледный, холодный, как кочерыжка. Просто окоченеешь, самого проберет дрожь. Не знаю, может быть, кто-нибудь и загордился бы, сев на нос самому почтенному бургомистру. Но я — ни капельки! Ведь я всего-навсего скромный солнечный луч, каких много. Нет во мне этого тщеславия.

Зато уж нос засиял, как переспелая малина.

Бургомистр отвернулся, шагнул в сторону, стараясь избавиться от назойливого луча. Но не тут-то было!

В толпе засмеялись.

— Бургомистр — красный нос! — крикнул кто-то.

Судьи в растерянности переглянулись, лица у них позеленели и вытянулись. Не могут понять, откуда такая напасть.

Один из стражников выронил алебарду, и она с грохотом упала на каменные плиты.

А я тем временем пролетел сквозь лиловый плащ рыцаря и снова уселся прямехонько на нос бургомистра. Нос запылал, как созревшая слива. Тут дело пошло еще веселей.

От хохота задрожали мрачные древние стены.

Бургомистр с куриным кудахтаньем перебегал с места на место, но отделаться от меня все равно не мог. Я крепко сидел на его носу, как опытный наездник на норовистой лошади.

— Бургомистр — синий нос! Бургомистр — синий нос! — гремело со всех сторон.

Бургомистр не выдержал. Хрипя от бессильной ярости, стenea от страха, он бросился вон из ратуши. Судьи — за ним, роняя на бегу чернильницы и гусиные перья.

— Уноси ноги, малыш, — сказал сердобольный стражник и тронул за плечо маленького циркача. — Сейчас дождь — на улице ни души.

Едва мальчишка выскочил на площадь, словно из-под земли появился его пес, мокрый, вертлявый и веселый. Облизал мальчишке всю рожицу, так что и умываться не надо.

Я проводил их обоих до городских ворот. К счастью, дождь кончился. Признаюсь, терпеть не могу мокнуть под дождем. Приходится пробегать, крутиться между каплями. Очень утомительное занятие.

В этот день я еще не поленился забежать к бургомистру.

Он лежал, утонув в глубоких подушках, и безнадежно стонал. А лекарь с унылым постным лицом собирался ставить ему на нос пиявки. Но, думаю, они ему не очень-то помогли.

— Ну что, интересная история? — закончил Веснушка свой рассказ.

По правде говоря, Коту Ангорскому вся эта история ничуть не понравилась.

«Ни за что бы не стал переходить с крыши на крышу по какой-то веревке, — неодобрительно подумал Кот Ангорский. — Даже если бы меня с нетерпением ждали на крыше сразу сто мышей. Все равно, извините, премного благодарен...»

Но вслух он этого не сказал. А только подобострастно и униженно не то мяукнул, не то мурлыкнул.

Глава 11

СТРАННЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ

Да, друзья мои, обещания надо выполнять! Обещано было рассказать про Говорящего Кота — всё! Надо рассказать.

Что уж тут скрывать, я это сделаю с огромным удовольствием. Мне просто до смерти хочется поскорей рассказать вам о Говорящем Коте, о его знаменитом и загадочном выступлении в цирке, о его таинственном...

Но довольно, начнем по порядку.

Итак... Директор цирка сидел у себя в кабинете.

Это был человек высокого роста с удивительно густыми, черными усами, которые торчали сразу вверх, вниз и в разные стороны.

В кабинете у него всегда пахло лошадьми, хотя никогда ни одна лошадь не осмеливалась переступить порог его кабинета.

Да, скажем прямо, директора цирка боялись все.

Когда он приходил на репетиции, лвы без всяких уговоров тут же перепрыгивали с тумбы на тумбу. Лошади начинали особенно грациозно и му-

зыкально кружиться в вальсе. А удав прямо-таки из кожи лез, стараясь как можно туже обвиться вокруг мага-фокусника в черной чалме. Он обматывался вокруг него, как толстая веревка вокруг тоненького карандаша. Бедняга фокусник весь синел от его старательности.

Но больше всех директора цирка боялась его секретарша Милочка. Та самая Милочка, у которой на голове было триста тридцать три одинаковых кудряшки, из которых каждая завивалась штопором по часовой стрелке.

Сегодня с утра директор цирка был в особенно скверном настроении.

Настроение директору цирка испортил маэстро Живодралло, заграничный дрессировщик, приехавший на гастроли со своим львом Нептуном откуда-то очень издалека.

Маэстро Живодралло оказался капризной маленькой избалованной девочки.

Он заявил директору цирка, что недоволен всем, решительно всем.

Да, да! Оркестр играет то слишком тихо, то слишком громко.

Осветители назло освещают его то слишком ярко, то слишком тускло.

И, конечно, поэтому зрители аплодируют слишком вяло.

А тут еще он вышел погулять после обеда, и на него в переулке набросился какой-то дикий, совершенно невоспитанный сквозняк. Этот дрянной сквозняк забрался к нему в рукава и за воротник, и вот уже он, всемирно известный маэстро Живодралло, чихнул два раза.

«Я должен был ему сразу сказать, что не могу отвечать за все переулки и за все сквозняки, — с раздражением пробормотал директор цирка. — Как жаль, что такие умные мысли приходят после. А еще я должен был ему сказать...»

Но в это время дверь кабинета, слабо пискнув, приоткрылась.

— Ну, что там еще? — с досадой повернул голову директор цирка.

В кабинет заглянула секретарша Милочка. Ресницы ее дрожали. Все триста тридцать три кудряшки на голове дружно подпрыгивали.

— К вам, Александр Македонович... — еле слышно пролепетала она и скрылась.

Дверь приоткрылась чуть пошире, и в кабинет, виляя длинным тощим телом, вошел Кот. Обыкновенный подзаборный Кот, грязного серо-желтого оттенка.

Директор цирка в полном недоумении уставился на это жалкое создание.

— А ну-ка, встань на задние лапы! — слышался чей-то негромкий голос.

Серый Кот с несчастным видом оторвал передние лапы от пола, качаясь, с трудом распрямил спину и, неуклюже переваливаясь, зашагал на задних лапах.

«Нет! Это переходит все границы! — со злостью подумал директор цирка. — Конечно, его хозяин спрятался где-то здесь за дверью и надеется растрогать меня видом этой жалкой, ничтожной твари. Неужели он думает, что я позволю этому коту выступать на арене моего цирка? Какова, однако, наглость!...»

— Брысь!!! — приподнимаясь в кресле, взревел директор цирка, так что афиши, висевшие на стене, захлопали, как крылья огромных птиц.

Кот в испуге шархнулся было к двери, но тот же голос спокойно остановил его:

— Куда? Куда? А ну-ка, мой славненький, встань на задние лапы и вперед!

Кот снова старательно встал на задние лапы. При этом вид у кота был удивительно несчастный. В глазах светились отчаяние и тоска. Он шел будто бы не по своей воле, а словно его заставляла идти какая-то невидимая и беспощадная сила.

Директор цирка просто онемел от ярости.

Мало ему неприятностей с этим маэстро Живодралло и сквозняками, которые накидываются из-за углов в переулках! Теперь еще какой-то жалкий, облезлый кот! Его хозяин, конечно, трусливо прячется за дверью кабинета...

Наконец директор цирка обрел дар речи.

— Сейчас же выкиньте из кабинета этого кота! — грозно воскликнул он.

— Лучше выкиньте из кабинета этого директора! — слышался в ответ спокойный, даже несколько ленивый голос.

Директор медленно и неловко поднялся с кресла. Ярость сковала все его движения.

Он испустил страшное, поистине угрожающее рычание. Дело в том, что рычанию он обучился у львов и тигров, выступавших на арене его цирка. И надо признаться, это получалось у него очень неплохо.

Он репетировал рычание в полном одиночестве, запершись у себя в кабинете. Он долго рычал на раз-

ные лады до тех пор, пока ему самому не становилось как-то жутковато.

Директор цирка широко распахнул двери своего кабинета. Но за дверью никого не было, кроме секретарши Милочки. Она стояла, умоляюще сложив дрожащие руки. Прыгали ее круглые локти. Тряслись желтые кудряшки.

— Где он?! — прорычал директор цирка.

— Кто он? — отшатнувшись, прошептала Милочка.

— Он тут, — слышался все тот же негромкий спокойный голос.

Директор цирка стремительно обернулся.

В его кресле, небрежно развалясь, сложив на впадом желто-сером животе тощие лапы с грязными подушечками, сидел драный Кот.

Он сидел как ни в чем не бывало, удобно устроившись в том самом кресле, к которому все подходили с подобострастными улыбками и почтительным трепетом.

Даже тигрица Анюта, прозванная за свой неукротимый нрав «Железный Коготь», так вот, даже знаменитая Анюта Железный Коготь как-то раз, зайдя в кабинет директора цирка, лишь с уважением обнюхала мягкое сиденье кресла. Только обнюхала! Прошу обратить внимание: только обнюхала! Но не позволила себе присесть даже на краешек кресла.

— Что это? — прошептал директор цирка.

— Ничего, — скучным голосом сказал Кот и недовольно добавил: — Да ты садись. Вот стульчик подвинь.

Кот даже не трудился открывать и закрывать рот, когда говорил. Говорил себе, и всё.

Директор цирка как подкошенный рухнул на стул.

— Предлагаю номер. Звезда арены — Говорящий Кот, — с усталым вздохом сказал странный посетитель. Но так как директор цирка продолжал тупо молчать, то Кот вдруг сердито добавил: — Не знаю, может, ты встречал когда-нибудь говорящих котов? Лично я — никогда!

Директор цирка незаметно пошарил ногой под столом: не там ли прячется этот бессовестный обманщик, который так ловко водит его за нос и незаметно говорит вместо этого Кота.

Но под столом никого не было.

Тогда директор цирка слегка привстал на трясущихся ногах и, вытянув шею, заглянул за спинку кресла, на котором спокойно восседал Кот. Но и за креслом никого не оказалось.

Пол под ногами директора цирка качнулся, как палуба корабля во время шторма.

— Мне надоело, — капризно протянул Кот. — Решай быстрее. Не то я в форточку — только ты меня и видел.

При этих словах Кот длинным, тоскливым взглядом посмотрел на окно.

«Нет, нельзя, чтобы такой номер вылетел в форточку, — подумал директор. — Что бы это ни было — это сенсация!»

— Да, да, безусловно, — поспешно, но каким-то хриплым, не своим голосом сказал директор цирка. — Хотя, по правде говоря, я не совсем понимаю...

— Это неважно, — сухо отрезал Кот. — Итак, я выступаю. Всего один раз. Но с условием...

— Если вы в смысле... э... гонорара, — прервал его директор цирка, он почувствовал себя несколько уверенней, — то можете не сомневаться, уважаемый. Конечно, я заплачу вам по самой высшей ставке. Хотя для ко...

— Это ты о деньгах? — с возмущением воскликнул Кот. — Какие деньги? Я это делаю только ради моей Кати... Если б ты только видел, какие у нее веснушки! — неожиданно добавил он нежно и чуть смущенно.

Директор цирка опять ничего не понял, но на всякий случай многозначительно протянул:

— О!..

— Короче говоря, — строго сказал Кот, — никаких денег. Но ты должен съездить к Кате и пригласить ее на мое выступление. Если Катя не придет, ты и слова от меня не дождешься.

«Этот Кот говорит мне „ты“», — про себя возмутился директор цирка.

Никто в цирке не осмеливался говорить директору «ты». Но Говорящий Кот? Тут уж было не до мелкого самолюбия.

— Знаешь, оказывается, моя Катя любит подарки, — вдруг застенчиво протянул Кот и почему-то вздохнул.

— Я съезжу к вашей Кате и приглашу ее, — тихо, но твердо сказал директор цирка.

— Сразу бы так! — довольным голосом сказал Кот. — А то какие-то деньги стал предлагать. Так вот. Большая Почтовая, дом девять. Квартиры не помню. Но тебе достаточно спросить: «У кого в этом доме самые чудесные-замечательные-удиви-

тельные веснушки?» Так тебе каждый с удовольствием, просто с наслаждением скажет.

— Я так и сделаю, — директор цирка вскочил со стула.

— Правда, это хороший подарок: билет в цирк? — остановил его Кот. — От собаки такого не дождешься. Это тебе не мозговая косточка из супа. Как ты думаешь?

Директор цирка ничего не ответил, потому что никак не мог понять, что общего между билетом в цирк и мозговой косточкой из супа.

— Да, вот еще! — воскликнул Кот, как будто внезапно что-то вспомнив. — Дай, пожалуйста, что-нибудь перекусить этому бессовестному плуту.

— Кому?! — Директор цирка вне себя от изумления качнулся вперед, потом назад и, чтобы не упасть, ухватился за спинку стула.

— Ну мне, мне, — с раздражением сказал Кот.

— Вам?!

— Ну да, мне, а то кому же? Ну в общем, я сам себе обещал хороший обед, — с досадой воскликнул Кот. — Не понимаю, что тут такого особенного?

«Ясно одно: мне никогда не разобраться в этой истории, — безнадежно подумал директор цирка. — Так лучше не ломать себе голову и не пытаться разгадать эту загадку. Главное, чтобы артист не выскочил в форточку...»

— Что вы желаете? — почтительно осведомился он. В одной его руке как-то сам собой оказался открытый блокнот, в другой — толстая авторучка с золотым пером. — Бифштекс? Котлету? Мясо: сырое, тушеное, отварное, жареное?

— Мяу! — восторженно отозвался Кот. Глаза его сверкнули жадным голодным блеском.

Легко и плавно изогнувшись, он вскочил на спинку кресла.

— Молоко? Сливки?

— Мяу! Мяу!

— Колбасу? Ветчину?

— Мяу! Мяу! Мяу!

Это было самое обычное кошачье «мяу». Подобное «мяу» директор цирка постоянно слышал у себя под окном, особенно весной в теплые лунные ночи.

Директора цирка охватило мучительное сомнение: уж не приснилось ли ему, что этот несчастный драный кот только что говорил с ним человеческим языком?

Золотое перо замерло над блокнотом.

— Мяу-у-у! — гнусаво и хрипло тянул Кот.

Он принялся тереться мордой о спинку кресла, не спуская с директора цирка хищных и заискивающих глаз.

Директор цирка ужасно рассердился.

«Конечно, мне только померещилось, что он разговаривает. Самый обычный бездомный кот. Я просто переутомлен. К тому же эти вечные нервытрепки, маэстро Живодралло со своими невозможными сквозняками. И вот результат...»

Директор цирка уже протянул руку, чтобы схватить за шиворот этого ничтожного, жалкого кота...

— Чего ты стоишь? — вдруг раздраженно прикрикнул на него Кот. — А ну, скорее-быстрее-сейчас же-немедленно!..

Директора цирка как ветром выдуло из кабинета.

ПРИГЛАШЕНИЕ В ЦИРК

Пока художники, бросив все дела, срочно выводили на афишах огромными буквами «Звезда арены — Говорящий Кот» и «Говорящий Кот — Чудо века», директор цирка сел в свою зеленую «Волгу» и отправился на поиски девочки Кати.

Директор цирка молча уселся на сиденье рядом с шофером Петей и глубоко задумался.

— Куда поедем? — наконец спросил шофер Петя, удивленный этим затянувшимся молчанием.

Петя, хотя был просто шофером, на самом деле мечтал стать артистом цирка. И уже очень неплохо жонглировал у себя в гараже гаечными ключами.

— Ах да... Извини. Большая Почтовая, десять. Девочка с веснушками... — рассеянно назвал адрес директор цирка.

За всю дорогу директор цирка не проронил больше ни слова. Он просто изо всех сил старался ни о чем не думать. И наконец с удовлетворением почувствовал, что его голова стала пустой и легкой, как воздушный шар.

В этот день Катя, вернувшись домой из школы, сразу бросилась в свою комнату. Она остановилась на пороге и с волнением обежала глазами все подряд: аккуратно, без единой складочки застеленную мамой кровать, подметенный пол, книги, сложенные на столе ровненькими стопками. Она сразу поняла — Веснушка не вернулся.

И вдруг длинные полоски на обоях как будто сломались, ножки стола и стульев зыбко задрожали,

все, колеблясь, стало расплываться — это слезы набежали Кате на глаза.

— У тебя появилась какая-то отвратительная привычка баловаться со спичками, — сердито сказала мама, входя вслед за Катей в комнату. — Вечно от тебя пахнет дымом. Какими-то жжеными тряпками, паленой бумагой. Не пойму чем. На красном платье, конечно, на самом моем любимом, дыра. Даже стол прожгла. А что ты сделала с учебником математики?

— А мне нравится! — с вызовом проговорила Катя.

Она схватила учебник и с нежностью прижала его к груди.

На учебнике математики отпечатались маленькие ноги Веснушки. Один след побольше — это была нога в башмаке. Другой — маленький, узкий — от босой ноги.

— Ах, так. Ах, тебе нравится... — тихо сказала мама. Она сняла очки и очень медленно положила на стол.

Когда мама начинала говорить вот так тихо, это был верный признак, что приближается гроза.

Но в это время из передней послышался громкий, очень длинный звонок. Можно было подумать, что кто-то нажал кнопку звонка и крепко задумался.

Мама открыла дверь.

За дверью стоял высокий человек с пышными усами, торчащими сразу вверх, вниз и в разные стороны.

— Извините, пожалуйста, не здесь ли проживает девочка Катя? — очень вежливо спросил он, церемонно приподнимая шляпу.

— Здесь, — немного растерявшись, сказала мама. — Да вы входите, пожалуйста.

Станный человек вошел в переднюю и остановился, смущенно и нерешительно глядя на маму.

— Н-да... — наконец выговорил человек и уронил шляпу.

— Что? Катя что-нибудь натворила? — с невольным испугом вырвалось у мамы.

— Что вы! Что вы! — воскликнул человек с усами и успокаивающе вытянул руки вперед ладонями. — Отнюдь нет! Ни в коем случае. Даже наоборот.

Он наклонился, поднял шляпу. Щелчком сбил прилипшую к ней пушинку и с неловкой улыбкой взглянул на маму.

— Катя, поди сюда! — позвала мама.

Катя заглянула в переднюю.

— Милая девочка! — воскликнул человек с усами и улыбнулся с радостным облегчением. — Да, да. Это она! Никаких сомнений. Рыжая, с очаровательными веснушками. Точь-в-точь такая, как описывал этот...

— Да вы проходите, — пригласила мама странного гостя.

Она жестом указала ему на стул возле стола и присела напротив.

Станный гость нервно забарабанил пальцами по столу и, раздувая щеки, в рассеянности пропел начало какого-то бодрого марша.

— Все-таки в чем дело? — натянуто спросила мама. Она сидела на стуле очень прямо. Щеки ее немного побледнели.

Человек с усами надел шляпу на свое колено, ударил по ней ребром ладони. Было ясно, что он не знает, с чего начать.

— Видите ли, я директор цирка!.. — наконец проговорил он.

— Но при чем тут моя дочь? — холодно спросила мама.

— Я приехал просить вашу дочь оказать нам честь и посмотреть сегодня нашу цирковую программу!

— Мою дочь? — в изумлении переспросила мама, высоко поднимая брови. — Я вас не понимаю.

Директор цирка внимательно посмотрел на нее.

— Я прекрасно вас понимаю. Дело в том, что я тоже ничего не понимаю. И уверяю вас — это лучше... Лучше для нас обоих. Так что давайте не понимать вместе, милая, уважаемая Катина мама!

Но видя ее растерянное лицо, широко распахнутые глаза, директор цирка неохотно признался:

— Видите ли, собственно говоря, это не я ее приглашаю...

— А кто же в таком случае? — мама пристально поглядела на директора цирка.

— Ее приглашает, э-э... как бы это выразиться... — Директор цирка смущенно заерзал на стуле.

— Все-таки, — подозрительно прищурилась мама. — Я должна знать, кто приглашает мою дочь. Поймите меня...

Директор цирка посмотрел на маму несчастными глазами, помолчал, набрал полную грудь воздуха, как бы собираясь с духом, и, наконец, проговорил тихо и безнадежно:

— Говорящий Кот!..

— Говорящий Кот?! — мама резко откинулась назад. — Вы шутите!

— Уверяю вас, нет! — в волнении привстал со стула директор цирка.

— Говорящий Кот? — дрогнувшим голосом спросила Катя, делая шаг вперед. Она начала кое о чем догадываться.

— Совершенно верно, мое очаровательное, на редкость сообразительное дитя, — обрадованно повернулся к ней директор цирка. — Возможно, вы знаете этого... э-э... Говорящего Кота?

— Моя дочь не знает никаких Говорящих Котов! — с беспокойством воскликнула мама. — Ну, что ты молчишь, Катя? Сейчас же скажи, что ты не знаешь никаких Говорящих Котов!

— Я не знаю, но... — прошептала Катя.

— Вот видите, — мама с торжеством повернулась к директору цирка. — Какие-то глупые выдумки.

— Но, к сожалению, то есть к счастью, Говорящий Кот вовсе не выдумка. Он действительно существует, — директор цирка с извиняющимся видом развел руками.

— Но при чем тут моя дочь? — уже в отчаянии воскликнула мама.

— Мамочка, мамочка, — бросилась к ней Катя. — Ну, пожалуйста, ну, разреши. Ну, мне очень-очень хочется. Ну, мамочка... Ты уже сто лет обещала пойти со мной в цирк.

Мама решительно нахмурилась, но, взглянув на отчаянное лицо Кати, махнула рукой.

— Могу ли я надеяться, что мы договорились? — робко вытянув шею, спросил директор цирка.

«Как бы тем временем великий артист не улепетнул в форточку», — с тревогой подумал он.

— А скажите, — робко спросила Катя, — этот... говорящий... он не говорит вот так: «Скорее-быстрее-сейчас же-немедленно»?

— Потрясающе! — директор цирка почти со страхом поглядел на худенькую рыжую девочку. — Да, именно так он говорил.

«Кажется, девчонка немало знает об этом невероятном Коте, — подумал он, чувствуя головокружение и слабость. — Приоткрыть завесу этой тайны? Нет, нет! Все равно мне в ней не разобраться. Лучше уж придерживаться намеченной линии. Не понимать так не понимать!»

— Но я ни в коем случае не отпущу мою дочь одну, — решительно сказала мама. — Я поеду вместе с ней.

— О, конечно, конечно! О чем разговор? — горячо воскликнул директор цирка.

В одной его руке сам собой возник блокнот, в другой — массивная авторучка с золотым пером. Вполне возможно, он тоже был немного фокусником.

— Что вы желаете? Первый ряд? Второй? Директорская ложа? — спросил он официальным тоном.

— Первый ряд! — задыхаясь, выпалила Катя и зажмурилась.

Через полминуты директор цирка, рассыпаясь в благодарностях, пятясь, вышел из квартиры.

После него остался слабый запах лошадей.

Глава 13

ВСЕМИРНО ИЗВЕСТНЫЙ МАЭСТРО ЖИВОДРАЛЛО

В этот день около цирка творилось что-то невообразимое.

Перед кассой толпилась длиннющая очередь. Люди не расходились, хотя охрипшая и взволнован-

ная кассирша каждые пять минут открывала окошечко и, приложив руки к груди, говорила измученным голосом:

— Нет и не будет. Все распродано. Нет и не будет.

Афиши «Настоящий, Говорящий» были освещены яркими прожекторами.

На каждой афише красовался огромный кот, величиной с солидного тигра.

Но поскольку никто из художников и в глаза не видел великого артиста, то каждый изобразил его так, как подсказывала ему его собственная фантазия.

Один художник придал коту вид мудреца, задумавшегося над смыслом жизни. Другой нарисовал коту пронзительные глаза, которые, казалось, видели вас насквозь.

Но всюду, всюду, на всех афишах это было нечто невообразимо пушистое. Его хвосту могла бы позавидовать любая черно-бурая лиса. А на шее торчал усыпанный блестками бант размером с пропеллер вертолета.

— Нет ли случайно лишнего билетика? — плачущими голосами спрашивали желающие попасть на представление еще за два квартала.

Во всяком случае приблизиться к дверям цирка было совершенно невозможно.

Директор цирка собственной персоной встретил Катю и ее маму на ступеньках, ведущих к высоким вращающимся дверям.

Сильной рукой привычно раздвинув толпу, угрожающе оцетинив свои усы, он помог им войти. В это время, пользуясь суматохой, в дверь попытались пролезть трое мальчишек без билетов.

— Везет же некоторым. Мне никогда!.. — с горькой завистью вздохнул самый маленький из них. На его вспотевшем носу сочно сверкал десяток веснушек размером с гривенник.

— Нельзя ли и им тоже... как-нибудь... — робко попросила Катя директора цирка.

— Конечно, мое очаровательное, на редкость сообразительное дитя! — директор цирка любезно кивнул усами.

Трое мальчишек, превратившись в три восторженно визжащих вихря, промелькнули под его рукой.

В зале царило необычайное волнение. Зрители возбужденно переговаривались:

— Говорящий Кот! Этого не может быть!

— Какой-нибудь трюк!

— Фокус!

— Ловкость рук!

— Обман!

— Выдумки!

— Шутка!

— Просто артиста загримировали под кота.

Вот и все.

— Но, однако, извиняюсь, любезнейший. На афише написано: «Настоящий, Говорящий».

— Говорящий Кот? Этого не может быть!

— Какой-нибудь трюк!

— Фокус!

— Ловкость рук!..

— Обман!..

И все начиналось сначала.

Наконец прозвенел последний звонок.

Человек в черном фраке, с белоснежной хризантемой в петлице объявил громогласно:

— Укротитель диких зверей маэстро Живодралло со своим прославленным львом Нептуном!

Конечно, в любое другое время все зрители, я уже не говорю о девчонках и мальчишках, с удовольствием посмотрели бы на льва, да еще на дрессированного льва, приехавшего откуда-то издалека.

Но на этот раз мысли всех присутствующих были заняты Говорящим Котом, только им одним.

На арену вертлявой, игривой походкой вышел прославленный маэстро Живодралло.

Он был затянут в белый костюм, весь усыпанный золотыми блестками. На ногах у него были черные лаковые сапоги, сверкавшие, как черные зеркала.

Маэстро Живодралло улыбнулся доброй, обаятельной улыбкой. Он щелкнул кнутом, и на арену, медленно переступая тяжелыми лапами, вышел лев Нептун.

Это был великолепный царственный зверь. Его голову окружала роскошная грива, похожая на волнистые океанские водоросли огненного цвета. Могучие лапы оставляли глубокие круглые следы на золотистом песке арены.

Но сердце у Кати почему-то болезненно сжалось. У огромного льва были измученные, затравленные глаза. В глубине их застыл тоскливый ужас.

Маэстро Живодралло снова полоснул по воздуху хлыстом.

Дрожь пробежала по спине льва. Он опустил свою тяжелую голову и смиренно склонил ее к ногам хозяина. Лаковые сверкающие сапоги маэстро Живодралло с одного бока запотели от его частого испуганного дыхания.

Кто-то возле Кати протяжно, со стоном вздохнул. Это был мальчишка с крапинками веснушек на вздернутом носу.

— Эх, — мальчишка даже зубами скрипнул. — Ясное дело, колотит его этот проклятый Живодралло!

Маэстро Живодралло ласково улыбнулся, показав белые зубы, похожие на куски сахара.

Оркестр заиграл быстрый танец. Скрипки мягко взлетали. Тяжело топала труба, мелко приплясывал барабан.

Но почему-то танец не получался веселым. Как будто все танцоры только делали вид, что им весело.

— Алле-гоп! — крикнул маэстро Живодралло.

Лев Нептун, испуганно скосив глаза на укротителя, прошел по доске, перекинутой с тумбы на тумбу.

— Алле-гоп!

Лев покорно прополз на брюхе под тумбой.

Маэстро Живодралло, обаятельно улыбаясь, изящно раскланялся.

Но зрители молчали, как один. Маэстро Живодралло нервно и злобно передернул плечами. Его улыбка стала кривой, будто съехала набок.

Помощник подал ему большой обруч. Мгновение — и языки пламени пробежали по всему обручу, получилось огненное кольцо.

В оркестре часто и тревожно застучали барабаны, словно это билось сердце несчастного льва Нептуна.

— Ну, мой хороший, милый дружок! Делай прыг-прыг! — ласково сказал маэстро Живодралло и взмахнул хлыстом.

Можно было подумать, что хлыст щелкнул в воздухе. Но Катя, сидевшая в первом ряду, отлично видела: хлыст обжег спину Нептуна.

Нептун дернулся и взвился в воздух. Красиво изогнулось сильное золотистое тело. Нептун пролетел сквозь огненное кольцо.

Отставив вбок жирненькую ногу, маэстро Живодралло начал раскланиваться.

Он ждал аплодисментов. Криков восторга. Но все молчали. Добренькая улыбка исчезла с лица маэстро Живодралло.

— Я знаю, почему вы не делай мне «хлоп-хлоп»! — злобно завизжал он. — Вас всех свел с ума этот говорящий кошка. Это все ерунда! Это глупый обман. Говорящий кошка не существует!

— Это меня-то не существует?! — слышался возмущенный голос, и на арену, со всех сторон залившую ослепительным сиянием прожекторов и юпитеров, выбежал тощий серый Кот.

Глава 14

ДРЕССИРОВАННЫЙ ДРЕССИРОВЩИК

Да, не будем скрывать, что Говорящий Кот в первый момент вызвал у зрителей глубокое разочарование.

Это и понятно. Говорящий Кот был совсем не такой, как на афишах. Он вовсе не поражал размерами и роскошным хвостом. В нем не было ничего эффектного.

Скажем прямо, больше всего он был похож на обычного кота, которых немало встретишь в любом дворе.

К огорчению многих, на шее у него не было даже узенькой ленточки, даже какого-нибудь жалкого

шнурочка, я уж не говорю об огромном банте, усыпанном блестками.

— А ну-ка, сердечный друг, встань на задние лапы! — строго приказал сам себе Кот.

— Ой! — Катя засмеялась от радости, сжала кулаки, застучала один о другой. Она узнала знакомый голосок. — Это он, он, мой Веснушка!

Но мама, хотя ее по-прежнему смущала вся эта необъяснимая и невероятная история с приглашением ее дочери в цирк, так была захвачена всем происходящим, что не расслышала ее слов.

Тем временем серый Кот не без труда встал на задние лапы и заковылял прямо к маэстро Живодралло.

— Кыш! — чуть не захлебнулся от ярости маэстро Живодралло. — Пшел прочь! Твое место на мусорной куч!

Маэстро Живодралло уже занес хлыст, намереваясь огреть по спине наглого Кота, но...

— Что?! — с угрозой рявкнул Кот. — А ну, брось хлыст! У нас бить зверей не разрешается! — и вдруг презрительно фыркнул: — Нет, вы только подумайте. Ударить! Кого? Меня! Чем? Хлыстом!

Маэстро Живодралло от неожиданности выронил хлыст и попятился.

Но он тут же пришел в себя. Он быстро повернулся на одном каблуке, чтобы дрянной обманщик, который спрятался у него за спиной, не успел скрыться.

Но, к своему изумлению, позади себя он никого не обнаружил.

Маэстро Живодралло понял, что это говорит сам Кот. Последние сомнения рассеялись.

Маэстро Живодралло смертельно побледнел, губы его посинели. Мелко моргая, он в ужасе уставился на Говорящего Кота.

Дело в том, что маэстро Живодралло, как многие жестокие и бессердечные люди, был отчаянным трусом. К тому же он верил всевозможным суевериям и глупостям.

«Ясно как день: в этого Кота вселился сам дьявол, — в страхе решил маэстро Живодралло. — Я погиб, песенка моя спета. О, если бы мне удалось умиловить его и подбру-поздорову выбраться из этой переделки!...»

Его зубы начали отстукивать такую бешеную дробь, что дирижер оркестра сердито погрозил барабанщику, решив, что тот совершенно некстати начал бить в барабан.

— А теперь подойди к этому славному льву! — сам себе весело сказал Говорящий Кот.

Да, голос Говорящего Кота звучал бодро и весело. Но все его поведение вовсе не соответствовало беспечному и веселому тону его слов.

Вместо того чтобы подойти к Нептуну, Кот попятился назад. Дико и хрипло мяукнул и в мгновение ока нырнул под ближайшую тумбу.

— Да пойми же, это просто большой кот, — сидя под тумбой, Говорящий Кот строго сказал сам себе. — Ну, возьми себя в руки, то есть в лапы. Нельзя же быть таким малодушным. Надо воспитывать характер. Стыдись!

Это было удивительно, необыкновенно смешно и забавно, как Говорящий Кот, сидя под тумбой, уговаривал самого себя.

Кот отчаянно сверкал плоскими зелеными глазами и время от времени тоскливо и безнадежно выпускал гнусавое «мяу!», как бы прощаясь с жизнью.

— Ну, мой миленький, мой славный, — теперь Кот упрашивал себя по-другому. Не строго, а ласково, как маленького ребенка. — Ну, моя птичка, встань на задние лапки и иди. Ну, ну, моя рыбка! Смелей!

В конце концов Говорящий Кот крайне неохотно, но все-таки подошел к Нептуну.

Лев Нептун стоял неподвижно, широко расставив могучие лапы. Он глядел на Говорящего Кота с вос-

торгом и немым восхищением. Еще бы! Ведь только что на его глазах случилось настоящее чудо. Его дальний родственник, на вид такой жалкий и крошечный, заставил побледнеть и выронить хлыст... Кого? Самого всесильного и могущественного маэстро Живодралло.

— Что? Замучил тебя? — с сочувствием спросил Нептуна Говорящий Кот.

Лев Нептун тяжело и протяжно вздохнул, и эхо ответило ему гулким стоном из глубины купола.

— Ну что ж... — задумчиво протянул Говорящий Кот и добавил, уже обращаясь к самому себе: — А ну-ка, помани маэстро к себе лапой. Пусть подойдет.

Кот повернулся к маэстро Живодралло и несколько раз махнул правой лапой.

Маэстро Живодралло моментально подбежал к Говорящему Коту и угодливо вытянулся перед ним в струнку. Еще бы! Ведь он думал, что это сам дьявол позвал его.

— Сейчас вы увидите редкий цирковой номер, — торжественно провозгласил Говорящий Кот. — Этот номер называется «Дрессированный дрессировщик»!

Говорящий Кот повернулся к маэстро Живодралло.

— А ну, скорее-быстрее-сейчас же-немедленно проползи под этой тумбой! Алле-гоп!

Маэстро Живодралло судорожно глотнул воздух.

— Но... — робко возразил он.

— А ну, прищурься, — сам себе негромко сказал Говорящий Кот.

Кот зловеще сощурил зеленый глаз.

Маэстро Живодралло застонал от бессильного отчаяния.

Как? Он, знаменитейший маэстро Живодралло, будет ползать перед публикой на животе, как какой-нибудь жалкий червь?

Но делать было нечего. Маэстро Живодралло лег на живот и пополз под тумбу. Он старался ползти как можно быстрее, отталкиваясь коленями, загребая песок ладонями.

Маэстро Живодралло вскочил на ноги. Он был весь облеплен песком. Песок скрипел у него на зубах, он яростно отплевывался. О, если бы это был простой кот! Он бы в клочья разодрал его, вырвал бы его насмешливые глаза.

Маэстро Живодралло бросил на Говорящего Кота пронзительный взгляд и вдруг рывком бросился прочь с арены, так стремительно, что из-под его каблуков выплеснулись две струйки песка.

— Эй, куда, голубчик! Назад! — небрежно окликнул его Говорящий Кот.

Маэстро Живодралло замер с поднятой вверх ногой, потом с обреченным видом повернулся к Коту.

— Хорошо бы, конечно, если бы этот жалкий дрессированный дрессировщик прыгнул сквозь горящий обруч, — мечтательно протянул Кот и добавил с сожалением: — Увы, это невозможно. Коту не удержать обруч, он слишком тяжелый.

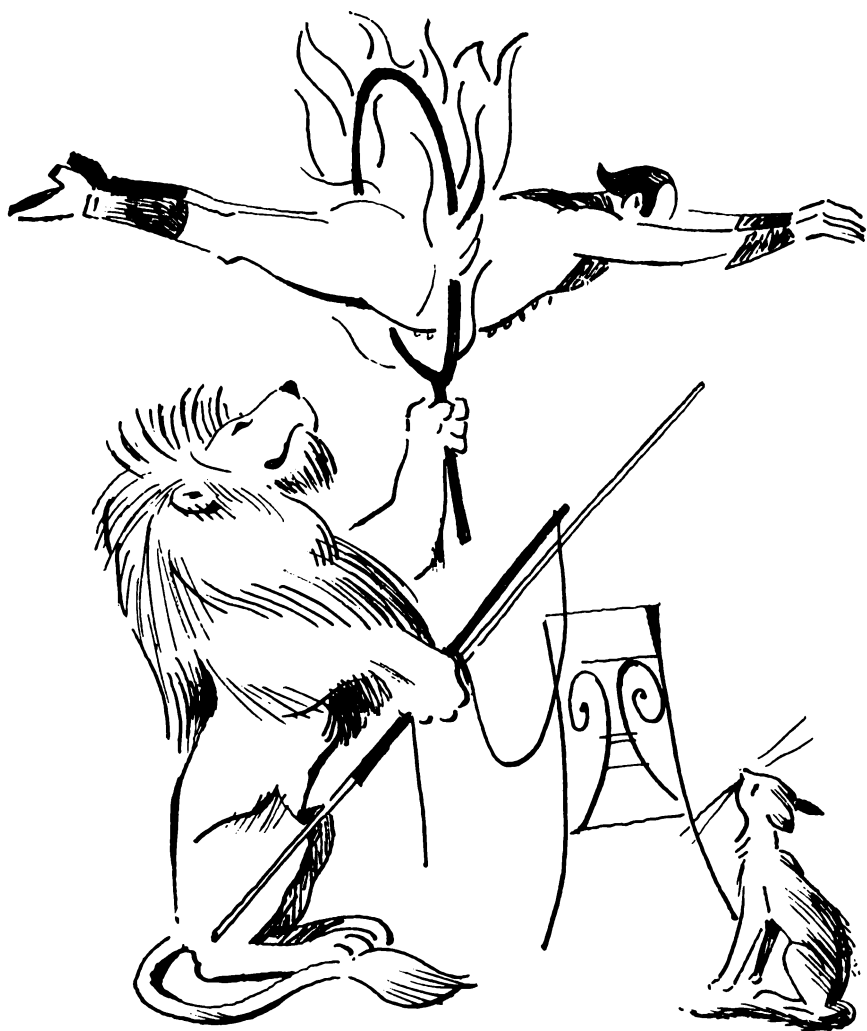
Но лев Нептун отлично понял, о чем идет речь. Он испустил торжествующее рычание и не колеблясь поднял правую лапу.

Униформист в синем костюме вынес обруч. Нептун цепко ухватил его своей сильной когтистой лапой.

— Сейчас ты будешь делать «прыг-прыг»! — на-
смешливо сказал Говорящий Кот. — Алле-гоп!

Оркестр радостно грянул.

От души смеялись скрипки, заливисто чирикали
флейты, с облегчением грузно вздыхала труба, резво
приплясывал барабан.

Да, это была поистине веселая музыка!

— Я умоляй! — маэстро Живодралло почти визжал. — Я не желаю «прыг-прыг»! Многоуважаемый кошка! Я вам заплачу целый кошель денег!

— Не говори глупостей! — сердито прикрикнул на него Кот. — Считаю до трех! И если ты...

Обруч уже пылал. Извивались длинные языки пламени в черных колпачках копоты. Лев Нептун, не дрогнув, твердой лапой держал пылающий обруч.

Надо признаться, в эту минуту он был просто великолепен!

— Раз!.. Два!.. — громко начал считать Говорящий Кот.

Но ему не пришлось сосчитать до трех...

Маэстро Живодралло, испустив протяжный вопль с подвыванием, нырнул в горящее кольцо.

В глазах у Нептуна вспыхнул гордый вольный огонь. Было ясно, что больше он уже никогда не покорится своему мучителю. Он испустил ликующий победный рык, от которого затрепетали банты на головах у девчонок, сидящих в первых рядах, и закачались трапеции, подвешенные под куполом цирка.

Нептун поднял свою широкую лапу и властно опустил ее на шею маэстро Живодралло, так что тот с размаху ткнулся носом в песок.

— А теперь брысь отсюда! — весело скомандовал Говорящий Кот.

— Спасибо! Спасибо! — улепетывая на четвереньках, вскрикивал маэстро Живодралло. Он был до смерти рад, что живым выбрался из когтей самого дьявола.

Что тут началось!

Зрители повскакали с мест, смеясь и аплодируя.

Смеялись все. Не будем скрывать: кое-кто из дошкольников и первоклассников попадали от смеха на пол.

Говорящий Кот хохотал и мурлыкал одновременно:

— Ха-ха-ха! Мур-мур-мур! Ой, не могу больше! Мур-мур! Ой, сейчас лопну! Ха-ха! Никогда так не смеялся! Мур-мур! А уж чего только не повидал я на своем веку. Ха-ха-ха! Мур-мур-мур!

Какая-то толстая тетя даже всплакнула от умиления.

Две старушки с остренькими въедливыми носами, живущие в одной квартире и поссорившиеся тридцать пять лет тому назад, неожиданно обнялись и поцеловались.

В Говорящего Кота и Нептуна со всех сторон полетели цветы.

Говорящий Кот подозрительно и брезгливо обнюхал тюльпан и больше не обращал на цветы ни малейшего внимания.

Зато лев Нептун, получивший классическое цирковое образование, брал в зубы каждый букет, кланялся и складывал все цветы в одну кучу.

Один мальчишка даже бросил на арену свернутую в трубку тетрадь по математике. Как впоследствии выяснилось, там были одни только пятерки.

Словом, успех был потрясающий и небывалый.

Лев Нептун медленно подошел к Говорящему Коту. Он отечески нежно облизал мордочку кота своим шершавым широким языком.

Говорящий Кот не удержался и, махая лапами, опрокинулся на спину. Но я думаю, что хитрец

сделал это, скорее всего, для потехи почтеннейшей публики. Потому что он тут же вскочил и с лукавым видом потерся носом об огромный носище льва Нептуна.

— В общем, я тобой, то есть собой, доволен, — серьезно сказал Говорящий Кот самому себе. — Ты, то есть я, оказался лучше, чем я, то есть ты, о тебе, то есть о себе, думал. Ну, в общем, неважно... На прощанье прыгни-ка ему на спину и поклонись. Да постарайся пограциозней!

Тут Говорящий Кот уже без всякой боязни взлетел на спину льва. Он встал на задние лапы и поклонился.

Не знаю, можно ли назвать этот поклон особенно изысканным и грациозным, но всем зрителям очень понравилось.

— До свидания! До свидания! — кричал Говорящий Кот и махал тощей лапой.

И, уже торжественно уезжая с арены на спине льва, Говорящий Кот вдруг обернулся и крикнул какие-то странные загадочные слова. Скажем по секрету: их понял только один-единственный зритель.

— А все-таки, согласитесь, билет в цирк намного лучше, чем мозговая косточка из супа!

Глава 15

ВЕЛИКИЙ АРТИСТ ВЫЛЕТАЕТ В ФОРТОЧКУ

Сам директор цирка встретил Говорящего Кота за кулисами и почтительно поздравил его с огромным, небывалым успехом. Он проводил его в свой

кабинет, предупредительно распахивая перед ним все двери и только стараясь от волнения не наступить на тощий хвост великого артиста.

Говорящий Кот прыгнул на стол и устало уселся возле чернильницы.

— Дорогой, уважаемый... извиняюсь... как бы это выразиться... до некоторой степени... отчасти... Кот! — Директор цирка нервничал, и от этого его авторучка с золотым пером приплясывала над блокнотом и выписывала в воздухе какие-то круги и восьмерки.

— Я хочу вам предложить блестящие условия. Выступления, гастроли...

Но Говорящий Кот выслушал эти взволнованные слова совершенно равнодушно. Что уж тут скрывать, будем откровенны: великий артист в это время деловито вылизывал левую заднюю лапу.

— А где моя девочка Катя? — вдруг с тревогой спросил Говорящий Кот.

— О, умоляю вас, не беспокойтесь, — торопливо воскликнул директор цирка. — Сейчас я сам, лично усажу в машину вашу глубокоуважаемую девочку и ее маму. Их со всеми удобствами доставят домой.

Директор цирка поспешно бросился из кабинета, оставив великого артиста долизывать заднюю лапу, но уже правую.

— Просто невероятно, — возбужденно заговорила мама, когда машина тронулась. — Давно не получала такого удовольствия, но все-таки... Я не ребенок... Слава богу, мы живем в двадцатом веке... Я же прекрасно понимаю, что говорящих котов нет и быть не может!

Не успела машина тронуться, как в приоткрытое окно машины влетело что-то маленькое и светящееся.

Оно мелькнуло в воздухе, как вспыхнувшая спичка. Мелькнуло и исчезло в Катином рукаве.

Это был Веснушка. Но какой он был горячий! Ух! Просто раскаленный. Ну еще бы! Что ни говорите, а он изрядно переволновался.

Катя только негромко прокряхтела сквозь сжатые зубы.

— Ты что-то сказала? — повернулась к ней мама. — Тебе что, не понравилось?

— П-понравилось, — с запинкой ответила Катя, — очень понравилось...

Катя незаметно подула в рукав. Главное, Веснушка вернулся! Главное, Веснушка снова с ней!

Между тем директор цирка скорыми шагами вернулся в свой кабинет.

Великий артист встретил его пристальным настороженным взглядом.

— Итак, я надеюсь, мы с вами договорились, уважаемый... дорогой... — несколько задыхаясь, проговорил директор цирка.

Но великий артист ничего не ответил.

Как только директор цирка подошел поближе, он бесшумно и плавно скользнул на пол и спрятался под столом за плетеной корзиной для бумаг.

Директор цирка решил, что великий артист, устав от аплодисментов и суматохи, желает продолжить беседу в более уютной, так сказать, домашней обстановке.

Директор цирка втянул живот, крикнул и тоже полез под стол.

— Заранее согласен на всё, — сказал директор цирка. — Итак, дорогой, бесценный... гм... ваши условия?

Но великий артист словно язык проглотил. Он только одичало таращил сверкающие глаза из-за корзины для бумаг.

— Может быть, вы чем-то недовольны? — с испугом воскликнул директор цирка, подползая ближе к великому артисту.

Но тот, гибко извиваясь, попятился, спрятался за ножку письменного стола и снова не сказал ни слова.

— Мы вас обеспечим любым питанием, — продолжал настойчиво уговаривать его директор цирка. — Может быть, вам нужна специальная диета? Например... свежая рыба... или... вы уж меня извините... Я попросту, знаете ли... от души... Может быть, вам нужны эти серенькие... с хвостиками? Ну, которые бегают... извиняюсь, мыши? Так извольте!

Нет, можно было подумать, что великий артист вконец потерял дар речи, онемел.

— Ну, хотя бы скажите: да или нет? — уже в отчаянии взмолился директор цирка.

Но великий артист так и не вымолвил больше ни слова.

Он только безумно блеснул плоскими серебряными глазами. Тело его напряглось, он сипло мяукнул и, вытянувшись дугой, лихо вылетел в открытую форточку.

ОПЕРАЦИЯ «БУЛ-ТЫХ»

— Хорошо, — разнеженно пробормотал Веснушка.

Он сидел на подоконнике и грелся на солнышке. По правде говоря, его вообще не было видно. Он как будто растворился в широком теплом луче. И можно было подумать: это разговаривает нагретый солнышком подоконник.

— Я давно хотела тебя спросить, — сказала Катя, — почему у тебя одна нога босая? Куда ты второй башмак задевал?

Солнце светило ярко и ровно. Ниоткуда на него не напозало ни серое, ни белое. Просто лучше не придумаешь погоды, чтобы попросить Веснушку рассказать какую-нибудь историю.

— А... башмак... — беспечно отозвался подоконник. — Было дело... Я подружился с одним мальчишкой. Волосы у него были черные-черные. Что касается веснушек, не поймешь — есть или нет. Все равно не видно.

— А сам говорил: дружу только с рыжими, — не утерпев, ревниво сказала Катя.

— А кто тебе сказал, что он был не рыжий? Я, по моему, этого пока не говорил, — сказал подоконник и вдруг добавил с горячностью: — Нет, конечно-безусловно-наверняка-несомненно — он был рыжий, мой негритенок Том!

Теплая полоса солнечного света, уходя, сдвинулась влево, и Катя увидела Веснушку.

Он лежал, закинув руки за голову. Босую ногу задрал кверху и шевелил пальцами, внимательно их разглядывая.

— Рассказать тебе про Тома? — негромко спросил Веснушка.

— Ой! Расскажи! — обрадовалась Катя.

— Все началось с того, что Том захотел научиться читать, — Веснушка пожал плечами. — Уж не знаю зачем. С чего это взбрело ему в голову, не пойму. Я вот, например, не умею читать и не жалею ничуть. Ты школу любишь?

— По-разному, — задумчиво сказала Катя. — Когда получу пятерку — очень, а получу двойку — терпеть не могу.

Веснушка с пониманием кивнул.

— Вот тогда я и отдал Тому свой башмак, — вдохнул Веснушка.

— Когда — тогда? — не поняла Катя.

— Как когда? Когда Том захотел научиться читать.

— А когда это было?

— Как когда? Когда я отдал ему свой башмак.

— Ну да. Но когда это было? Ну, когда ты отдал ему свой башмак?

— Как когда? — уже с нетерпением воскликнул Веснушка. Сердито подергал «молнию» на курточке вверх-вниз, вверх-вниз. — Когда он захотел научиться читать.

— Но я не о том... Когда это было? — обмирая, спросила Катя, понимая, что сейчас неизбежно случится беда.

— Ты что это, нарочно? — закричал Веснушка, поворачивая к ней маленькое пылающее лицо. — Я же тебе нормальным языком говорю: когда я отдал Тому свой башмак, тогда он захотел научиться читать. То есть когда он захотел научиться читать,

тогда я и отдал ему свой башмак. Чего тут не понимать? Проще простого!

Веснушка весь так и покраснелся от негодования. Хорошо еще, что ярко светило солнце, а то Веснушка вполне мог бы прожечь подоконник. Такое уже случалось.

Не спорю, не спорю, вы тоже можете покраснеть от негодования, но при этом, сколько бы вы ни старались, все равно не сможете прожечь подоконник.

— Слушай, а самолеты тогда летали по воздуху? — догадалась спросить Катя.

— Они тогда по земле ползали, — Веснушка презрительно скривил губы. — На четвереньках. Самолеты! Тогда даже пароходов не было. По морю плавали корабли во-от с такими большими парусами.

— Так это было давно! — обрадовалась Катя.

— Давно? — искренне удивился Веснушка. — Скажешь тоже! Давно — это когда земля была покрыта ледниками. Люди жили в пещерах, носили всякие шкурки, охотились на мамонтов. И то это не настоящее «давно». Так, позавчера. А с Томом я подружился вчера. Может быть, даже сегодня.

— Все равно, теперь я поняла, когда ты отдал Тому свой башмак! — улыбнулась Катя.

Ох уж этот Веснушка! Ну до чего же вспыльчивый, горячий. Зато и отходчивый. Вот и теперь сидит на учебнике математики, улыбается как ни в чем не бывало, болтает ногами. А вот сейчас вдруг задумался о чем-то, погрузился.

— Том, даже уж и не знаю где, раздобыл старинную книгу, — медленно заговорил Веснушка. — Она

была в толстом переплете с медными застежками. Страницы с неровными краями, хрупкие и пожелтевшие, как осенние листья. Книга пахла плесенью и мышами. Целый день мой рыжий Том гнул спину на плантации, срезал сахарный тростник. А ночью, когда одна за другой гасли свечи в господском доме, Том доставал старую книгу, завернутую в ветхую тряпицу. Прежде чем открыть ее, Том долго и ласково гладил медные застежки, кожаный переплет. Я, бывало, от скуки весь изведусь, но все-таки светил ему. Том медленно шевелил губами и водил пальцем по строчкам. Он учился читать. Взбрет же такое в голову... вот уж, право, глупая глупость... А потом... потом... ладно, все, не хочу больше об этом...

Веснушка вдруг мрачно нахмурился, отвернулся, засопел носом. Весь как-то посерел, потускнел, почти перестал светиться.

Раньше Катя пугалась, когда с ним случалось такое.

— А, не приставай. Просто зашел за тучку, и все, — сердито объяснил ей как-то Веснушка. — У вас, людей, тоже такое случается. Бывает же плохое настроение.

— Вообще-то все негритята такие хорошие... — вздохнула Катя.

— Да? — Веснушка поднял брови, холодно посмотрел на нее.

— Ну да, хорошие... А что? — растерянно повторила Катя.

— Тогда слушай, — бесстрастным голосом сказал Веснушка. — У Тома был брат — Джон. Они были близнецами. Они были так похожи, что их путали не только двоюродные тети, но и родная

мама. Но одно их различало, такой маленький пустяк: Том был рыжий, а Джон — нет. Понимаешь? Так вот. Джон потихоньку украл эту старинную книгу и спалил ее в очаге. Он боялся, что их белый господин прознает, что Том учится читать, и подумает на него, на Джона. Том нашел в пепле медные застёжки. Еще теплые. А я должен был, как на зло, скорее-быстрее-сейчас же-немедленно улететь по очень срочному делу и не знал, когда вернусь. Не мог же я бросить Тома просто так, одного, в беде. Вот тогда я и подарил ему свой башмак. Конечно, свет от башмака не ахти какой, но читать все-таки можно. А ведь я знал, точно-наверняка-обязательно-непременно, что мой рыжий Том найдет еще какую-нибудь книгу и все равно научится читать. Хотя уж и не знаю, зачем это ему понадобилось. Если бы ты видела, как улыбался Том, когда я сбросил с ноги свой башмак. Башмак лежал на его ладони и светился. А Том улыбался...

Веснушка пристально посмотрел на Катю.

— Просто люди бывают рыжие и не рыжие. И так было всегда, — серьезно сказал Веснушка. — Кстати, о собаке...

— О какой собаке? — удивилась Катя.

— Нет, вы только посмотрите на нее! — Веснушка скрестил на груди руки и с возмущением оглядел Катю. — Она еще спрашивает «о какой собаке»? Нет, я просто сам не понимаю, что меня здесь удерживает, почему я не улетаю отсюда! Кто мне все уши прожужжал: «Пудель! Бедняга Пудель!», «Ах, если бы только я была хозяйкой Пуделя!..» А когда дело доходит до Пуделя, она еще с невинным видом спрашивает: «Какой такой Пудель?»

— Но ведь ты сказал: «Кстати, о собаке». Ты же не сказал: «Кстати, о Пуделе», — попробовала возразить Катя.

— Ах, вот оно что? Значит, по-твоему, выходит, Пудель — это не собака? — прошипел Веснушка. Его волосы запылали, как раскаленная пружинка электроплитки. — Может быть, с некоторых пор он стал верблюдом или черепахой? Но мне пока об этом еще не докладывали.

— Ну, Веснушка... — начала было Катя, но Веснушка не дал ей договорить.

— Нет, моя милая, — гневно воскликнул Веснушка. Он так сверкал, что на него было даже больно глядеть. — С тем, кто не знает, что собака — это собака, вообще о чем можно разговаривать?

— Собака, собака, собака... Ну конечно, Пудель — собака, — зажмурившись, быстро заговорила Катя. Она отвернулась, пряча улыбку. — Веснушка, милый, не сердись, я больше не буду спорить!

— Ладно уж, — смягчился Веснушка. — Ну так слушай. Я придумал, как уговорить твою маму взять Пуделя.

— Правда?! Ой, Веснушка, какой ты умный!

— Может быть. Конечно, я всего-навсего обыкновенный солнечный луч, каких много... — скромно сказал Веснушка. Но сам он весь так и светился от скрытой гордости. — Все очень просто. Пудель должен тебя спасти. И тогда маме ничего другого не останется, как его взять.

— Но как, как ему меня спасти?

Веснушка на минуту задумался.

— погоди, дай сообразить. Ну вот, пожалуйста. Я подожгу вашу квартиру. Уж так и быть. Устрою неплохой пожарчик.

— Пожарчик?! — растерянно повторила Катя.

— Ну да. По правде говоря, не очень-то я люблю это занятие. Солнышко нам вечно твердит: «Ваше дело греть, светить, а не поджигать». Но что поделаешь, не всегда можно жить как хочется. Надо так надо. Значит, решено: я устраиваю пожар, а Пудель вытаскивает тебя за шиворот из огня. Помоему, отличный план. Мама придет в восторг, вот увидишь!

Веснушка подбросил кверху свой башмак, ловко подцепил его в воздухе большим пальцем ноги. Снова подбросил и снова поймал.

— Ну, не знаю... — замялась Катя.

— Как не знаешь? — удивился Веснушка. — Неужели твоя мама не будет в восторге, если ее единственная, обожаемая дочь не сгорит?

— Может быть, можно как-нибудь по-другому? А? Веснушка? — жалобно попросила Катя.

— На тебя не угодишь. М-м... — Веснушка задумался, оттопырил нижнюю губу. — Впрочем, пожа-луйста. Спасение утопающего.

— Утопа... — с убитым видом повторила Катя.

— От тебя потребуется только «бул-тых». Это уж каждый сможет, и не спорь.

— Какой такой «бул-тых»?

— Самый обыкновенный. Пойдешь погулять с мамой, увидишь речку — и бул-тых в нее. Чего проще? А Пудель — прыг за тобой, и всё в порядке.

— Пожалуй, неплохо, — неуверенно согласилась Катя. — Это я еще могу.

— Неплохо?! — возмутился Веснушка. — Потрясающе! Ты просто не представляешь, сколько я повидал на своем веку всевозможных «бул-тых»!

Кто только и куда не падал. И в речку, и в лужу, и в океан. Иногда это было весело, а иногда довольно-таки печально...

В это время за дверью в передней раздалось деликатное царапанье.

— Пудель! Очень кстати, — обрадовался Веснушка. — Чтобы получился хороший, настоящий «бултых», его надо как следует оттрепетировать.

Это действительно был Пудель. Смущенный, но, как всегда, сдержанный и строгий, он держал в зубах обглоданную куриную косточку.

Чтобы доставить Пуделю удовольствие, Катя сделала очень серьезное лицо. Она взяла косточку, несколько раз старательно облизнулась, придирчиво осмотрела косточку со всех сторон, затем в восторге закатила глаза и лишь тогда спрятала ее в картонную коробку из-под маминых туфель.

Веснушка соскочил на пол и, быстро-быстро перебирая ногами, побежал в ванную.

Катя и Пудель отправились за ним.

— Пускай воду! Скорей! — Веснушка в нетерпении бегал по краю ванны и размахивал руками. — Ну что за жалкая струйка! Вот бы пригласить сюда в гости один мой знакомый водопад! Он бы вам показал, как надо наполнять ванну!

Веснушка разволновался, он начал даже мигать: то вспыхнет, то погаснет.

Катя с тревогой смотрела на ванну, которая уже почти наполнилась.

— Сейчас ты полезешь в воду! — подпрыгивая от возбуждения, заявил Веснушка.

— Как? Прямо в холодную? — в тоске спросила Катя.

— Можно пустить немного теплой, — смилостивился Веснушка. — Ведь Солнышко нагревает воду в речке. Ну, что же ты стоишь? Давай!

— Как? Прямо так, не раздеваясь? — испугалась Катя.

— Никогда не видел таких глупых утопающих, — разозлился Веснушка. — Нет, вы только поглядите на нее! Думаешь, порядочные утопающие так себя ведут? Пойми ты, наконец, люди падают в воду нечаянно. Понимаешь ты это или нет? Нечаянно. Неожиданно. Случайно. А если человек падает в воду нечаянно, так он успеет, по-твоему, снять перед этим платье?

— Ну хоть разуться можно? — робко спросила Катя, нагибаясь и расстегивая пряжку на туфле.

— Нет, довольно с меня, — дрожащим от обиды голосом проговорил Веснушка. — Ты, я вижу, нарочно надо мной издеваешься. Шел, шел человек по берегу, поскользнулся и бул-тых в речку. Только пока человек падал, он, неведомо как, успел раздеться, разуться, пообедать, написать завещание и заштопать дырку на пятке. Нет, что меня в тебе убивает, так это неблагодарность. Стараешься, стараешься... кстати, мне пора отправиться по одному очень важному делу...

— Нет, нет, нет! — испугалась Катя. — Пожалуйста, не надо по делу!..

И Катя мужественно сунула ногу в ванну прямо в туфле.

— Операция «Бул-тых» начинается! — в восторге завопил Веснушка. — Вот это настоящее рыжее дело!

Катя, как была, прямо в платье, молча полезла в ванну. Сердце ее замирало. Пудель тоже смотрел

на все это с превеликим сомнением, нерешительно переступая с лапы на лапу.

Зато Веснушка был счастлив.

— Падай, падай в воду! — командовал он. — Для правильного «бул-тых» нужны брызги, фонтаны брызг. Выражение лица! Ох, совсем не то. Забыли про выражение! Глаза выпучи! Рот пошире открой. Захлебывайся, захлебывайся! Булькай! Солидный утопающий разве так булькает? Эх, надо было заранее поучить тебя булькать. Пузыри! Пускай пузыри! А теперь иди ко дну! Пора!

Катя, уже не сопротивляясь, пошла ко дну. Вода выплеснулась из ванны и потекла по полу. Веснушка хохотал и отфыркивался.

— Теперь спасай ее, Пудель! Тащи! Не зевай! — вопил Веснушка.

Пудель поставил передние лапы на край ванны и, стыдливо виляя хвостом, осторожно ухватил Катю за рукав.

— Не так! Не так! — волновался Веснушка. — Бросайся в воду, как лев! Разрезай носом волны!

Пудель неуклюже полез в ванну, то и дело оглядываясь на Веснушку.

— Это что такое? — слышался холодный мамин голос.

Мама стояла в дверях ванной. Она даже немного побледнела.

Никто из участников операции «Бул-тых» даже не заметил, как она открыла дверь и вошла в квартиру.

— Мамочка, понимаешь, это... — покаянно начала Катя, садясь в ванне. Мокрые волосы прилипли к щекам, лезли в рот.

— Я все понимаю, — тихо сказала мама. — Вылезай немедленно. А что касается этого пса, — голос мамы угрожающе зазвенел, — чтоб духу его больше здесь не было!

Пудель, весь дрожа, неловко вылез из ванны. Поплелся к двери, оставляя за собой широкую мокрую полосу. Он даже не посмел оглянуться, посмотреть на Катю.

К счастью, мама не заметила Веснушку.

Он быстро пробежал по стене, скользя по гладкому кафелю, нырнул в газовую колонку и, скрестив ноги по-турецки, уселся там среди языков голубого пламени.

Глава 17

ЗАДАЧА ПРО БАССЕЙН С ДВУМЯ ТРУБАМИ

— Ну, пойдем, пойдем гулять! — ныл Веснушка. — Ну, пойдем, что тебе, жалко? Покатаемся!

На Катино несчастье, у Веснушки появилось новое увлечение. Он пристрастился кататься на велосипеде. Не мог дотерпеть, пока Катя накачает шины.

Конечно, только не подумайте, что Веснушка сидел на седле и крутил педали. Нет, он катался совсем по-особому, по-своему. Он прыгал на сверкающую спицу и, ухватившись за нее что было сил, начинал вращаться вместе с ней. Крутился до одури и только покрикивал: «Скорей! Скорей!»

У Кати ноги просто отваливались после двух часов такой гонки.

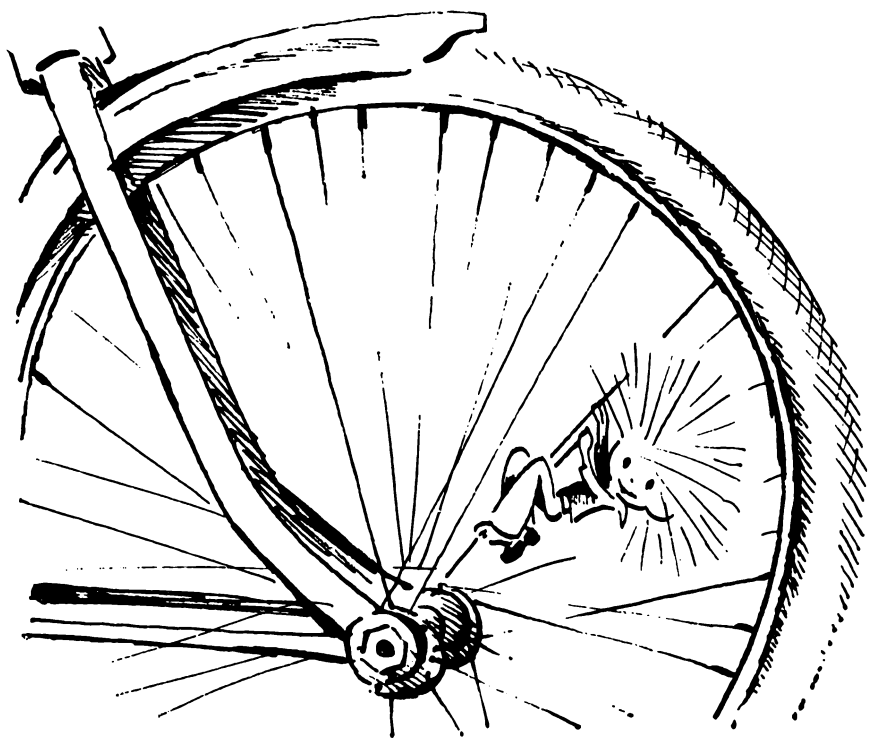
Но хуже всего, что Веснушка после этого «заходил за тучу». То есть приходил в отвратительное настро-

ние. Дергал «молнию» на курточке. Жаловался, что голова у него так и раскалывается. И главное, он все забывал. Начиная путать: где он? Кто такая Катя?

Один раз он даже принял Катю за доисторического человека.

— Ну что ты стоишь? — торопил он ее. — Накинь шкуру и беги. А то без тебя всех мамонтов переловят. Да не забудь свой каменный топорик. Вечно вы в эту эпоху все забываете!

С вечера он клялся, что больше никогда не посмотрит в сторону проклятого велосипеда. Но на следующий день все начиналось сызнова.

— Ну, скорей учи уроки, — стонал Веснушка. — Ну что ты так медленно закорючки выводешь?

— Веснушка, милый, погоди, — пробовала уговорить его Катя. — У нас завтра контрольная.

— Глупости все это, — сердился Веснушка. — Учитесь, учитесь, а летать со скоростью света все равно не можете. А я хоть неграмотный, а для меня скорость света — это так, чепуха.

Но Катя не слушала его. После неудачной операции «Бул-тых» мама не разговаривала с ней уже три дня. Оставалось только одно — приналечь на школу. Как ни крепилась мама — пятерки на нее действовали. Это уж было проверено жизнью.

— Думаешь, я не вижу, что ты все назло мне делаешь? — с раздражением воскликнул Веснушка. — Просто так сидишь и даже ничего не пишешь.

— Я думаю. Задача попалась трудная. Так сразу ее не решишь, — сосредоточенно вздохнула Катя, грызя кончик косы. — Про бассейны все задачи трудные...

— Про бассейны? — заинтересовался Веснушка — Ну-ка, ну-ка, прочти!

— Вот, — Катя заглянула в учебник. — Через одну трубу бассейн заполняется за один час. А через вторую трубу вся вода выливается за два часа. За сколько времени наполнится бассейн, если обе трубы будут работать одновременно.

— Погоди, погоди, дай вдуматься. Значит, через одну трубу вода выливается, а через другую вливается. М-м... Трудная задача.

Веснушка с глубокомысленным видом приставил палец ко лбу.

— М-м... — сосредоточенно бормотал он. — Нет, так не получается... Может быть, так? Нет, тоже не получается.

— Видишь, — обрадовалась Катя. — А ты говоришь. Тут подумать надо.

— Решил! Решил! — вдруг радостно завопил Веснушка. Запрыгал, беззвучно захлопал в ладоши.

— Молодец, — с завистью протянула Катя. — У меня вообще с математикой туго.

— Здесь есть два решения, — Веснушка покровительственно поглядел на Катю. Заложил руки за спину, прошелся по учебнику математики.

— Даже два? — ахнула Катя. — Ой, Веснушка, какой ты умный. У меня, правда, по истории пятерка, — как-то не совсем кстати добавила она.

— Возьми ручку, я буду диктовать, — с важностью заявил Веснушка и скрестил руки на груди. — Ну, готова? Тогда пиши: первое решение — т р я п к а! Решение второе — с т а р а я г а л о ш а! И оба решения — рыжие!

Катя молча приоткрыла рот. Она была так изумлена, что не могла вымолвить ни слова.

— Ну, что ты смотришь? — снисходительно усмехнулся Веснушка. По всему было видно, что он ужасно собой доволен. — Слушай, можно даже объединить оба эти варианта. Обмотать тряпкой старую галошу! Здорово, правда? Ты бы сроду до этого не додумалась. Понимаешь, чтобы решить любую задачу, надо понять, что в ней самое главное. А здесь самое главное — заткнуть ту вредную трубу бассейна, по которой вода вытекает. Заткнуть ее потуже, а самим пойти гулять. На велосипеде кататься. Пока мы гуляем — бас-

сейн наполнится. Вот увидишь: даже через край потечет. Что, здорово?

— Здорово... — упавшим голосом повторила Катя. — Нет, эту задачу надо как-то по-другому решать.

— Ах, по-другому! — Веснушка вспыхнул. — Значит, ты не хочешь заткнуть вторую трубу?

— Ну, Веснушка... Веснушечка...

Веснушка соскочил с учебника на стол, перепрыгнул на подоконник.

— Все ясно, — с глубокой горечью процедил Веснушка. — Выходит, какой-то первый попавшийся бассейн, с которым ты даже ничуть не дружишь, тебе дороже меня? Я буду мучиться-томиться-изнывать-ждать-страдать, пока этот глупый бассейн наполнится, а ты даже пальчиком не пошевелинешь?

Веснушка весь так и пылал от негодования.

— Ну, послушай... — хотела объяснить Катя.

— И слушать не желаю! — Веснушка бросил на нее уничтожающий взгляд. Он так сильно дернул «молнию» на курточке, что Катя даже испугалась: еще сломает ее... Как ее потом починишь: солнечную «молнию»? Наверно, ни одна мастерская не возьмет.

Катя видела, Веснушка, словно конькобежец по гладкому льду, скользнул вверх по стеклу и исчез в форточке.

— Ой, паленым пахнет! — спохватилась Катя.

Так и есть, Веснушка прожег подоконник.

Катя со вздохом залепила дыру в подоконнике пластилином. Сверху еще поставила горшок с маминой любимой фиалкой. Может, мама не заметит.

Глава 18

ЗАГАДОЧНЫЙ РИСУНОК НА КУРИНОЙ КОСТОЧКЕ

Итак... Итак, Веснушка прожег дырку в подоконнике, нырнул в форточку и исчез.

Катя весь вечер простояла у настежь распахнутого окна. Но Веснушка так и не вернулся. Не вернулся он и на следующий день.

Случалось и прежде, Веснушка скорее-быстрее-сейчас же-немедленно улетал по какому-нибудь неотложному делу.

— Опять командировка! — с важностью заявлял он.

Веснушка где-то услышал слово «командировка», и оно ему очень понравилось.

«Может, он в командировку к Нептуну полетел? — с надеждой думала Катя. — Заболтался с ним. Забыл, что домой пора».

Веснушка каждую неделю навещал льва Нептуна. Ведь что ни говори, а лев Нептун был рыжим, по-настоящему рыжим.

Маэстро Живодралло сразу после своего столь неудачного выступления уехал из Советского Союза.

А лев Нептун остался в московском цирке. Он был счастлив, счастлив впервые в жизни. Он так полюбил своего нового укротителя Федора Буланкина, что порой лежал без сна всю ночь напролет, положив морду на передние лапы, глядя куда-то в темноту. Он лежал и думал о той чудесной минуте, когда укротитель Федор Буланкин снова войдет в его клетку.

Веснушка подолгу беседовал с Нептуном все больше о пустыне Сахаре, где так жарко светит Солнышко и где Нептун бегал и резвился, когда был совсем еще несмышленишем.

Иногда Веснушка отправлялся в командировку и даже не говорил Кате куда, зачем и по какому делу.

Однажды Катя попробовала не пустить Веснушку. Захлопнула форточку, а сама стала перед окном, раскинув руки.

— Смотри, улечу в командировку и не вернусь вовсе, — строго прикрикнул на нее Веснушка.

С тех пор Катя больше не удерживала Веснушку. Она только отворачивалась и начинала тихо вздыхать. Веснушка слушал, слушал эти скорбные вздохи, наконец не выдерживал.

— Ну вот, испортила мне настроение! Довольна теперь? — кричал он. — Да вернусь я! К вечеру буду дома. В крайнем случае, если не управлюсь, то вернусь через одну темноту.

Катя уже знала, «через одну темноту» на Веснушкином языке означало «завтра».

— Ты все-таки не очень-то, поосторожней... — жалобно просила его Катя.

Веснушка беспечно махал рукой. Но, улетаая, он никогда не забывал напомнить:

— Не забудь, оставь окно открытым! Знаю я вас, девчонок. В голове — темнота.

Так или иначе, но обычно ближе к вечеру Веснушка, съездившись, уже сидел на Катиной подушке. Беспокойно оглядывался через плечо на черный провал окна. На него по-прежнему каждую ночь находила тоска, и Кате приходилось по нескольку раз давать честное рыжее, что утро опять наступит.

Но на этот раз день шел за днем, а Веснушка все не возвращался.

Катя просто места себе не находила. На пятый день она завалила контрольную по математике. Математика всегда у нее хромала. Так что удивляться не приходилось, что неприятности начались именно с математики.

На шестой день Катя сделала в не очень трудном диктанте семь ошибок и получила именно то, что и предполагается за семь ошибок в не очень трудном диктанте.

На восьмой день она встретила на улице Нинку-блондинку.

— Привет! — дружелюбно окликнула ее Нинка-блондинка. — Ты что все дома сидишь? Выходи вечером.

Но Катя была так поглощена своей бедой, что даже не поняла, к кому это обращается королева дома номер десять, корпуса два.

Катя рассеянно прошла мимо.

— Воображала! — оскорбленно кинула ей вслед Нинка-блондинка. — Подумаешь! И пожалуйста...

На девятый день учительница Алевтина Ивановна мягко попросила Катину маму ненадолго заглянуть к ней после уроков.

— Что-нибудь случилось в школе? — с испугом спросила Катина мама.

— Что-нибудь случилось дома? — в это же время спросила Алевтина Ивановна.

Эти два вопроса как-то столкнулись в воздухе. Катина мама и Алевтина Ивановна озабоченно посмотрели друг на друга, и обе задумались.

— Понимаете, девочка совершенно отсутствует на уроках, — Алевтина Ивановна со значительным видом поджала губы.

— Прогуливает?! — тихо ахнула Катина мама.

— Что вы, что вы! — Алевтина Ивановна успокаивающе погладила руку Катиной мамы. — Абсолютно никаких прогулов. Но от этого ничуть не легче. Ничуть. Я даю новый сложный материал — не слушает. Спрашиваю — вздрагивает, глядит, будто проснулась. Не узнаю, не узнаю нашу девочку...

Катина мама ушла от Алевтины Ивановны не на шутку встревоженная.

В это время Катя сидела дома и учила уроки. Она никак не могла справиться с примером по математике.

То вместо сложения она делала вычитание, то вместо умножения — деление. Стоит ли удивляться, что несчастный пример после этого никак не хотел решаться?

В дверь послышалось очень тактичное и деликатное царапанье.

Катя, конечно, сразу догадалась, что это Пудель, устало вздохнула, пошла открывать дверь.

Пудель держал в зубах небольшую куриную косточку. Сдержанно, еле-еле помахал кончиком хвоста. Посмотрел на Катю грустно.

Катя рассеянно взяла косточку, как всегда, старательно облизнулась, чтобы доставить Пуделю удовольствие.

Но на этот раз почему-то Пуделю показалось этого мало. Он негромко, но требовательно тявкнул, потянул Катю зубами за подол.

— Чудная, дивная косточка! — нараспев протянула Катя, зажмурилась, будто от восторга, прижала косточку к груди.

Но Пудель встал своими жесткими передними лапами на ее сандалии, поднял кверху морду,

негромко, но как-то очень тревожно заскулил, глядя ей в глаза.

— Уж и не знаю, что тебе надо! — с досадой сказала Катя.

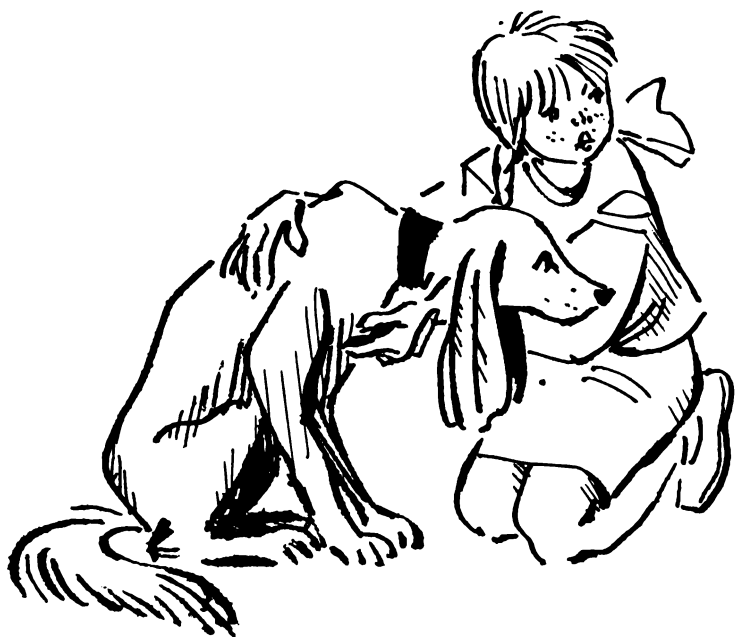
Она так и эдак повертела косточку и вдруг увидела на ней какой-то черный рисунок. Ахнула, из темной передней бросилась к себе в комнату, к окну.

На куриной косточке было выжжено солнце. Кривобокое, черное, больше похожее на паука, но все-таки солнце.

Катя села на пол около Пуделя, обняла его шею.

— Это Веснушка выжег, да? Да? Это он выжег Солнышко, да? — дрожащим голосом быстро спрашивала она.

Пудель вильнул хвостом. Посмотрел на нее ревниво и печально, с тихой, безнадежной любовью.

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ... С ХОЛОДИЛЬНИКОМ

Теперь, пожалуй, самое время рассказать, что же все-таки случилось с Веснушкой, где он изволил пропадать столько времени и откуда взялась куриная косточка с загадочным рисунком.

Итак... Веснушка в самом отвратительном настроении улетел от Кати.

«Променяла меня на какой-то бассейн. Глупый и бездушный. Которому к тому же совершенно все равно, любят его или нет. Да еще с двумя трубами, вот что всего обиднее...» — в раздражении думал он.

Но погода стояла такая ясная. Солнечные лучи, как всегда, сразу же толпой окружили Веснушку, удивляясь и радуясь.

Они что-то лепетали все вместе пронзительно-тонкими, еле слышными голосами. Одни видели его в первый раз, но больше было братишек и старых приятелей, которым не терпелось узнать все новости. Расспросить Веснушку, что творится по ночам. Какие новые козни строит Темнота, когда Солнышко уводит их освещать другую сторону земли.

Настроение у Веснушки заметно улучшилось.

«Все-таки она не такая уж плохая, моя Катя, — решил он. — Во-первых, рыжая. Во-вторых, веснушки. Это тоже нельзя не учитывать...»

Один, совсем узенький луч, увидев Веснушку, в восторге закрутился вокруг него штопором.

— А можно я тоже стану, как вы, солнечным человечком? — весь покраснев от смущения, робко спросил он.

— Нельзя, — строго одернул его Веснушка. — Куда тебе отрываться от Солнышка! Ишь чего захотел. Зазеваешься, слопает тебя Темнотища, искорки не останется...

Но настроение у Веснушки окончательно исправилось.

«Нет, пожалуй, лучше моей Кати не сыщешь никого на свете, — подумал он. — Может, вернуться к ней, чего уж там...»

И вот в это-то время Веснушка и увидел распахнутую настежь форточку Взялииобидели. Веснушка поколебался, с минуту глядя на нее. Раскрытая форточка так и манила его.

«Захлопнет форточку, так я в замочную скважину улизну или под дверь. Забегу так, на минутку...» — решил Веснушка и скользнул в форточку.

Где ему было знать, что Взялииобидели уже который день поджидает его возле открытой форточки, замотав горло своим знаменитым шарфом, похожим на волчий хвост.

— Заглянул к тебе поговорить по душам, — сказал Веснушка, удобно устроившись на коробке спичек.

Увидев Веснушку, Кот Ангорский от почтения покорно распластался на полу. Все четыре лапы врозь. Ну, ни дать ни взять, потертый мохнатый коврик возле кровати.

— Ну, как живешь, Взялииобидели? Так ни с кем и не подружился? Никого не полюбил? — спросил Веснушка.

— Нет, — безнадежно вздохнул Взялииобидели. — Все боюсь прогадать, ошибиться. Полюбишь кого-нибудь, а он тебя — нет. Обидно это получится,

маленький человечек. А ведь меня и так все люди обидели. Хитрые они, злые. Взяли и обидели, взяли и обидели...

— Не люди тебя обидели, нет, — Веснушка покачал головой, пристально поглядел на Взялииобидели, — а вот один человек, точно, обидел тебя, на всю жизнь обидел.

— И ты его знаешь? — так и вскинулся Взялииобидели.

— Знаю, — кивнул Веснушка.

— Скажи мне, скажи мне, кто он? — заюлил Взялииобидели. — Мне бы только узнать, кто он, змей подкольный. Я бы его, ух... Скажи, не утай, маленький человечек! Вот ведь чую, кто-то меня крепко обидел, а кто — никак не могу догадаться.

— Да ты сам, — тихо улыбнулся Веснушка.

— Я?! — Взялииобидели даже искренне удивился и рассмеялся своим алюминиевым смехом: — Бряк-бряк-бряк!

— Конечно. — Лицо Веснушки вдруг стало печальным. — Сам себе сказал, что все люди хитрые, злые. И сам себе поверил. Обманул ты себя, обокрал, обидел.

— Бряк-бряк-бряк! — снова рассмеялся Взялииобидели, но как-то неуверенно.

Оба они задумались. Коврик у постели тоже не шевелился. Только два пронзительных лукавых глаза следили за каждым движением Веснушки, и в глубине этих глаз поворачивался черный таинственный кристалл.

— А может, ты со мной подружишься, маленький человечек? Пожалеешь меня, а? — льстиво попросил Взялииобидели.

— Нет, — Веснушка критически оглядел его. — Я только с рыжими дружу. А ты не рыжий, ну совсем не рыжий.

— А ты что больше всего любишь? — вдруг спросил Взятииобидели.

— Я? — Веснушка оперся ладонями позади себя о спичечный коробок, запрокинув голову, беспечно рассмеялся. — Люблю, когда светло и тепло.

Меховой коврик беспокойно шевельнулся.

— Значит, все летаешь? — спросил Веснушку Взятииобидели.

— Все по командировкам, — скромно кивнул Веснушка.

— Батюшки! — изумился Взятииобидели. — По командировкам. Меня вот никогда не посылают...

— Потому что от тебя никакого проку нет, — вежливо объяснил Веснушка. — Ну, я пошел...

— Постой, постой, человечек, — испугался Взятииобидели. — А что ты там делал, в командировке-то?

— В горы к альпинистам летал. Кому костер помогал развести, кому в темноте светил. Столько дел, что и половину не переделаешь. А потом еще снег растаивал. Понимаешь, эти снежные горы — такие неряхи. Вечно с них что-то падает, сыплется, съезжает. Вдруг слышу писк из-под снега. И что ж ты думаешь: лавина засыпала с головой маленький подснежник! Пришлось организовать спасательную экспедицию. Не представляешь, как он пищал, пока мы с ребятами до него добирались.

— Из-за какого-то цветка в командировку, тьфу! — хмыкнул Взятииобидели. Но тут же сделал постное лицо, вздохнул с сочувствием. — Что ж, цветок, он тоже живой. Небось тоже пить-есть хочет.

Веснушка с беспокойством оглянулся на вечернее глубокое небо, где зажглась первая, еще бледная звездочка.

— Ну, я пошел...

Взялиобидели сложил руки на животе, засмеялся.

— Бряк-бряк-бряк! Вот уж не поверю, что ты можешь снег растопить. Не может этого быть. Никогда не поверю.

Веснушка вспыхнул, лицо его запылало.

— Вот будет зима — сам увидишь. Первый же, совершенно незнакомый сугроб...

— Доживу ли я до зимы, кто знает? — Взялиобидели грустно и задумчиво покачал головой. — Да что нам зима, когда у нас холодильник имеется. Только ничего у тебя не выйдет, наперед знаю.

Да, Веснушка вовремя соскочил с коробка спичек, тот уже начал угрожающе дымиться.

Веснушка мигом подлетел к холодильнику. Взялиобидели услужливо распахнул тугую белую дверку... Веснушка вскочил на ледяную корочку, да так и вбуравился в нее горячим лицом и руками. Одна за другой звучно зашлепали капли.

— Видишь? — с торжеством крикнул Веснушка.

— Вижу! — злорадно захихикал Взялиобидели и резко захлопнул дверцу холодильника.

— Открой! — слышался из холодильника голос Веснушки. Голос звучал глухо, как из подземелья.

Кот Ангорский моментально из коврика превратился в огнедышащего дракона комнатных размеров. Вздрыбил жидкую шерсть, глядя сверкающими глазами то на нежно любимого хозяина, то на говорящий холодильник.

— Попался человечек! — Взятииобидели чуть не задохнулся от злобной радости.

— Скорее-быстрее-сейчас же-немедленно выпусти меня! — возмущенно крикнул холодильник.

— Ни за что! — Взятииобидели в изнеможении упал на стул, с трудом перевел дух, обмахнулся концом шарфа. — Уф!.. Лучше всю жизнь буду без холодильника страдать, а не выпущу. Жаль только: десяток яиц у меня там остался. Эх, диетические! Не позавтракать мне теперь вами, не поужинать.

Вот почему, по какой причине Веснушка не вернулся к Кате ни в этот вечер, ни в следующий.

Выбраться из холодильника он не мог.

Взятииобидели теперь каждый день подходил к холодильнику, любовно гладил его белые бока, хлопал, как любимую лошадку.

— Эй, маленький человечек! — кричал он и стучал пальцем по дверце. — Что тебе, светло да тепло? Поговорим по душам!

Но Веснушка только кряхтел в холодильнике. Ничего не отвечал, ни словечка.

Глава 20

УДИВИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ДЕСЯТИ ДИЕТИЧЕСКИХ ЯИЦ

Да, мой читатель, недаром говорят: «Собака — друг человека».

Все это совершенно верно. Никто и не спорит. И все-таки... Давайте лучше скажем так: «Собака — друг хорошего человека». Именно хорошего!

И вот тогда нам станет ясно, почему честный Пудель целые ночи напролет ворочался у себя в углу и томился бессонницей.

Он то упрекал себя за то, что не в силах бездумно обожать своего хозяина, как повелевает ему собачий долг. То с трудом сдерживался, чтобы вдруг не вскочить посреди ночи и не завывать от жгучего возмущения и гнева.

Но если бы Взятииобидели знал, если бы он только догадывался, что творилось у него в доме, едва лишь он выходил во двор посидеть на лавочке, а заодно испортить кому-нибудь настроение!

Пудель тут же бросался к холодильнику. Неуклюже, двумя лапами тянул на себя ручку дверцы. При этом он изо всех сил давил носом на черную кнопку.

Причем каждому ясно, что это вовсе не так уж приятно, давить мягким чувствительным носом на совершенно твердую кнопку.

Но так или иначе, Пудель неплохо наловчился открывать холодильник.

— Ну как? — спрашивал он, сгорбившись от сочувствия.

— Ох-хо-хо! — Веснушка зябко ежился, обхватив себя руками, тер плечи, стучал зубами, никак не мог согреться. — Так хочется удрать отсюда. А нельзя. Надо дело до конца довести. Ох, и околел я! Просто одеревенел. Только не знаю, может ли быть деревянный луч. Это надо обдумать... Спросить бы у Солнышка! Посоветоваться...

— А эти как там?.. Скоро?.. — Пудель, вытянув шею, с волнением заглядывал в холодильник.

— Не знаю, — вздыхал Веснушка. — Дело не простое. Работа тонкая, можно сказать, ювелир-

ная. Чтоб не больше и не меньше. Ох, Пудель, дружище, о чем я только не передумал в этом проклятом холодильнике. Порой такая тоска нападет... Мысли в голову лезут все холодные, озябшие, совсем замороженные. Только работа и спасает. Бегаешь, бегаешь от одного к другому, хоть немного забудешься. Да вот беда, отлучиться мне нельзя отсюда ни на минуту. Слушай, а как там моя Катя? Беспокоюсь я!..

— Ужас!.. — печально качал головой Пудель. — Просто на себя не похожа. Не твякает, из своей колуры не выходит, не играет. А объяснить я ей ничего не могу.

— Как бы ей передать весточку? — мучился Веснушка. — Слушай, я придумал! Скорее-быстрее-сейчас же-немедленно отнеси ей весточку-косточку!

У Пуделя как раз нашлась обглоданная куриная косточка. Веснушка, как сумел, выжег на ней Солнышко.

Ну, а что было дальше, мы уже знаем. Пудель в тот же день отнес эту куриную весточку Кате.

Едва со скрежетом поворачивался ключ в замочной скважине, Пудель поспешно захлопывал распухшим носом дверцу холодильника.

Взялиобидели первым делом испытующе глядел на Кота Ангорского: все ли в порядке? Пуделю он не доверял.

Кот Ангорский, как ни в чем не бывало, вкрадчиво терся о ноги нежно любимого хозяина, мурлыкал, как электрокофемолка, и смотрел на Взялиобидели преданными серебряными глазами.

Взялиобидели злорадно хихикал, стучал кулаком по холодильнику.

— А-у!.. Человечек! Поговорим по душам. Обхитрил я тебя, недотепу. Обещай мне служить, как в сказке Золотая Рыбка служила уж не помню кому. Разбитому корыту, что ли... Тогда выпущу...

Но Веснушка только с натугой вздыхал.

— Что ты там кряhtiшь, будто мешки с картошкой таскаешь? — злился Взятииобидели. — Говори: прощения прошу! В ножки, мол, кланяюсь! Эй, сгною в холодильнике — солнышка не увидишь.

Но день шел за днем — Веснушка не сдавался.

И вот однажды утром Взятииобидели разбудили какие-то странные, непривычные звуки. Да, они шли из холодильника, сомневаться не приходилось.

Холодильник пищал, чирикал, нежно, растроганно смеялся, радостно вскрикивал.

— Еще один! Еще один! — неслись из холодильника восторженные крики.

Взятииобидели босиком дошлепал до холодильника.

— Ты что в чужом холодильнике хулиганишь? — закричал он.

Но в холодильнике что-то билось, трепетало, хрустело и пронзительно пищало тоненькими разноцветными голосами.

Пока Взятииобидели в растерянности топтался возле холодильника, Пудель проскочил мимо него, с силой нажал несчастным распухшим носом кнопку, надавил лапой на ручку и распахнул дверцу.

Из холодильника с легким невесомым стуком посыпались пустые яичные скорлупки.

А вслед за ними из холодильника выскочили десять кругленьких цыплят.

— Вот тебе твои диетические! — захлебываясь от смеха, выкрикнул Веснушка. — Познакомьтесь, пожалуйста! Яичница, поклонись! Эй, яичко Всмятку, помаши дяде крылышком. Омлет, скажи «Доброе утро»! А ты, Глазунья, сделай дяде лапкой!

Взялииобидели, хрипло дыша, бросился ловить желтые, убегающие шарики. Он уже чуть было не сгреб руками сразу двух цыплят. Но вместо них, неведь как, у него в руках оказался шипящий и пускающий искры Кот Ангорский.

— Простите, если я не вовремя... извините, что тут у вас? — Дядя Федя заглянул в дверь и, изумленный, застыл на пороге, приоткрыв добрые, толстые губы.

— Путь свободен! Вперед, мои желточки! — азартно завопил Веснушка, и все цыплята, мелко стуча лапками, засемили в переднюю.

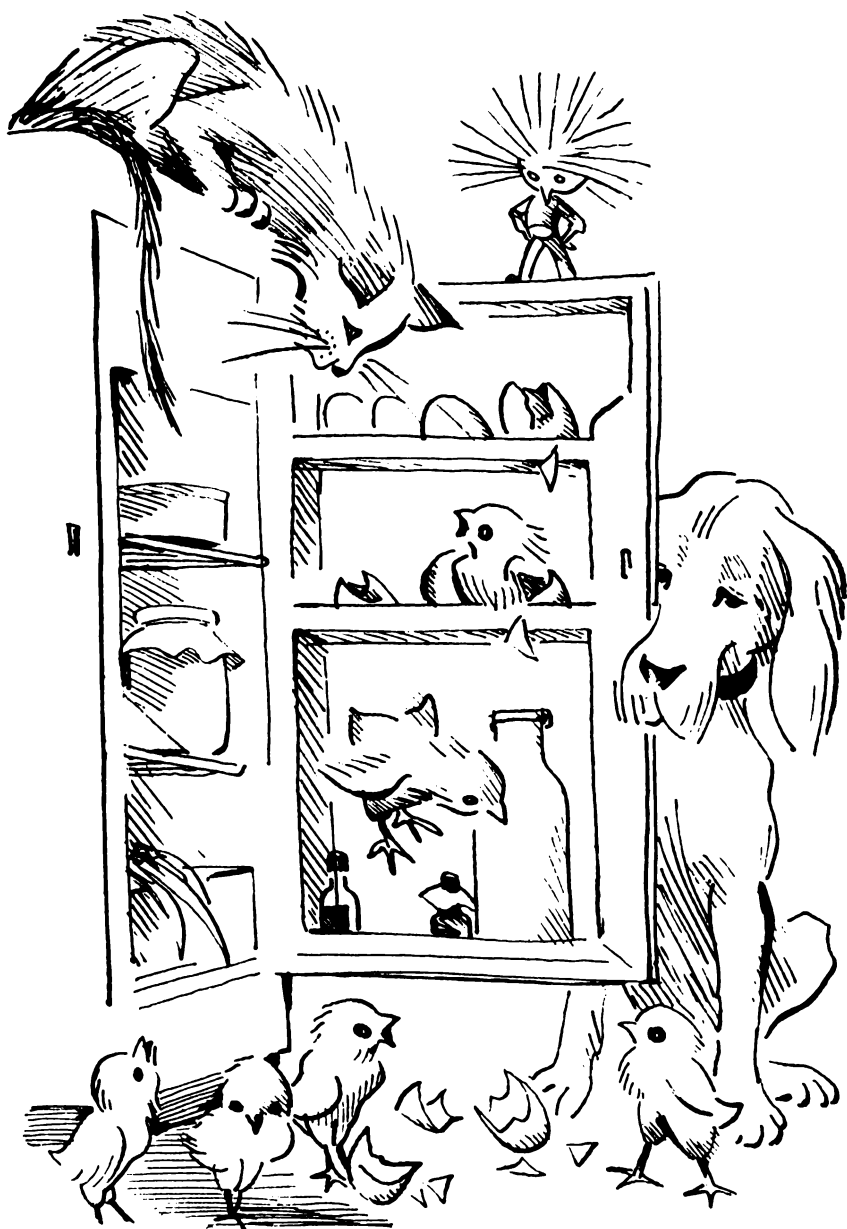
Дядя Федя неловко попятился, отступая перед отрядом желтеньких шариков.

— Если я не ошибаюсь, на скрипке пиликаешь именно ты, — с уважением посмотрел на него Веснушка и вдруг строго прикрикнул: — Что же ты стоишь и дверь не открываешь? Не видишь, что ли, мы идем!

Дядя Федя послушно откинул цепочку, распахнул дверь, и все десять цыплят, а за ними Веснушка не спеша вышли на лестницу.

Видели бы вы, как чинно, с каким достоинством спускались по ступенькам желтые цыплята.

— Клох-клох-клох! — заботливо приговаривал Веснушка. Ему явно нравилось разыгрывать из себя курицу-наседку. — Под лапы глядите, мои детки! Клювики разобьете. Всмятку, не прыгай через две

ступеньки — мал еще. Клох-клох-клох! Забот мне с вами!.. Все объясняй. Вот этот злющий дядя с косматым шарфом называется «плохой человек». А вон тот дядя с длинными руками называется «хороший человек». А эта загородочка называется «перила». Не подходите близко к перилам. Упадете — куриных косточек не соберешь! Клох-клох-клох!

Катя услышала возмущенные вопли Взятииобидели, пронзительный писк и приоткрыла двери.

Увидев десяток цыплят и Веснушку, напевающего «Клох-клох-клох!», она всплеснула руками, бросилась к ним навстречу.

На другой день тетя Полина, приехавшая из деревни и гостившая у Катиной мамы, очень довольная, увозила с собой девять цыплят.

Цыплят посадили в плетеную корзину и туго обвязали сверху синим платком в белый горошек.

Но прошу обратить внимание: в плетеной корзине сидело только девять цыплят. Только девять тоненьких голосов доносились из-под синего платка.

Через некоторое время во дворе появился молодой белый петушок.

Стоило только Кате позвать его: «Эй, Всмятку! Иди сюда!» — как он тут же, распластав крылья, вылетал из-под сарая или из-за кучи бревен.

Хитрец отлично знал, что у Кати всегда припасено для него что-нибудь вкусненькое.

Каждое утро, благо Катя жила на первом этаже, петух Всмятку прыгал на подоконник.

Ровно в семь он испускал такое пронзительное «ку-ка-ре-ку», что в одной из рам дребезжало неплотно вставленное стекло, а Катя, вздрогнув, садилась в постели, спросонья моргая глазами.

— Спасибо, я проснулся! — кричал с восьмого этажа Васька. — Эй, рыжая, выключи петушиный будильник!

Как-то, уже спустя некоторое время, Веснушка, досадливо хмурясь, сказал Кате:

— Ошибочка вышла. Не так я назвал этого петуха, как надо. Ведь он рыжий, сразу видно. И характер железный. Эх, надо было назвать его Крутой, а не Всмятку. Но, по правде говоря, я там немного растерялся в этой суматохе, когда они все начали выскакивать из своих скорлупок и пищать. И каждому надо было дать хоть какое-нибудь имя. Где уж тут было разглядеть, у кого какой характер!

Глава 21

«ОТВАЖНАЯ» БУТЫЛКА

— Опять командировка, — Веснушка пристально, испытующе посмотрел на Катю. — Хочешь мне помочь?

— Конечно, — обрадовалась Катя. — Только если лететь надо, то я, сам понимаешь, не очень-то...

— Терпеть не могу эти «если», — рассердился Веснушка. — Вечно у вас, у людей, какие-нибудь «если». «Если смогу», «если успею», «если получится», «если не забуду»... Ненавижу эти «если»!

— Так я же сказала сперва «конечно», а уж потом «если», — смутилась Катя.

— Важно последнее слово. Оно главное, — надулся Веснушка. — А твое «если» было как раз последним.

— Конечно, конечно, я очень хочу тебе помочь, — торопливо проговорила Катя. — И уж это «конечно» после того «если». Выходит, оно главнее.

— Запомни раз навсегда, — Веснушка серьезно посмотрел на Катю. — Захочешь кому-нибудь помочь — никогда-ни за что-ни в коем случае не говори «если».

— Так я сказала «если» не в смысле помочь, — попробовала было оправдаться Катя, — а в смысле, если надо лететь, то я не умею.

— Опять «если», — Веснушка покраснел от гнева. — Ну уж, это «если» всех главнее. Уж оно-то после всех твоих жалких и лицемерных «конечно»...

Катя глянула в окно. Ну так и есть! Пухлое облако, как целая гора невесомых белых подушек, навалилось на солнце. Лучи жадно искали просвет и не находили.

Наверняка Веснушка сейчас начнет сердиться, нервничать, обижаться.

На этот раз запахло жженой пластмассой, потому что Веснушка сидел на Катином пластмассовом пенале.

Веснушка вскочил, сморщился, с отвращением зажал пальцами нос.

— Придумали тут всякую ерунду, которая и гореть-то не умеет как следует, — запищал он сердитым сдавленным голосом. — Наизобретали на мою голову какую-то пластмассу, резину, не знаю что. Забыли, забыли, как горят в печи сухие полешки, как дымком тянет...

— Вот мы в пионерском лагере костер жгли. Как хорошо... — торопливо сказала Катя, надеясь, что Веснушка забудет про злополучное «если». — Знаешь, вечером на опушке...

— Вечером, вечером... — задумчиво протянул Веснушка. — Как раз об этом я и думал... вечером? А что вечером? Кто вечером? Вспомнил, вспомнил! Сегодня вечером мы с тобой отправимся навестить моего друга!

— Правда? Ой, Веснушка! — обрадовалась Катя.

— Но тебе придется оставить дома все твои дурацкие «если». Можешь затолкать их в шкаф или сунуть в кастрюлю и накрыть крышкой. Но с собой мы их не возьмем. И не проси, — проворчал Веснушка. — Солнышко всегда нас учило: «Если» особенно мешают, когда ты отправляешься в дальний, опасный путь. Лучше тащить здоровенный рюкзак, допона набитый булыжниками, чем одно маленькое «если».

— А как же мы пойдем вечером? — неосторожно вырвалось у Кати. — Ведь ты боишься Темноты!..

Веснушка весь разом вспыхнул, словно его подожгли. Запылали его глаза, уши, волосы.

— Я боюсь! Я боюсь?! — Веснушка подскакивал на месте, размахивая маленькими, раскаленными докрасна кулачками. — Все ты поняла шиворот-навыворот! Это Темнота меня боится, а не я ее! Темнота всегда боится света. До смерти боится. А я эту Темнотищу презираю! Поняла? Пре-зи-раю!

Катя быстро закивала головой.

— Так я это и хотела сказать...

— Темнотища — она противная, жадная, — Веснушка немного успокоился. Заговорил задумчиво, тихо: — Она все хочет себе заграбастать: и леса, и поля, и небо. Утром ее еле вытолкаешь. Я ее и так и эдак, тащу руками, толкаю коленками. А она нарочно тянется, рвется под пальцами. А то еще, зна-

ешь, прячется. Заберется в дупло или к медведю в берлогу, попробуй ее оттуда выживи...

Но Катя не очень-то слушала Веснушку. Ее охватило нетерпение. Отправиться куда-то вместе с Веснушкой... Катя вскочила на ноги.

— Ну так пошли скорее, а то стемнеет, — воскликнула она.

— Нет, — Веснушка как-то грустно посмотрел на Катю. Помолчал немного и добавил: — Это совсем особый друг. Не такой, как все. К нему можно пойти в гости только в темноте. Хотя, по правде говоря, я терпеть не могу разгуливать по ночам.

Часы в маминой комнате звонко и чисто пробили пять раз. Нет того, чтобы семь или восемь. Ох, сколько еще ждать!

Веснушка вдруг улыбнулся, будто что-то вспомнил.

— А знаешь, один раз я все-таки отправился в путь глубокой ночью. Причем заметить, совсем-совсем один. И главное, никто меня не заставлял. Сам, по доброй воле...

Веснушка перебрался к Кате на рукав, удобно устроился на сгибе локтя, в складках, где нетрудно было разглядеть заплатки и аккуратно заштопанные мамой дырки.

— Вот послушай... — начал Веснушка...

Это было совсем недавно. Ну, вчера. Я повстречал в море большой парусный корабль. Он мне сразу приглянулся, и я решил ненадолго задержаться на этом корабле. Плыл себе да плыл вместе с ним. Когда ветер туго надувал паруса, канаты дрожали и тихо звенели.

А вокруг на острых гребешках волн плясали мои братишки и друзья-приятели. Погода стояла лучше

не бывает — на небе ни облачка! Я не очень-то слушал, о чем шепчутся матросы, собираясь кучками в темных закоулках, в трюме, в разных укромных местечках. И зря, как это потом выяснилось. Я уже давно заметил, если человек задумал что-то темное, его почему-то так и тянет в темноту. И говорит он шепотом, да еще прикроет рот ладонью. Надо бы этот вопрос обдумать как следует. Эх, посоветоваться бы с Солнышком!

По правде говоря, больше всего в то время я был занят шпагой нашего капитана. Славная была шпага, отточена на совесть.

Мы собирались на ней веселой компанией. Потолкуем, обсудим наши дела-делишки. Поспорим о чем-нибудь, подыдем возню и давай бороться, толкать друг друга, сверкать, разлетаться в разные стороны.

Да и сам капитан оказался по-настоящему рыжий. Мы с ним здорово подружились. И, главное, характер точь-в-точь как у меня: гордый, горячий. Иногда я просто путал: где он, а где я.

Помню, сидит мой капитан, облокотившись о стол, глаз с меня не спускает. И слушает, слушает...

Я рассказывал ему о морских битвах. О затонувших кораблях, у которых в каютах теперь поселились рыбы. Он все приставал ко мне, все хотел узнать, как появился этот шарик, который вы зовете Земля. Откуда он взялся, как все это произошло. Но я мог ему только сказать, что случилось это довольно-таки давно и что тогда была ужасная суматоха и неразбериха.

В эту ночь он крепко спал. Я, как обычно, прилежал на рукоятке его шпаги. Лежал себе и думал, вспоминал Солнышко. Так я коротал ночь.

Мне было что-то не по себе, все томило какое-то беспокойство, недоброе предчувствие. За окном качалась чистая звезда. А мне все чудилось, что тяжелые тучи в тишине собираются над нашим кораблем.

Я соскользнул на серебряную пряжку башмака моего капитана...

В этот миг дверь с грохотом распахнулась, и в каюту ворвались эти негодяи, вооруженные до зубов. Впереди боцман — Хиль Синие Губы. Правда, губы у него были синие, будто он выпил целую бутыл чернил.

Мой капитан даже не успел выхватить пистолеты. Пираты скрутили его по рукам и ногам.

— Здесь поблизости есть славный островок, забытый богом и людьми, — с издевочкой сказал Хиль Синие Губы. — Голый, как коленка самого дьявола. Зато посреди острова торчит высокая скала. Вы сможете, синьор капитан, если уж очень пожелаете, вскарабкаться на нее и полюбоваться, как отвалит от берега ваш корабль. А на его флаге, что вы думаете? Такой симпатичный череп и пара скрещенных костей! Ха-ха-ха!

Пираты с хохотом вывалились из каюты. Прихватили с собой и пистолеты капитана, и шпагу, которую я так любил. Тогда осторожно-осторожно я пережег веревки, которыми негодяи скрутили моего капитана.

Я весь дрожал. В эту минуту от возмущения я мог спалить весь корабль. Но я понимал, что этим не очень-то помогу делу.

Я сказал моему капитану:

— Ночью, по правде говоря, не слишком я люблю летать. А вот днем — обещаю тебе — быстренько об-

лечу весь океан и уж наверняка найду какой-нибудь корабль, который захочет прийти к тебе на помощь.

— Мой светлый дружок, — печально улыбнулся капитан. — Ну, подумай, кто тебе поверит? Да вдобавок, к несчастью, днем тебя почти не видно. Кто это будет менять курс корабля, плыть неизвестно куда только потому, что ему почудился чей-то голосок?

Тут я совсем приуныл. Это ведь истинная правда. Не раз со мной случалось такое. Встретишь кого-нибудь, захочешь познакомиться. Заговоришь с ним так спокойно, по-хорошему. А он пятится от меня, машет руками, бледнеет и начинает болтать всякую чепуху: «Что со мной? Какое несчастье! Нет, это мне только снится! Или мерещится!» И тому подобное...

— Но не будем вешать нос, — стараясь казаться веселым, сказал капитан. — Еще не все потеряно. Есть один старинный способ: написать письмо и сунуть в бутылку. А бутылку запечатать и бросить в океан.

Он сел к столу и начал писать, а я от сочувствия старался светить как можно ярче.

Капитан уже хотел запечатать бутылку, как вдруг со вздохом уронил руки на стол.

— Я сам знаю, иногда вылавливают из моря бутылки, которые проплавали добрых сто лет, а то больше. И то правда, даже днем нелегко заметить в море плывущую бутылку. А уж ночью, в темноте — и подавно...

Тут мне в голову пришла гениальная мысль. Я даже подпрыгнул. Просто удивительно, ведь я всего-навсего обыкновенный солнечный луч, каких много, но до чего же часто мне приходят в голову гениальные мысли.

— Лучше это, чем ничего, — рассудительно сказал я моему капитану. — Я к тому клоню, что бывают на свете везучие бутылки. Может, твоя бутылка окажется как раз из таких. Может, ей повезет, кто-нибудь ее выудит.

Лишь только мой капитан на минутку отвернулся, я незаметно скользнул в бутылку и притаился там под письмом, стараясь не дышать и не светиться.

Капитан запечатал бутылку и бросил ее через круглое окно прямо в воду.

Корабль — огни и голоса — исчез во мраке. Я остался один в бездонном океане.

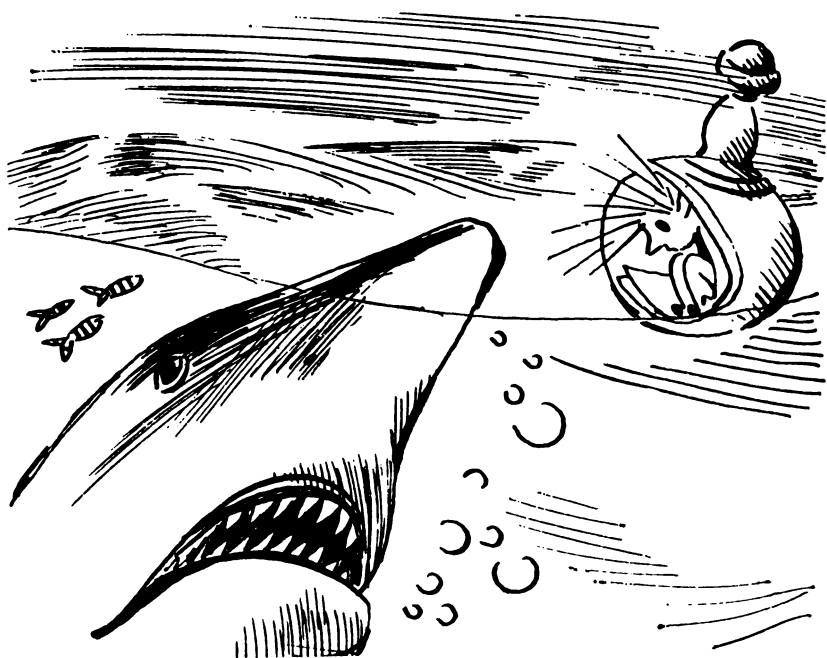
Надо мной было черное небо, без всякой надежды. А каждая волна — как рука Темноты. Волны тянулись ко мне, затягивали в глубину. Но всякий раз моя бутылка упрямо выскакивала из волн.

Тут я понял, что мне попалась очень умная и важная бутылка!

Иногда рыбы равнодушно толкали меня своими тупыми носами. Каждому встречному приходилось объяснять, кто я такой, да откуда, да куда плыву. Но рыбы, не дослушав, проплывали мимо, сверкнув серебряной чешуей, и тут же забывали обо мне.

Огромный осьминог обвил мою бутылку своими щупальцами. Я увидел его глаза, круглые, выпуклые, пустые. Одна негодная акула попробовала было ухватить бутылку зубами. Но я так вспыхнул, что чуть не ослепил ее. Акула захлопнула пасть, и ее длинное скользкое тело ушло куда-то вниз, в глубину.

Ты представь себе только: огромный темный океан — и в нем одна-одинешенька маленькая светящаяся бутылка.

«Неужели я останусь тут навсегда? — в отчаянии подумал я. — Бедный, всеми забытый луч, вечно плавающий в океане. Как это печально!..»

Конечно, если бы я постарался, я смог выбраться из бутылки, пройти сквозь стекло и выйти на свободу. Но предать капитана? Предать своего друга? Нет, ни за что!

Я тихо плакал, скорчившись на доннышке бутылки, уткнув нос в коленки.

И все-таки я светил. Светил из последних сил, преодолевая тоску и безнадежность.

— Это самая бесстрашная и благородная бутылка на свете, — сказал я сам себе.

Последнюю звездочку скрыла тяжелая, откормленная туча. Но тут-то Темнота и просчиталась. Чем

непроглядней сгущался вокруг меня злобный мрак, тем ярче становился мой свет.

Яркие круги разбегались от меня во все стороны. Золотые звезды танцевали на черной воде. Блестки, искры сверкали вокруг.

— Смотрите, смотрите! Светящаяся бутылка! Золотая бутылка! — слышались далекие голоса.

Тут я принялся светить во всю мочь, даже, по правде говоря, перестарался немножко. Я так трудился, что нечаянно подпалил письмо моего капитана. Вот бы я удружил ему, если бы письмо сгорело!

Но, к счастью, обуглился только самый краешек бумаги. Дым наполнил бутылку. Я раскашлялся, чуть не задохнулся.

Но в это время где-то рядом ударило весло. Мою бутылку вытащили из воды.

— Да, несомненно, это самая удачливая бутылка на свете! — сказал я самому себе.

Скоро я очутился в капитанской каюте, где под потолком раскачивался фонарь.

Все по очереди рассматривали бутылку, вертели в руках. Я видел широко открытые от любопытства глаза совсем рядышком, за стеклом.

Старый седой капитан бережно вытащил пробку.

Знаешь, чем я отличаюсь от джинна, закупоренного в каком-нибудь древнем медном кувшине? Не знаешь? Ну, так я скажу тебе. Все эти джинны — пустой, самовлюбленный народ. Им бы только покрасоваться, поэффектней выскочить из кувшина. Чтобы было побольше шуму, треску. Всех напугать, поразить, пустить пыль в глаза.

Я же — наоборот. Я постарался как можно незаметней выскользнуть из бутылки, не привлекая

ничьего внимания. Я нырнул в фонарь, уселся в пламени свечи и хоть немного отдышался.

Старый капитан бережно развернул письмо, разложил его на столе, разгладил ладонями.

— Да это же пишет Диего Мигель Фернандес, капитан «Голконды»! — с волнением воскликнул он. — Я его знаю: отличный малый и опытнейший моряк. Он пишет, что попал в дрянную историю. Его

корабль захватили пираты. Но, я надеюсь, мы успеем вовремя.

Тут я сразу понял, что этот седой капитан тоже по-настоящему рыжий.

Конечно, может быть, мне надо было сразу помчаться к моему капитану и порадовать его доброй вестью.

Но лишь только я подумал, что мне снова придется нырнуть в эту Темнотищу, рыскать во мраке, как летучая мышь, метаться над черными волнами...

Не могу тебе объяснить, что со мной случилось, но я просто не мог заставить себя слезть с этого уютного тепленького свечного огарка, где я устроился совсем по-домашнему.

Когда рассвело, мы уже подошли к одинокому острову, посреди которого торчала унылая серая скала.

В четверти мили от него покачивалась на якоре «Голконда».

Пираты сдались без боя. Они были не очень-то опытные пираты, так, какие-то начинающие. Отъявленный негодяй там был только один — Хиль Синие Губы.

— Выбирай: или я вздерну тебя на рее, или оставайся на этом острове, — предложил ему мой капитан.

Хиль Синие Губы выбрал второе.

Мы тут же снялись с якоря.

Мой капитан в самых изысканных выражениях познакомил меня с седым капитаном. И, по правде говоря, здорово испортил этим наш праздник.

Старый капитан не меньше получаса ахал, не мог прийти в себя от изумления. Все говорил, что это или волшебство, или сказка, и все это ему только чудится.

А ведь ты знаешь, что я этого просто терпеть не могу. Посуди сама. Слушаешь, слушаешь, да как-то невольно под конец сам засомневаешься: «А может быть, и вправду я всего-навсего только Солнечная Сказка? Может, и вправду меня нет?»

Веснушка прикусил губу, отвернулся.

— Ну что ты, Веснушка! — горячо воскликнула Катя. — И даже не думай. Глупости все это!

— Я тоже надеюсь... — вздохнул Веснушка. Он немного помолчал, потом поднял голову и глубоко заглянул Кате в глаза. — Но, знаешь, если рассудить здраво, ведь это тоже не так уж плохо: быть Солнечной Сказкой.

Глава 22

КАК ВАЖНО СКАЗАТЬ ДРУГУ:

«ЗДРАВСТВУЙ!»

Небо между тем стало густым и бархатным. В темноте повисли разноцветные окна с люстрами, светящимися шарами, пестрыми шторами.

Веснушка глянул через плечо и поежился, тоскливыми глазами посмотрел на Катю.

Глубоко вздохнул и вдруг поманил ее пальцем. Катя нагнулась к нему.

— Знаешь, когда мы пойдем, — зашептал он ей на ухо, — я, может быть, тебя кое о чем попрошу. Даже обязательно-навверняка-непременно-безусловно попрошу.

Катя выпрямилась, с удивлением посмотрела на Веснушку. Глаза у него были сердитые и несчастные.

— Ну что ты, я все сделаю, не беспокойся, — ласково сказала она.

— Да наоборот, — Веснушка с досадой топнул ногой. — О чем бы я тебя по дороге ни попросил, ты меня не слушай. А только тверди: «Нельзя!», «Ни за что», «Невозможно» или еще что-нибудь в этом роде, подходящее к этому случаю. Больше от тебя ничего не требуется. Ну, теперь поняла?

— Кажется, поняла... — прошептала Катя.

— Обещаешь?

— Обещаю, — Катя быстро закивала головой. Но, если признаться, она не совсем поняла, что, собственно говоря, она обещала Веснушке.

— Пошли, — сурово сказал Веснушка.

Они вышли в притихший пустой двор.

Веснушка пристроился за ухом, там, где закручивались прядки волос, и слабо грел Кате шею.

— В парк пойдем, к пруду. Только не к тому пруду, где лодки выдают напрокат, а где лягушки квакают.

Они прошли мимо спящих автоматов с газировкой. Луна светила в пустые граненые стаканы, будто хотела налить в них лунного сиропа.

Ворота в парк были далеко от Катиного дома. Но это Катю особенно не смущало. Обычно она пролезала между железными прутьями ограды. Правда, в этом году она уже не пролезала, а протискивалась, даже с некоторым трудом.

«Наверно, на будущий год придется в обход ходить», — подумала Катя, просовывая голову между прутьями ограды и чувствуя, что ей мешают уши.

Катя никогда не была ночью в парке.

Она пошла напрямик по траве. Трава была росистой, жесткой, холодила ноги в босоножках.

«Надо было сапоги обуть резиновые, — подумала Катя. — Ну, теперь уж все равно. Не возвращаться же...»

— Ох-скрип! Ох-скрип! — по-стариковски жаловались высокие ели. Будто советовали: «Шла бы ты спать. В теплой постели — ох, хорошо!»

— Фью-шы!.. Фью-шы!.. — слышалось в узловатых ветвях дуба. Словно кто-то наберет воздуха и выдохнет. И тоже будто предупреждает: «Ох, вернись! А там думай сама, как хочешь...»

Комары звенели около лица, упруго бились о щеки, как шарики, скатанные из воздуха.

Катя осторожно отгоняла их, боясь нечаянно смахнуть Веснушку.

Сердце у Кати то билось где-то высоко в горле, то падало куда-то вниз и замирало.

Веснушка забрался поглубже под косичку и там затаился.

Наконец между деревьями рябым зеркалом зажегся пруд. У берега тихо покачивались привязанные лодки, терлись друг о друга бортами. В одной лодке кто-то забыл весло, и уключина тоненько и жалобно поскрипывала. От пруда вела узкая тропинка. Медвежьи лапы елей жадно тянулись к ней, и она исчезала, будто проглоченная мраком.

Катя ступила на тропинку.

— Стой! Стой! — вдруг быстро зашептал ей на ухо Веснушка. — Передумал я. Пошли домой. Поворачивай назад.

Катя споткнулась о корень. Повернула обратно.

В глубине души она даже обрадовалась, что не надо идти дальше. Она представила себе свою комнату, теплый, спокойный кружок света на по-

толке от настольной лампы, и ей захотелось скорей очутиться дома.

— Ну, что ты тащишься, — нетерпеливо шептал Веснушка. — Лучше бы я улитку нанял, чем с тобой связываться. Шевели ногами, пошли скорей...

И вдруг Катя вспомнила тот загадочный разговор, перед самым уходом из дома. Теперь она поняла, что ему обещала. Катя остановилась.

— Нет, нет, Веснушка, милый, — тихо, но настойчиво сказала она. — Нельзя. Давай уж сделаем, как решили, да?

— Все равно мы зря идем, — торопливо проговорил Веснушка. — Я забыл дома одну вещь... Из-за которой мы и пошли... Самую главную...

— Какую?

— А тебе не все равно?

— Нет, ты скажи!

— Но я прошу тебя, умоляю. — Веснушка копошился где-то у шеи, прижимался к уху. — Я не хочу идти. Я передумал, слышишь?

Но Катя упрямо шла по тропинке.

«И вовсе не страшно, — удивляясь, подумала она. — Было страшно, а теперь нет. Наверно, потому, что Веснушка боится и я его защищаю. Он ведь такой маленький, пугливый...»

— Пошли назад! Не надо! Это ты нарочно! Хочешь, чтобы я погас! — задыхаясь, вскрикивал Веснушка. Но не громко, видно, громко кричать боялся. — Убегу от тебя! Завтра же. Вот только Солнышко увижу!..

— Ну, тихо, тихо. Это ничего, это бывает... — ласково уговаривала его Катя. — Хочешь, я закрою тебя ладошкой. Подышу на тебя, спрячу. Ну чего ты?.. Ведь я с тобой...

Веснушка стал нестерпимо горячим. Катя втянула воздух сквозь стиснутые зубы...

Тропинка резко оборвалась на крутом обрыве, прямо над прудом.

В лунном свете плавали круглые листья кувшинок. Тихие зеленые блюдца, и почти в каждом — горстка сверкающей воды.

— Ку-ак! Ку-ак!.. — несло со всех сторон, будто лягушки откупоривали бутылки, бутыли, маленькие бутылочки.

— Вот мы и пришли! Вот мы и пришли! — ликующим голосом вдруг закричал Веснушка и запрыгал у Кати на плече. — Смотри, вот он, мой друг!

Он сбежал вниз по Катиной руке, задержался на указательном пальце, присвистнул, спрыгнул на землю. На длинной, тонкой травинке сидел светлячок. Травинка чуть провисала, прогибалась под его тяжестью. Он светился живым особым светом. Маленький зеленый фонарик. Веснушка остановился под травинкой, задрал голову кверху.

— Здравствуй! — крикнул он светлячку.

Фонарик разгорелся ярче, будто подули на уголек.

— Здравствуй! — снова крикнул Веснушка. — Уф!.. — Веснушка снова забрался Кате на плечо, с облегчением перевел дыхание. Заговорил рассудительно, спокойно, как ни в чем не бывало: — Теперь можно и домой со спокойной совестью. Я ведь каждый год прихожу сюда, чтобы сказать ему: «Здравствуй!»

— Ох! И ты приходишь сюда только для этого? — вырвалось у Кати.

— Глупая девчонка! — так и вспыхнул Веснушка. — Да ты знаешь, как это важно, не испугавшись

никаких опасностей, прийти к другу сквозь страшную, непроглядную ночь и сказать ему: «Здравствуй!»

Кате очень хотелось спросить, какую вещь Веснушка забыл дома. Ведь он сам сказал: «Самую главную». Но она не знала, как спросить, чтобы он не обиделся. Тем более ночью, в темноте. Другое дело — при Солнышке.

Но Веснушка будто прочитал ее мысли.

— Понимаешь, по дороге мне показалось, что я забыл дома свое «здравствуй!», — серьезно сказал Веснушка. — А ведь у каждого свое собственное «здравствуй». У некоторых оно холодное, у других равнодушное. А у меня оно горячее-прегорячее. У тебя, в общем, тоже неплохое «здравствуй». Конеч-

но, в крайнем случае я бы мог одолжить у тебя твое «здравствуй». Но сказать другу чужое «здравствуй»! Нет, это не в моих правилах. Вот я и стал его искать. Смотрю: в карманах нет, за пазухой тоже никакого «здравствуй». А потом я его нашел. — Веснушка с важным видом постучал пальцем себя по лбу: — Оказалось, оно вот где. Конечно, ведь я всю дорогу держал его в голове и все думал, думал, как я приду к своему другу и скажу ему: «Здравствуй!»

Катя ничего не ответила, только отвернулась, пряча улыбку.

Глава 23

«ЛЕТАЮЩЕЕ ЗОЛОТО»

— Вот это да! — Катя запустила обе пятерни в волосы. — Тут написано: «Луч света долетит до Марса примерно за восемь минут». Ой, Веснушка, какая же я бестолковая! Я только сейчас сообразила: ведь ты и есть как раз тот самый луч света! Послушай, чем тебе на разные командировки время тратить, ты бы лучше слетал быстренько на Марс, или на Венеру, или еще куда-нибудь. Разузнал бы, что там делается: есть ли жизнь, разумные существа, цивилизация и все такое прочее... Потом бы мне все рассказал, а я записала в тетрадку. Нам бы все «спасибо» сказали. Мы бы даже прославились...

Катя взглянула на Веснушку и запнулась на полуслове.

Веснушка смотрел на нее укоризненными, скорбными глазами. Он сразу как-то по-стариковски сгорбился, побледнел.

— Насчет славы это я просто так, — виновато сказала Катя, стараясь быстро сообразить, что именно в ее словах могло так огорчить Веснушку.

— Гонишь меня, — глухо проговорил Веснушка. — Гонишь меня с этой маленькой теплой планеты. Такой живой и зеленой.

— Я?! — изумилась Катя. — Куда я тебя гоню?

— Конечно, я всего-навсего обыкновенный солнечный луч, каких много. — Веснушка потускнел, стал еле-еле виден. — Меня и обидеть не жалко. Пошел прочь, Веснушка, со скоростью триста тысяч километров в секунду...

«Что это с ним? — ужаснулась Катя. — Уж лучше бы рассердился, прожег что-нибудь...»

— Даже если я как-нибудь разыщу этот Марс, на который ты меня гонишь, как, интересно, я вернусь обратно? А если я промахнусь и пролечу мимо Земли?

— Ой, я не подумала!.. — с испугом воскликнула Катя.

— Не подумала, — кивнул Веснушка. — Я так и знал. Думать обо мне? Стоит ли тратить драгоценное время? А знаешь ли ты, сколько несчастных лучей вообще пролетело мимо Земли? Они летят и летят в пустоту. Вечно, всегда. А Темнотища постепенно поглощает их. И, скорее всего, они никогда не встретят ни одного цветка, даже пыльного листа подорожника. Ничего живого. Пустота и мрак. И ты меня посылаешь туда, вышвыриваешь.

— Никуда я тебя не вышвыриваю, — в отчаянии проговорила Катя.

— Я чувствую, что сейчас погасну. Все... Этого мне не пережить... Я думал, ты мой друг...

И Веснушка словно подернулся серым пеплом. Угасающим угольком вспыхивал еле-еле и совсем исчезал, пропадал из глаз.

Тут уж Катя не выдержала.

— Кап! — на стол тяжело шлепнулась слеза.

Веснушка с опаской покосился на слезу. Катя никогда еще при нем не плакала.

— Кап! — упала вторая слеза, чуть не накрыв Веснушку.

— Ладно, ладно, — забормотал Веснушка. — Ну, я верю, что ты не хотела меня прогнать. Может, я и зря на тебя обиделся. Может, ты отчасти и права на этот раз. Наверное, случайно, по ошибке. Но уж зато должен тебе признаться: ну и характер у тебя. Чуть что — и сразу в рев. Нет, плакать по пять раз на дню! Это, знаешь ли, у меня никаких нервов не хватит.

Катя не стала с ним спорить, только отчаянно шмыгнула носом. Главное, что Веснушка не погас.

Веснушка, как обычно, пристроился на Катином плече.

— Понимаешь, нас очень мало, тех, которые попали на землю. Счастливчики мы. Я и в командировку лечу — обязательно-непременно-во что бы то ни стало стараюсь зацепиться за какой-нибудь попутный самолет. Опасаюсь я лететь своей личной скоростью. Еще, чего доброго, зазеваешься, задумаешься, оторвешься от земли, поминай как звали... Кстати, о командировке. Мне как раз сегодня надо...

Катя глубоко вздохнула.

Веснушка посмотрел на нее с досадой.

— Мне в Ленинград слетать надо к одному ученому. Ну, что ты молчишь?

Но Катя ничего не ответила. Она все вздыхала и вздыхала, да так еле слышно, слабенько, как будто у нее уже и сил не было вздохнуть как следует.

Веснушка нетерпеливо топнул ногой.

— Понимаешь, у него там во всех склянках-пробирках что-то светится. Наверное, он сделал гениальное открытие, если уж у него даже пробирки светятся. Погоди, погоди! — закричал Веснушка, увидев, что Катя уже набрала воздуха, приготовившись вздохнуть. — А я сам знаешь сколько сделал открытий?

— Ты?! — изумилась Катя.

— А то кто же? — Веснушка с гордым видом ткнул пальцем себя в грудь. — Цветок какой-нибудь отогрею — он и откроется. Утром спит человек, я ему на лицо упаду. Так он сразу проснется и глаза откроет. А однажды я открыл дверь. Просто прожег ее насквозь. Разве это не открытие?

— Ну, не совсем, — протянула Катя.

— А одного ученого я просто спас. Вот так, взял и спас, — небрежно бросил Веснушка.

— Ой, ой, Веснушка, расскажи! — не выдержала Катя.

— Да ничего особенного, — улыбнулся Веснушка. — Это было совсем недавно. Наверно, вчера. Во всяком случае на мамонтов уже не охотились, но на воздушных шарах еще не летали.

— Для тебя все недавно, — вздохнула Катя.

— А для тебя все давно, — строго одернул ее Веснушка. — Так вот. Залетел я как-то к герцогу Брантскому.

— Слушай, Веснушка, — не утерпела Катя, — вот ты всегда говоришь: «Он меня увидел и до того уди-

вился!..» Да как же ему было не удивиться, герцогу, когда он видел тебя вот такого: в джинсах, в куртке на «молнии»?

— Скажешь тоже! — возмутился Веснушка. — Я всегда одевался по моде. Какая-нибудь шкура или плащ, шляпа с перьями или еще что-нибудь. Вот однажды мне пришлось надеть камзол, на котором было пятьдесят пуговиц. Представляешь, какая была тоска застегивать его! Ведь я должен был каждую солнечную пуговку просунуть в солнечную петлю! А что поделаешь, если все в ту эпоху с этими пуговицами мучились? Впрочем, это было бы еще полбеды, если бы люди удивлялись на то, как я одет. Беда в том, что они удивляются на самого меня. На то, что я существую. Вот что самое обидное.

— Да... — задумчиво кивнула Катя.

— И не перебивай меня, пожалуйста, — нахмурился Веснушка. — Так на чем я кончил? Ах да. Залетел я, значит, к герцогу Брабантскому. Худеньким и стройным никто бы не смог его назвать. Три подбородка сползали один на другой и тонули в кружевах. Пальцы белые, мягкие, жирные. Придворные ювелиры каждый месяц расширяли его кольца — так толстели пальцы герцога Брабантского. Уж не могу сказать тебе, какая связь между толщиной и жадностью, но чем больше толстел этот самый герцог, тем больше он требовал золота. Эх, обсудить бы этот вопрос с Солнышком!.. Впрочем, я знаю столько же толстых жадин, сколько и тощих, как жердь, скупердяев. Был, конечно, у герцога Брабантского свой алхимик.

— Ал... кто? — переспросила Катя.

— Алхимик. Так называли ученых в те времена. Алхимики.

— А алхимики тогда были? — не утерпела Катя.

— Опять перебиваешь? — подозрительно прищурился Веснушка.

— Молчу, молчу. — Катя крепко прижала к губам ладошку.

Веснушка с минуту испытующе смотрел на Катю, но та даже не шевельнулась, зажмурилась, застыла.

— Ладно уж, — смягчился Веснушка. — Так вот. Этот герцог засадил своего алхимика в подземелье, чтобы тот не удрал, да заодно не отвлекался, не глядел по сторонам, а день и ночь старался открыть секрет, как из всякой ерунды делать золото. Ну и подземелье, я тебе доложу. Если хочешь, спроси у Темноты. Она тебе ответит: «Ах, местечка лучше не найти, просто душа радуется, прелесты!» Но я тебе скажу: дыра — хуже не придумаешь. Стены мокрые, липкие. Ступени скользкие. Даже пауки по углам скучные, унылые, опухли от сырости, жалуются на ревматизм. Дверь скрипит так, что выть от тоски хочется.

— Луч солнца! О, если бы я мог увидеть хоть один луч солнца! — услышал я однажды, как молил герцога старый алхимик.

«Эге-ге! — смекнул я. — Алхимик-то, оказывается, рыжий! Придется что-нибудь придумать...»

Я тут же решил свести знакомство с этим алхимиком. А уж если я что решил — меня и затмение Солнца не остановит.

Ты, конечно, знаешь, ну кто же этого не знает, что у герцога Брабантского имелся перстень со знаменитым бриллиантом. Вот я и скользнул прямо в этот бриллиант и свернулся на самом его донышке.

Таким образом, я преспокойненько въехал в подземелье на пальце герцога с таким же удобством, как он сам въезжал во двор своего замка в карете, запряженной шестеркой откормленных лошадей.

Только лошади знали, что они везут герцога, а герцог не знал, что он везет меня. Вот и вся разница.

Чтобы не вызывать лишнего шума, я незаметно перебрался на горящий факел и там грелся, пока герцог обзывал моего алхимика «нерадивым слугой», «лентяем» и «старым упрямым ослом».

Во всяком случае герцог утверждал, что моему алхимику здорово надоела его собственная голова и он поможет ему от нее избавиться. Потом герцог заявил, что у него поясицу прямо-таки разломило от сырости, но он клянется всеми своими предками, что не видать алхимику ни одного солнечного луча, пока он не раздобудет для него целую гору золота.

Ну, насчет луча он в любом случае ошибся, потому что, как только он со своей свитой и стражей выбрался из подземелья, я тут же вскарабкался на колени моему алхимику.

Поначалу алхимик меня, конечно, смертельно оскорбил и обидел.

Можешь не сомневаться, он мне тут же заявил, что такое бывает только в сказке и скорее всего это просто-напросто чудесный, удивительный сон.

Но когда он понял, что я ему вовсе не снюсь, он до того обрадовался, что чуть было с ума не спятил.

Я крепился, крепился, но все-таки не выдержал и простил его.

— Будет тебе заниматься всякой чепухой, переливать из пустого в порожнее, из колбы в ретор-

ту, — заявил я ему. — Ни крупички золота ты все равно не добудешь.

— Мне тоже кажется, что у меня ничего не выйдет, — в глубоком унынии сказал мой алхимик.

— Странный человек! — воскликнул я. — Тогда чего же ты тут сидишь?

— Но как отсюда выйти, дружок? — алхимик вскинул на меня глаза. А глаза у него были усталые и печальные, словом — рыжие глаза.

— Ну, тогда предоставь это дело мне, — сказал я, внимательно оглядев его. — А то, я вижу, ты впал

в мерехлюндию. Ты только делай все, как я тебе скажу, и увидишь, что получится.

На следующее утро мой алхимик принялся что было силы колотить обоими кулаками в окованную железом дверь и вопить что было мочи:

— Золото! Золото! Я открыл секрет золота!

Нечего говорить, что не прошло и десяти минут, как в подземелье влетел сам герцог Брабантский со своими придворными и десятком стражников.

Видно, герцога оторвали от завтрака, потому что он еще что-то жевал. В одной руке у него был кубок, а в другой — недоеденная ножка жареного гуся, румяная и сочная. Его губы и три подбородка жирно блестели.

— Ваша светлость, я исполнил то, что вы требовали! — торжественно заявил мой алхимик. — Но так как золото добыто волшебным путем, то и золото получилось, к моему великому сожалению, чуть-чуть волшебным.

— Покажи мне золото! Скорее! — в нетерпении потребовал герцог.

Тут мой алхимик показал герцогу большую колбу, на дне которой лежал я, свернувшись калачиком. Лежал тихо, скромненько, подтянув коленки к подбородку, совершенно не шевелясь.

— Но здесь его слишком мало! — разочарованно сморщил нос герцог.

— Вы забыли, ваша светлость, что оно волшебное. Этот кусочек золота обладает способностью расти и увеличиваться.

Тут в глазах герцога Брабантского засветился алчный красноватый огонек.

— Но я должен предупредить вас, господин герцог, — тихо сказал мой алхимик. — Это золото умеет летать.

— Черт побери! — герцог злобно сжал кулаки. — Мне вовсе не нужно золото, которое умеет летать. Мне нужно золото, которое умеет лежать. Причем, заметить, не где-нибудь, а в моих сундуках.

— Успокойтесь, ваша светлость, — улыбнулся мой алхимик. — Это золото совсем ручное. Оно привязчиво, как какая-нибудь бездомная собачонка. Того, кто коснется его первым, оно будет считать своим повелителем. И тогда вы можете кричать ему: «Пошло прочь, золото! Марш отсюда в чужой карман!» Вы можете гнать его от себя, пинать ногами, все равно золото вернется к вам снова. Да, это золото будет во всем послушно тому, кто первый его коснется!

— Так первым его коснусь я! Я буду его повелителем! — взревел герцог Брабантский и зубами вытянул затычку из колбы.

Я тут же быстренько вылетел на волю и принялся носиться по всему подземелью как угорелый.

Не можешь себе представить, что тут началось!

Со всех сторон ко мне потянулись дрожащие от жадности руки. Каждый старался поймать меня, схватить. Никто не разбирался, где тут герцог, а где простой слуга.

Все толкались, отпихивали друг друга. Одному из стражников удалось вскарабкаться на шаткий табурет, самый проворный вскочил на стол. Посыпались на каменные плиты колбы и реторты.

Отовсюду неслись проклятия, злобное сопенье, тонкий звон и хруст битого стекла.

Серебряный кубок герцога нашелся потом сплюснутым в лепешку где-то в углу, а жареная гусиная ножка вообще так и не отыскалась.

— Летающее золото! Оно мое!

— Золотце, миленькое, иди ко мне!

— Нет, ко мне!

— Ты будешь расти у меня в замке!

— А я на тебя куплю замок!

Герцогу Брабантскому в суматохе изрядно намяли бока. Он так тяжело пыхтел и отдувался, что факелы на стенах шатались и чадили.

Тут я убедился: хоть он и герцог, но малый не промах и, если уж дело дошло до золота, постоять за себя он сумеет. В конце концов он всех расшвырял в стороны и чуть было не схватил меня.

Ясное дело, в этой неразберихе никто не обращал внимания на моего алхимика и на дверь, ведущую из подземелья.

А если имеется дверь и имеется тот, кто хочет удрать в эту дверь, и если к тому же на них никто не смотрит, то они быстренько договорятся. Ну-ка, реши задачу!

Катя даже вздрогнула от неожиданности, с удивлением посмотрела на Веснушку.

— Если из двери вычесть алхимика, кто останется? — спросил Веснушка, строго и холодно глядя на Катю. Маленькие ручки с важным видом заложил за спину.

— Не знаю, — растерялась Катя.

— Остался алхимик, — назидательно сказал Веснушка. — Как ты не понимаешь? Алхимик остался в живых. Герцог так его и не казнил. А дверь не может остаться в живых. Ведь она и так неживая, поняла?

— Поняла...

— Ну, повтори!

— Остался алхимик, — послушно повторила Катя.

— И ничего не остался! — ликуя, воскликнул Веснушка. — Не остался он у герцога Брабантского. Он в тот же день укатил далеко-далеко. Да, я вижу, математику ты совсем запустила. Неплохо было бы тебе со мной хоть немного подзаняться. Ну, конечно, — Веснушка обиженно выпятил нижнюю губу. — Ты считаешь, что я всего-навсего обыкновенный солнечный луч, каких много. Считаешь, что я и математикой с тобой недостойн заниматься. Хотя сама не можешь решить простейшей задачи. Ну?

Катя в полной растерянности не знала, что ответить.

— Самолет! Самолет! — внезапно закричал Веснушка и вскочил на подоконник. — Как раз Москва — Ленинград, то, что мне надо. Зацеплюсь за него и через сорок минут — на месте!

— А когда прилетишь? — поспешно спросила Катя.

— Через две-три темноты. В крайнем случае через четыре!

Это значило на Веснушкином языке: «Через два-три дня. В крайнем случае через четыре».

— Честное рыжее?

— Честное рыжее! — он произнес эти слова торжественно, как клятву.

— Осторожней, не промахнись! И не лети с собственной скоростью! — с тревогой воскликнула Катя. — Слышишь, что тебе говорят?

— Что я, маленький, — весело откликнулся Веснушка. — Ты только не забудь: оставь окно открытым!

Катя с тревогой проводила глазами сверкнувшего в форточке Веснушку.

Солнечный свет ласково принял его, растворил в себе.

«Бедняги, у них, оказывается, тоже не такая уж легкая жизнь, у этих лучей!» — с жалостью думала Катя.

Она посмотрела в окно на молодую, еще молочно-зеленую траву. Из травы торчали желтые бархатные беретки одуванчиков. Лаковые, клейкие листья тополя были неподвижны. Солнце свило в их про свете слепящие золотые гнезда.

Как хорошо, что она попала на эту землю!

Не пролетела мимо, не промахнулась, не летит в Темноту, которой нет конца, не плутает между звездами...

И Веснушка вернется. Обязательно вернется. Раз уж он дал «честное рыжее»...

Глава 24

УЧЕНЫЙ ПЕТЯ И НОЧНОЙ РАЗГОВОР

Веснушка вернулся из Ленинграда на четвертый день. Усталый, но довольный.

— Ну, как там твой ученый? — спросила Катя.

— В двух словах не расскажешь. Это целая история, — с важностью сказал Веснушка. — Он — рыжий, этот ученый Петя. В этом нет сомнения. Это я сразу понял... Сначала мне понравилось, что у него во всех склянках-пробирках что-то светится. А потом мне понравилось, что он по ночам не спит.

— Как не спит? Совсем? — удивилась Катя.

— Так, не спит. Одну ночь не спит, вторую ночь не спит, третью ночь... Совсем как я... Все сидит за столом и смотрит на свои пробирки. Я даже подумал: уж не родственник ли он мне, право? Ведь мы, солнечные лучи, тоже не спим по ночам.

А тут как раз звонит по телефону его жена Наташа и говорит:

— Петя, я тебя умоляю. Ты себя просто вконец измотаешь этими опытами. Приди домой, отоспись хоть одну ночь.

А он ей отвечает:

— Это совершенно невозможно, Наташенька. Я же ни на минуту не могу отлучиться. Это для меня так важно. Я столько ждал. Ты же знаешь. И потом, у нас в лаборатории есть чудесный диван.

— Ты, наверное, на нем не умещаешься, — сомневается Наташа. — У тебя ноги такие чересчур длинные.

— Прекрасно умещаюсь, Наташенька. Просто замечательно умещаюсь, — успокаивает ее Петя.

На самом деле, какое там. Когда Петя на диван ложится, ему приходится к дивану подставлять еще табуретку и стул.

Но он все равно не спит. Руки за голову закинет и смотрит на свои склянки-пробирки. А под ними скачет синенький огонек, их подогревает. Полежит немного Петя — и опять за стол. Зачем-то книжки читает, пишет разные закорючки и следит, чтобы не погас синий огонек.

На четвертую ночь... Тут понял я: нет, не родственник мне Петя. Сидел он, сидел, тер глаза кулаками. И вдруг уронил голову на руки и уснул.

А я пристроился у него на плече и люблюсь, как славно пробирки светятся.

Только смотрю: все ниже и ниже синий огонек. Совсем обленился, гореть не желает. То поднимется, то книзу прижмет. Вот-вот погаснет.

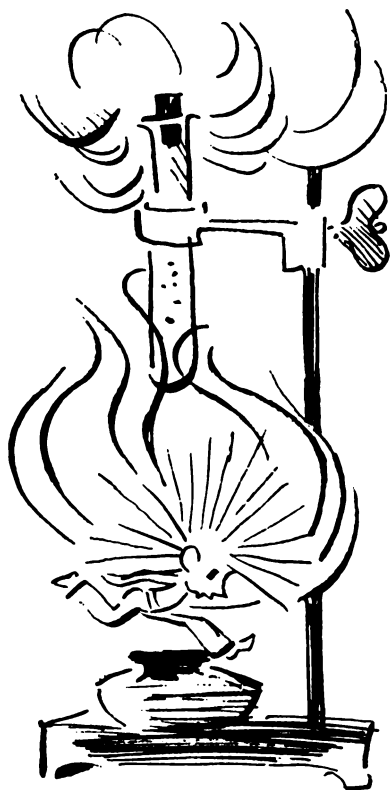
Уж я его и так и эдак: и стыдил, и уговаривал. А он мигнул еще разок напоследок и погас.

Хотел я было разбудить моего ученого Петю, потом пожалел.

«Пускай, — думаю, — поспит. Все-таки не луч он, а человек. С этим же делом я и сам справлюсь. Подумаешь, важность, под пробирками прыгать. Триста-четыре градуса — это для меня пара пустяков!»

Однако прошло немного времени, и я вижу: что-то не то у меня получается. А почему, не пойму. Вроде я все правильно делаю, температуру держу ровно: не выше, не ниже. Но почему-то мои пробирки вдруг перестали светиться, и во всех них что-то забулькало, зашипело, забурлило.

Тут я решил, что все испортил, и чуть не погас с перепугу. Заорал во весь голос. Петя вскочил, глазами спросонья хлопает, ничего не понимает. Потом посмотрел на пробирки, да как схватит их и давай скакать по комнате. Радует, чему-то, смеется.

И Наташе своей позвонил по телефону. Кричит в трубку:

— Получилось! Понимаешь ты это, Наташенька? Я все рассчитал и все-таки до конца не был уверен. Сомневался! Понимаешь, это же открытие! Это же новое слово в науке.

— Вот так, — Веснушка повернулся к Кате и строго посмотрел на нее. — Видишь, что бы он без меня делал? А ты всегда твердишь: Веснушка, он такой-сякой, никудышный...

— Никогда я так не говорила! — горячо воскликнула Катя.

Уже наступил вечер. Веснушка, как всегда, забрался к Кате под подушку. Он еще долго ворочался, что-то бормотал насчет загадочного-непонятного-необъяснимого ученого Пети. Но Катю как-то быстро сморил сон.

Проснулась она от тихих шелестящих голосов.

Катя приоткрыла глаза.

В комнате было темно. На подоконнике слабо светился горшок с мамиными фиалками. Ах, да это же Веснушка! Вскарабкался на подоконник. От него и свет.

Веснушка стоял, почтительно согнувшись, опустив руки и вытянув шею.

В открытую форточку падал прямой красноватый луч, тонкий, как волосок, и упирался в подоконник.

— Я так счастлив... — прошептал Веснушка дрожащим голосом. Он глядел на тонкий луч чуть ли не с благоговением. — Я так давно мечтал о встрече с вами. Это такая честь для меня...

— Э-э... мальчишка, — продребезжал хрупкий старческий голос. — Для тебя это, конечно, боль-

шая честь. А мне что за корысть тратить на тебя мое драгоценное время. Кто ты такой вообще? Какой-то жалкий молоденький лучик. Детский сад. Да я помню твое Солнышко еще в пеленках.

«Ну, сейчас ему Веснушка выдаст, — Катя сжалась под одеялом. Сердце у нее замерло. — Ох, сейчас начнется стихийное бедствие! Разве Веснушка потерпит, чтобы о его Солнышке так отзывались?..»

Но, к ее удивлению, Веснушка безропотно выслушал эти ужасные слова и только еще ниже склонил голову.

— Я — луч древнейшей звезды в нашей Галактике, — прокаркал все тот же старческий голос.

Голос был такой старый и древний, будто его вытащили из какого-то ветхого сундука, где он провалялся неведомо сколько. Кате даже показалось, что он пахнет нафталином.

— О, кто же спорит, — поспешно согласился Веснушка.

— Молчать, когда говорят старшие!

— Молчу, молчу... — Веснушка быстро оглянулся через плечо, окинул Катю подозрительным взглядом.

Но Катя успела зажмуриться, сделала вид, что спит крепко.

«Бедняжка, — страдая за Веснушку, подумала она. — Он ведь не привык, чтобы с ним так разговаривали».

— Э-э... — брезгливо тянул старинный голос. — Что такое вообще Солнышко, если как следует разобраться? Заурядная звезда в хороводе светил. Какие-нибудь редкие достоинства? Личные ка-

чества? Обаяние? Ничего подобного. Серость. Посредственность. А температура? Какие-то жалкие миллиончики! Лягушка, а не звезда. Ну, отогрело оно эту маленькую планету, не спорю. Но тут же устроило себе рекламу. Все тут у вас словно с ума посходили. Только и разговору: «Ах, Солнышко!», «Чудное Солнышко!», «Как я мечтаю о Солнышке!» Дети поют о нем песенки. Кошки пошло мурлыкают, пригревшись на припеке. Я считаю, что все звезды должны отвернуться от такого зазнайки!

Видно, этого Веснушка уже не мог вытерпеть.

— А зато... а зато... — звенящим от обиды, высоким голосом проговорил Веснушка, — ходят слухи — ваша звезда уже погасла!

— Замолчи, щенок! — злобно прошамкал старческий голос. — Если бы звезда погасла, то моим пяткам стало бы холодно.

— Все равно ученые утверждают!.. — с отчаянным упорством твердил Веснушка.

— Не тебе, сосунок, это повторять, — яростно прошипел древний голос. — Звездные сплетни. Интриги! Знаю я, чьи это штучки. Это все кометы. Разносят на хвостах всякие нелепые слухи. Но я им выскажу все, что я о них думаю...

Злобное шипенье стало затихать, красноватый луч начал постепенно бледнеть, гаснуть. Стал как тонкий седой волосок и, наконец, исчез из глаз.

Веснушка медленно повернулся к Кате. У него было мрачное, оскорбленное лицо. Он вскарабкался на постель, заполз под подушку.

Катя боялась, что Веснушка по звонкому стуку ее сердца догадается, что она не спит.

«Если Веснушка узнает, что я все слышала, ему будет еще тяжелее, — подумала Катя. — Он такой гордый. Решит, что совсем опозорен».

На следующее утро Катя проснулась рано. Только скрипнула и захлопнулась за мамой дверь, сбросила подушку на пол.

Веснушка был весь какой-то мятый, глаза сердитые, нижняя губа оттопырена.

— Ты что, за тучку зашел? — осторожно спросила Катя.

— Пожалуй, я сегодня на юг слетаю. Купнусь пару раз в море, — заявил Веснушка, капризно растягивая слова. — Надоело, весна у вас тут не идет, а ползет, как улитка.

— Конечно, слетай, — охотно согласилась Катя.

— А? — Веснушка въедливым пронзительным взглядом уперся в Катю. — А ты ночью... ты ночью... не спала, что ли?

— Почему не спала? — Катя старалась говорить как можно естественней, но боялась, что голос или глаза ее выдадут. — А что было ночью?

— Ничего, — мрачно отвернулся Веснушка.

— Нет, ты все-таки скажи, — нарочно пристала Катя.

— Сказано тебе, ничего! — резко крикнул Веснушка.

Но он как-то с облегчением перевел дыхание. Вдруг он снова нахмурился, подозрительно глянул на Катю.

— Постой! Постой! А ты почему не вздыхаешь? Я же в командировку собираюсь.

«Вот те на! — изумилась Катя. — То злится, просто из себя выходит, когда я вздыхаю, то, извольте, сердится, что я не вздыхаю. Ну, не луч, а не разбери-пойми!»

— А, понятно, — Веснушка горько усмехнулся. — Некоторым все равно: где их друзья, на каком конце света... Им безразлично: вернутся их друзья до темноты или будут, одинокие и озябшие, метаться во мраке!

Делать было нечего. Катя протяжно вздохнула.

— А!.. — тут же вспыхнул Веснушка. — Никуда меня не пускаешь. Связала по рукам, по ногам!

Катя опустила голову, завздыхала еще печальней. Но краем глаза она незаметно следила за Веснушкой.

«Неужели ему нравится, что я вздыхаю? — все-таки закралось в ее душу сомнение. — Неужели он только для виду злится, а на самом деле ему приятно? Может, когда я вздыхаю, он чувствует, как я его люблю, беспокоюсь за него, скучаю?.. Вот путаник!»

В конце концов после долгих споров сошлись на том, что Веснушка самолетом слетает к Черному морю и сразу же назад.

— Простудишься ведь! — горестно воскликнула Катя.

— Простужусь! — надменно сверкнул глазами Веснушка. — Да я же никогда не болею. Вот придумали люди себе развлеченьице. Всякие там насморки, «ап-чхи!» и все прочее. Глупая глупость все это, так я полагаю. Помнишь, у тебя была температура тридцать восемь градусов? Так твоя мама за голову хваталась! А у меня запросто может быть температура две тысячи градусов, и моя ма... В общем, никто за голову не хватается.

Веснушка нахмурился, быстро отвернулся.

— Я схвачусь, — прошептала Катя.

Веснушка посмотрел на нее и улыбнулся.

НОВЫЕ ДРУЗЬЯ. И ПОЧЕМУ КАТЯ ИМ НЕ ОБРАДОВАЛАСЬ

День был ясный, но с порывами холодного, еще не прогретого ветра. Катя вышла погулять во двор.

Дорогу Кате перешел Кот Ангорский.

Равнодушно и лукаво посмотрел на нее серебряными глазами. Посмотрел даже не на нее, а как-то сквозь нее, будто она была прозрачной.

Катя села на серые от старости бревна, сваленные у сарая.

Под бревнами что-то прошуршало и затихло. Все ребята знали, что в бревнах живет пожилая, всеми уважаемая мышь. Ее никто не беспокоил. Даже коты и кошки, расположившись на бревнах, безразлично глядели по сторонам. Делали вид, что не слышат сладостный, умопомрачительный шорох мышиного хвоста.

Но тут у Кати разом испортилось настроение. Из дома вышел Взятииобидели.

Огляделся, нерешительно поскреб колючий подбородок, будто заросший репейником.

Подошел к скамейке, аккуратно расстелил на ней газетку и сел.

Скучающим взором обвел двор. Увидел Катю, прищурился.

Катя не стала на него смотреть. Очень надо! Отколупнула кусочек коры от бревна. Понюхала. Пахнет сосной.

— Пудель, — добрым печальным голосом позвал Взятииобидели. — Сюда, моя собачка. Моя собственная собачка.

Из подъезда вышел Пудель.

На мгновение его глаза задержались на Кате. Потом он послушно, но без всякой охоты подошел к хозяину.

— Сюда, сюда! — Взятииобидели ладонью похлопал себя по коленке.

Пудель подошел поближе. Взятииобидели больно ударил его ногой. Пудель взвизгнул от неожиданности и отскочил. Взятииобидели рассмеялся своим дрянным алюминиевым смехом. Бряк-бряк-бряк!

— Поди, поди сюда! — снова позвал он Пуделя.

Пудель затряс длинными ушами, попятился.

— Пудель, ко мне! — грустно и ласково позвал Взятииобидели. — Ближе, ближе. Моя собачка, что хочу, то и делаю. Еще ближе, моя хорошая...

Пудель, будто его тащила невидимая веревка, нехотя сделал несколько шагов.

— Ему же больно! — не выдержала Катя.

Она скатилась с бревен. Бросилась к Пуделю, присела около него на корточки, обхватила руками за шею.

— Для того и бью, чтобы больно, — теплым, задушевым голосом сказал Взятииобидели.

— Не пущу его! Нет! — крикнула Катя.

В рот Кате лезла жесткая шерсть Пуделя, но она только еще крепче прижала Пуделя к себе, не давая сделать ему ни шагу.

— Правильно, Катька!

Катя увидела около себя ноги в белых босоножках. Подняла голову. Рядом с ней стояла Нинка-блондинка. Катя даже не слышала, как она подошла. Нинка-блондинка так резко наклонилась, что они стукнулись с Катей лбами. Довольно-таки здо-

рово. Но Нинка-блондинка не отодвинулась, а только обхватила Катю и Пуделя руками.

Через двор к ним со всех ног бежали Галя и Валя.

— Мне мой дедушка пугач купил! — заорал Васька, сваливаясь с крыши сарая. Это просто удивительно, как этот человек умел откуда-то падать чуть ли не на голову. — Пробками стреляет. Сейчас сгоняю за ним!

— Во-о... Во-о-оу... Во-оруженное нападение! — приподнимаясь и снова садясь на свою газетку, дрожащим голосом проговорил Взятииобидели. — Знаю я вас. Застрелите, а потом скажете: так и было! Хулиганы!

Нинка-блондинка держала Катю за руку. Васька так пихнул Катю кулаком под ребро, что у той перехватило дыхание. Но она поняла. Это Васька не просто так, а чтобы подбодрить ее, чтобы она не падала духом.

Валя и Галя гладили Пуделя, пальцами разбирали свалывшуюся на загривке шерсть.

— На вас надо в милицию пожаловаться, — сказала Нинка-блондинка, — чего вы над собакой издеваетесь?

— Еще кто на кого! Еще кто на кого пожалуется!.. — злобно озираясь, заговорил Взятииобидели, медленно втягивая голову в косматый шарф.

Он вскочил и быстро засеменял к подъезду, невнятно бормоча:

— Обидели... Взятии и обидели...

Наверно, если бы это случилось с ней вчера или сегодня, пораньше утром, Катя была бы потрясена и счастлива, что Нинка-блондинка вот так запросто держит ее за руку. А Васька так здорово пихнул ее в бок. И Галя и Валя тоже рядом с ней, и все вместе.

Но сейчас ничто не могло ее утешить. Бедный Пудель.

Глаза ее по края наполнились слезами. Она даже боялась качнуть головой, чтобы не расплескать их, не заплакать при Ваське.

Глава 26

«ЛЕТАЮЩИЙ БУКЕТ»

Знаете что? Давайте-ка мы с вами не будем никуда торопиться.

Ну что хорошего рассказывать так, будто бежишь со всех ног, да еще вприпрыжку. А мне как раз хочется рассказать вам все по порядку, со всеми подробностями. Потому что то, что случилось в это утро, случается вовсе не так часто.

Итак... В это утро Взялиобидели встал пораньше.

Перед тем как выйти из дома и уже сунув одну руку в рукав теплого пальто на стеганой ватной подкладке, Взялиобидели по привычке взглянул на уличный термометр.

Взглянул и вытянул руку из рукава. В удивлении поскреб колючий подбородок. Денек был неяркий, то что называется серенький, а между тем термометр показывал 30 градусов тепла. Если бы Взялиобидели не был так рассеян в это утро, он бы без труда рассмотрел Веснушку, сидящего верхом на градуснике.

«Вот и лето подошло, — сам себе сказал Взялиобидели. — Жарища наступила. Ох, бежит времечко... А куда бежит, бестолковое?»

Он повесил теплое пальто в шкаф, а вместо него накинул легкую светлую курточку, водрузил на го-

лову круглую соломенную шляпу с ленточкой и вышел во двор.

Но тут же вокруг него завертелся возмутительно холодный ветер.

Дунул в рукава и моментально добрался до подмышек. Бросился за шиворот, колючими шариками скатился вдоль спины.

А тут еще этот негодник ветер сорвал с его головы соломенную шляпу, и глупая шляпа, ни с того ни с сего вообразив себя колесом, подскакивая, покатилась по асфальту.

Пока Взятииобидели старался поймать легкомысленную шляпу, он совсем ооченел и бегом вернулся домой.

Взглянул на термометр и просто глазам своим не поверил.

Никаких тридцати градусов не было и в помине. Градусник показывал всего три градуса тепла и ни на один градус больше.

— И по радио передавали: «Резкое похолодание», — вспомнил Взялииобидели. — Неужели так резко похолодало, пока я за шляпой гонялся? Нет, это уже, пожалуй, чересчур резкое похолодание. А может, это даже нарочно — резкое похолодание? Ведь этому похолоданию лишь бы обидеть уважаемого человека...

Взялииобидели снова надел теплое пальто, обмотал шею своим знаменитым косматым шарфом, натянул теплые боты, потопал ногами и вышел на улицу.

Куда он отправился? А? Да, вы не ошиблись. Взялииобидели отправился в милицию.

Дойдя до перекрестка, Взялииобидели остановился.

Он поднял голову и второй раз за это утро в недоумении поскреб подбородок.

Подвешенный на проводе, над улицей сверкал ярко-красный огонек.

— Хм, новый светофор повесили, — задумчиво пробормотал Взялииобидели. — Вчера я за кефиром шел, его еще тут не было.

Красный светофор все горел и горел и как будто глядел на Взялииобидели. А Взялииобидели тоже глядел на него и терпеливо стоял на месте.

Он даже не заметил, как мимо него быстро прошмыгнули Нинка-блондинка и Катя, за ними Валя и Галя, а за ними Васька. Добавим для точности, из заднего кармана Васькиных джинсов торчал пугач, заряженный пробкой.

И тут произошло нечто невероятное.

— Не могу больше, — плачущим голосом заговорил вдруг светофор. — Сил моих больше нету. Попробуйте-ка сами повисеть тут целый час. Да еще светить красным светом. Да еще быть при этом совсем круглым. Посмотрел бы я на вас...

Красный огонек исчез, и по проводу золотой запятой пробежала знакомая светящаяся фигурка.

Взялииобидели несколько раз злобно дернул себя за шарф и, шаркая теплыми ботами, торопливо перебежал через улицу.

Между тем старший лейтенант Петров Василий Семенович сидел у себя в кабинете.

— Да, да, совершенно непонятно... — озабоченно пробормотал он, разглядывая графин для воды, стоявший на круглом столике в углу комнаты.

Уборщица тетя Зина, маленькая старушка с кротким серым лицом, каждый день наливала туда свежую кипяченую воду.

По правде говоря, она очень любила этот графин. В нем было что-то домашнее, уютное, и она по два раза в день тщательно обтирала его чистой тряпочкой, так, что он просто сиял каждой своей гранью.

Этот графин с водой был совершенно необходим в кабинете Василия Семеновича.

Иногда посетитель, взволнованный разговором с Василием Семеновичем, залпом осушал целый стакан воды.

А бывало и так, что Василий Семенович сам подносил кому-нибудь полный стакан, а тот, от волнения стуча зубами, с трудом делал один глоток.

Но что же так смутило Василия Семеновича на этот раз и почему он с таким вниманием рассматривал знакомый, привычный ему графин?

— Ах, тетя Зина, голубушка, — с досадой покачал головой Василий Семенович. — Ну зачем она поставила в графин букет цветов? Право, чудачка. Цветы здесь совсем неуместны, в моем кабинете... Здесь должно быть все подчеркнуто строго, деловито. При чем тут цветы?

Василий Семенович не очень разбирался в цветах. Но скажем прямо: ни один самый знаменитый ботаник или садовод не смог бы определить, к какому виду относятся эти необыкновенные растения.

Это была какая-то удивительная помесь тюльпана, ландыша и анютиных глазок. К тому же они были разноцветными, и каждый чуть-чуть светился.

Хочу еще добавить, что их было ровно семь. Обратите внимание, именно семь, ни больше ни меньше.

Василий Семенович хотел уже кликнуть тетю Зину, как вдруг в дверь кто-то негромко, вкрадчиво постучал, и в кабинет вошел Взятииобидели.

— На меня было совершено во-о... во-о-оу... вооруженное нападение, — шепотом сказал Взятииобидели и затравленно оглянулся, как будто ему могли выстрелить в спину. — На меня напала целая банда хулиганов, вооруженных с ног до головы, в общем, до зубов.

— Может быть, все-таки не до зубов? — болезненно морщась, проговорил Василий Семенович.

— Может быть, и не до зубов, — грустно согласился Взятииобидели. — Но все-таки все они были вооружены.

— Но, может быть, все-таки не все? — хмурясь, спросил Василий Семенович.

— Может быть, и не все, — уступил Взялииобидели, но лицо его при этом стало еще печальней. — Но один-то уж, во всяком случае, был вооружен...

— Может быть, и он не был вооружен? — с сомнением покачал головой Василий Семенович.

— Может, и не был, — уже с раздражением прошипел Взялииобидели. — Но он сам признался, что дома он тайно хранит... не имеет значения, какой именно вид оружия. Важно, что этот пу... этот пу... стреляет!

— Пробками! — спокойно уточнил Василий Семенович.

— Неважно чем, — завизжал Взялииобидели. — Но я не желаю, чтобы мне угрожали всякими пу... которые стреляют всякими про...

Взялииобидели вытянул из кармана бумажку, со злобной ухмылочкой развернул ее и торжественно положил на стол перед Василием Семеновичем.

— Вот. Мое заявленьице. Здесь все написано. Так что извольте принять меры против банды вооруженных хулиганов!..

В этот момент Василию Семеновичу показалось, что букет цветов сам собой поднялся над графином и превратился в разноцветную радугу. Радуга пролетела через всю комнату прямо к его столу в потоке солнечного света, падавшего из окна.

«В отпуск пора. Переутомился, — с огорчением подумал Василий Семенович и потер лоб. — Не поймешь что мерещится».

Вдруг в лицо ему пахнуло жаром и дымом. Заявление Взялииобидели ярко пылало посреди его стола. Языки пламени как-то радостно трепетали, скручивая бумагу, заворачивая черные уголки. В один

миг оно превратилось в тончайшую, невесомую корочку черно-серого пепла.

— Значит, так, — Василий Семенович встал, легко касаясь кончиками пальцев лакированной поверхности стола. — Были у меня сегодня эти ребята, были.

— Вот оно что! — Взятииобидели злобно прищурил колющие глазки. — Значит, эти хулиганы меня опередили.

— Они не хулиганы, — устало хмурясь, сказал Василий Семенович. — Выдумщики, шалуны, фан-

тазеры, но не хулиганы. А собаку мучить мы вам не позволим. Вы это учтите.

— Сами своих собак учитывайте, — захлебнулся от ярости Взятииобидели. Он быстро засеменил к двери, бормоча: — Взяти и обидели... Ни за что обидели...

— Это ты правильно, — одобрительно произнес чей-то негромкий голосок совсем рядом.

Василий Семенович вздрогнул и тихо опустился в кресло.

На пресс-папье, спустив вниз тонкие ножки, спокойно сидел маленький человечек.

Василий Семенович сразу узнал его. Василий Семенович не мог не узнать его! Это был тот самый человечек, который в ту темную ветреную ночь столь загадочно очутился на кончике его папиросы. Да, это был он.

— Качни, пожалуйста, пресс-папье, — задумчиво попросил человечек.

Василий Семенович послушно нажал пальцем на край пресс-папье, отпустил. Пресс-папье лениво качнулось и остановилось.

— Нет, на качели совсем непохоже, — разочарованно протянул человечек.

Василий Семенович провел ладонью сверху вниз по побледневшему лицу.

— А я думал, мне это только приснилось, — слабо улыбнулся Василий Семенович.

— Терпеть этого не могу, — сердито скривил губы маленький человечек. — Ну почему, почему все говорят, что я им только снюсь! Конечно, я тоже могу присниться, как и всякий другой, чем я хуже? Но в данном случае это вовсе не сон!

Василий Семенович с тоской посмотрел на человечка, потом на графин, где уже не было никаких цветов.

— Цветы — это тоже был я, — скромно сказал человечек.

Василий Семенович почувствовал, что у него больше уже нет сил удивляться. И если сейчас произойдет еще что-нибудь непонятное или необыкновенное, нервы его просто не выдержат.

Человечек пристально посмотрел на него.

— Да ничего особенного, — неохотно объяснил человечек, — графин хрустальный, к тому же чисто вымытый. Вот я и воспользовался его гранями, как призмой. О чем речь? Я скорее-быстрее-сейчас же-немедленно разложился на семь составляющих меня цветов. Потом немного фантазии, всякие там цветочки-листочки — и все. Просто, как Солнышко!

— Так вы?.. Оказывается, вы!.. О, как я рад! — не себя от волнения воскликнул Василий Семенович.

— Да, — вздохнул человечек. — Я же тебе говорил: ничего особенного.

— Так вы?.. Так вы... луч?

— Ну, конечно, — снисходительно улыбнулся человечек.

— Тогда я могу ехать в отпуск! — с облегчением воскликнул Василий Семенович.

— А почему это раньше ты не мог? — нахмурился Веснушка, подозрительно оглядел Василия Семеновича. — Чем это я тебе мешал? Никогда еще я не слышал, чтобы солнечный луч мешал кому-нибудь ехать в отпуск. Может, ты слышал, а я нет.

— Нет, мой дорогой, глубокоуважаемый солнечный луч, — широко улыбнулся Василий Семенович. — Тут вся загвоздка в моем несчастном характере. Я должен все понимать. А если мне что-то непонятно, я просто заболеваю. Я думаю об этом непонятном день и ночь и не могу остановиться. И вот я все думал, думал, думал, кто же это все-таки сидел на кончике моей папиросы в ту темную, ненастную ночь? И если бы я поехал в отпуск, я бы все равно не отдыхал, а только думал, думал, думал об одном и том же. А теперь я все знаю и могу спокойно ехать в отпуск.

Глава 27

РАЗГОВОР ПО-КОШАЧЬИ

Катя от смеха не могла устоять на ногах.

Она без сил повалилась на свою кровать. Но, вспомнив, как мама не любит измятое покрывало, вскочила, расправила складки, чтобы покрывало лежало ровненько, но, не выдержав, от смеха тут же снова кувыркнулась на кровать.

Веснушке пришлось раз десять, не меньше, повторять Кате, как он спалил заявление Взятииобидели.

— Ой, Веснушка, какой ты умный, ужас! — с восхищением сказала Катя. — Надо же догадаться и разложиться на семь цветов.

— А, велика важность, это все лучи умеют, — Веснушка беспечно махнул рукой. — Вот тебе, я уверен, слабó разложиться на семь цветов. Сколько бы ты ни старалась. Интересно, а кто, по-твоему, раду-ги устраивает после грозы? А на ледниках что мы

творим! Альпинисты только пищат от восторга. Ох, чего я только не умею! А сколько я знаю... Сколько я всякого повидал! — Лицо Веснушки вдруг стало печальным. — Знаешь, я даже устал все помнить. Наверно, потому, что я видел слишком много...

Лицо у Веснушки почему-то стало грустным, он замолчал, задумался.

В этот момент на подоконник мягко, будто у него было четыре пружины, а не четыре лапы, взлетел Кот Ангорский.

Кот Ангорский посмотрел на Веснушку, весь напрыгся и вдруг... и вдруг... Кот Ангорский заговорил. Именно заговорил. Катя это сразу поняла, хотя Кот Ангорский, конечно, заговорил на кошачьем языке. Он замаякал на разные лады, то сипло, то визгливо.

Веснушка весь с ног до головы побледнел. Резко повернулся к Коту Ангорскому.

— Откуда узнал? — быстро спросил он.

Кот Ангорский тоскливо мяукнул и даже застоялся с подвыванием.

— Надо бежать к милиционеру Василию Семеновичу. Он — рыжий! — торопливо сказал Веснушка.

Кот Ангорский протяжно, с присвистом мяукнул.

— Уже уехал? В отпуск? — со страхом посмотрел на него Веснушка.

«Интересно, как это по-кошачьи будет „в отпуск“? — подумала Катя. — „Мяу-мяу“ какое-нибудь?»

— Что, что случилось? — Катя все-таки решила вмешаться в их разговор.

— Тут такое дело... — неохотно сказал Веснушка. — Только, пожалуйста, не вздумай реветь или падать в обморок. Понимаешь... Взятииобидели хочет Пуделя... утопить.

— Ой! — Катя бросилась к Коту Ангорскому. — Правда?!

Кот Ангорский с трагическим видом закатил глаза.

— Говорит: сам слышал. При нем Взятииобидели сказал: «Пойду утоплю Пуделя, и хвост в воду». То есть концы в воду, — угрюмо объяснил Веснушка. — А Василий Семенович в отпуск укатил. Кому они только нужны, эти отпуска? Вот уж правда, глупая глупость. Взяли бы лучше пример с Солнышка. Всегда светит без всякого отпуска. Посмотрел бы я на вас, если бы Солнышко уехало в отпуск.

— А куда он пошел топить? — глупо спросила Катя.

— Ах, милая, наверняка-безусловно-вне всякого сомнения в блюде с водой, — сердито огрызнулся Веснушка. — Впрочем, я никогда не слышал, чтобы собак топили в блюде с водой. Может быть, ты и слыхала, а я нет!

Катя вдруг вспомнила, как они вчера до позднего вечера сидели на лавочке под тополем: она, Нинка-блондинка, Валя и Галя.

Васька, вытянувшись, лежал на бревнах и плевал в них горохом через стеклянную трубочку.

Он смотрел на Катю, почему-то только на Катю, на нее одну. Правда, ей и гороха доставалось больше, чем другим. Сколько она ни отворачивалась, правая щека вся так и горела. Васька стрелял пребольно.

Как все было чудесно! О чем они только не спорили! А потом договорились каждый день по очереди подкармливать Пуделя.

— Может, ребятам позвонить? — неуверенно сказала Катя, глядя на Веснушку. — Как ты насчет ребят? Может, мы все вместе?

— Звони, — озабоченно кивнул Веснушка. — А я на минутку отлучусь. Я — мигом.

— Не отлучайся, пожалуйста, — взмолилась Катя. — Если бы ты моим мигом, а то твоим... Знаю я твой миг. Тебя потом не дождешься.

Через три минуты на лестнице послышался топот и грохот.

Звонок зазвонил, захлебываясь, надрываясь. В дверь бешено забарабанили кулаки. Это были Васькины кулаки, тут не было никакого сомнения.

«Как ребятам про Веснушку сказать? Они, конечно, решат, что им только снится и все такое... Эх, надо было их заранее предупредить...»

Катя открыла дверь.

— Ребята, честное слово, вам это не снится... Я вам потом объясню... — начала Катя и оглянулась.

На подоконнике никого не было. Ни Веснушки, ни Кота Ангорского.

Так, пустой белый подоконник с дыркой, замазанной пластилином.

— Что же будем делать, ребята? Может, с дядей Федей посоветоваться? — растерянно сказала Катя. — Он — рыжий! То есть я хочу сказать: он — хороший!

— Точно, — завопил Васька. — Я вчера за хлебом тащился, а дядя Федя меня на своем «Москвиче» до булочной подкинул. Раз — и булочная!

НЕ ТОПИТЕ БЛАГОРОДНЫХ, МИЛЫХ СОБАК!

Теплый, мягкий вечер опустился на город.

Весна уже напоила листья зеленым молоком. Теперь листва стала гуще, темней, уже научилась шелестеть под ветром.

Улицы были полны народа.

Многие шли быстро, окончив свои дела, торопились по домам. Другие, наоборот, вышли прогуляться и шли медленно, не спеша, рассматривая изумрудную листву, окружавшую фонари.

— Что это?! — в удивлении пробормотал милиционер Прохоров Семен Васильевич, который стоял на том самом перекрестке, где обычно дежурил Василий Семенович.

Действительно, было чему удивиться.

На высоком здании гостиницы, как всегда ярко и внушительно, сияли оранжевые неоновые буквы:

ГРАЖДАНЕ,
СОБЛЮДАЙТЕ ПРАВИЛА УЛИЧНОГО ДВИЖЕНИЯ

Семен Васильевич всегда с удовольствием читал эти яркие оранжевые слова.

Но на этот раз под привычными четкими буквами светили, дрожа и кривясь, еще какие-то тонкие, как волосок, буквы.

И если прочесть все вместе, то получалось что-то уж совсем странное и непонятное:

ГРАЖДАНЕ,
СОБЛЮДАЙТЕ ПРАВИЛА УЛИЧНОГО ДВИЖЕНИЯ
И НЕ ТОПИТЕ БЛАГОРОДНЫХ, МИЛЫХ СОБАК

— Н-да... — в недоумении протянул Семен Васильевич. — Однако...

— Ах! — воскликнула молодая девушка в короткой красной юбке и с испугом подхватила на руки белого пушистого песика, который мелко семенил рядом с ней.

Если бы через полчаса вы очутились на соседней площади, вы бы удивились не меньше.

Толпа народа собралась на углу и, затаив дыхание, читала удивительную световую рекламу:

ПЕЙТЕ ФРУКТОВЫЕ СОКИ
И НЕ ТОПИТЕ БЛАГОРОДНЫХ, МИЛЫХ СОБАК

— Что такое? — в недоумении развел руками пожилой человек с аккуратной бородкой. — Какие соки? Какие собаки? Кого пить и кого топить?

Он с обиженным и сердитым видом стал оглядываться по сторонам, словно требуя, чтобы все стоявшие вокруг тут же кинулись объяснить ему, что все это значит.

— Э... постой-ка! — парень в спортивной куртке ухватил за плечо худенького мальчишку, который держал на поводке большую овчарку, черную, с беловатыми подпалинами. — Куда это ты идешь? Уж не надумал ли ты, а?

Мальчишка вывернулся из-под его руки и с глубокой обидой посмотрел на него.

Овчарка, словно догадавшись, какое смертельное оскорбление нанесли ее хозяину, преданно лизнула мальчишку в щеку.

— Извини, брат, ошибся я, — парень в спортивной куртке виновато развел руками. — Вижу, вижу... Вас небось водой не разольешь, не то что топить...

— Нет, вы все-таки извольте мне объяснить, причем тут соки и собаки? — раздраженно твердил пожилой гражданин с аккуратной бородкой. — Топить собаку в соке? Абсурд. Поить соком собаку? Тоже абсурд. Ну, объясните же мне, наконец, что все это значит?

Тем временем загадочные дрожащие буквы рассыпались и погасли.

Между тем за два квартала от этого места тоже толпились люди, с удивлением глядя кверху.

В чистом вечернем небе горели голубые слова:

ГРАЖДАНЕ,
ХРАНИТЕ ДЕНЬГИ В СБЕРЕГАТЕЛЬНОЙ КАССЕ

А под ними тряслись, как в ознобе, тонкие кривобокие буквы:

И НЕ ТОПИТЕ БЛАГОРОДНЫХ, МИЛЫХ СОБАК

— Как это можно, топить собак? — с возмущением воскликнула маленькая старушка в шляпе, похожей на сушеный гриб. К ее ногам жалась дряхлая раскормленная собачонка. — Утопить мою Пальмочку?! Господи...

В это мгновение дрожащие буквы на крыше дома печально мигнули, сбежались все вместе и разом погасли.

И многим из стоящих на улице почудилось, что перед тем, как погаснуть, буквы горестно прошептали:

— Не то! Опять не то! Но где же он?..

Конечно, я ничуть не сомневаюсь, что все вы отлично понимаете, чьи это были проделки!

Впрочем, предвижу, что кое-кто с сомнением спросит: как же это Веснушка смог написать целую фразу,

да еще без единой ошибки, когда всем известно, что Веснушка не знает ни одной буквы? Как же так?

Друзья мои, я вовсе не собираюсь что-либо от вас скрывать. Минутку терпения, и я вам все объясню.

Итак... Профессор Иван Христофорович Ми...

Нет, нет, нет! Я ни за что не назову его фамилию. Веснушка убедительно просил меня не делать этого ни в коем случае.

Важно совсем другое. Важно, что Иван Христофорович был настоящий профессор. В черной бархатной шапочке. С седой бородкой клинышком. К тому же самый крупный специалист в мире по солнцу, солнечным затмениям, пятнам на солнце и, уж конечно, солнечным лучам.

Он так великолепно знал температуру солнца, как если бы каждый день собственноручно измерял ее градусником.

Иван Христофорович, будучи человеком уже далеко не молодым, любил иногда после обеда немного подремать у себя в кабинете в удобном мягком кресле.

Так случилось и на этот раз. Иван Христофорович задремал в кресле. Он вытянул ноги и негромко высвистывал носом нечто, отдаленно напоминающее старинный вальс.

Что-то теплое скользнуло по его носу, пощекотало правую ноздрю.

Иван Христофорович чихнул, приоткрыл глаза и увидел маленького человечка. Человечек сидел на хрустальной чернильнице и слабо-слабо светился.

— Очень мило, — сказал профессор. — Хотел бы я знать только одно: кто вы такой?

— Я — солнечный луч, — серьезно ответил маленький человечек.

— Очаровательно, — лукаво улыбнулся профессор. — Какой, однако, мне снится очаровательный сон.

— Ну, сон так сон, — безнадежно махнул рукой человек. — Некогда мне сейчас доказывать-разъяснять-убеждать-уговаривать...

— Боюсь только, моя супруга Зоя Никандровна мне не поверит, — вдруг опечалился старый профессор и удрученно покачал головой.

Дело в том, что профессор очень любил по утрам рассказывать Зое Никандровне свои сны.

Зоя Никандровна иногда верила, а иногда нет, чем очень огорчала старого профессора.

— По-моему, ты тут немного того... прифантазировал... — снисходительно говорила Зоя Никандров-

на и при этом удивительно обидно шевелила пальцами правой руки. — Уж слишком логично. Что-то на сон не похоже.

— Только бы не проснуться раньше времени! Только бы этот человечек не исчез, — озабоченно проговорил профессор и улыбнулся довольной улыбкой. — Такое мне никогда еще не снилось. Это что-то новенькое...

— Нечего сказать, новенькое... Пожалуй, старее не придумаешь. Ну да ладно уж... — недовольно буркнул человечек.

— Однако, какая странность, — засомневался профессор Иван Христофорович. — Обычно, когда человек видит сон, он не отдает себе отчета, что он видит сон. Тем более странно, если человек во сне обдумывает, как он будет рассказывать этот сон, когда проснется. Может быть, это все-таки не сон?

— Да сон это, обыкновенный сон! — нетерпеливо воскликнул человечек и весь даже покраснел от досады. — Вот несчастье! Теперь его надо убеждать, что я ему снюсь. Уверен, что никогда ни один солнечный луч не попадал в такое глупое положение! Лучше скажи: ты умеешь писать во сне?

— О, конечно! — улыбнулся профессор счастливой улыбкой. — Мне еще с юных лет постоянно снится один и тот же сон. Что я пишу контрольную по математике и не могу решить ни одной задачи. Ах, эти двойки во сне! Сколько в них от моей юности!..

Человечек вдруг застенчиво улыбнулся.

— Тогда напиши мне, пожалуйста, вот на этом листе бумаги. Но чтобы закорючки, я хочу сказать — буковки, были покрупнее. Ты напишешь, а я запомню. Я такой запоминательный.

— Хорошо, — сказал профессор и приготовился писать. — Ну-с!

Человечек на минуту задумался.

— Напиши так: «И не топите обаятельных»... Нет, лучше так: «И не топите благородных, милых собак».

— Прелестно! — восхитился профессор. — «И не топите благородных, милых собак». Это так нелогично. Такое может только во сне привидеться. Уж в жизни это никак не может случиться. Тут уж Зоя Никандровна при всем желании не сможет придраться. Не скажет, что я немного того... прифантазировал...

Профессор написал крупными буквами то, что попросил его маленький человечек.

После этого он с блаженной улыбкой откинулся в кресле и закрыл глаза.

Прошло совсем немного времени, и его нос снова стал насвистывать нечто, слегка напоминающее старинный вальс...

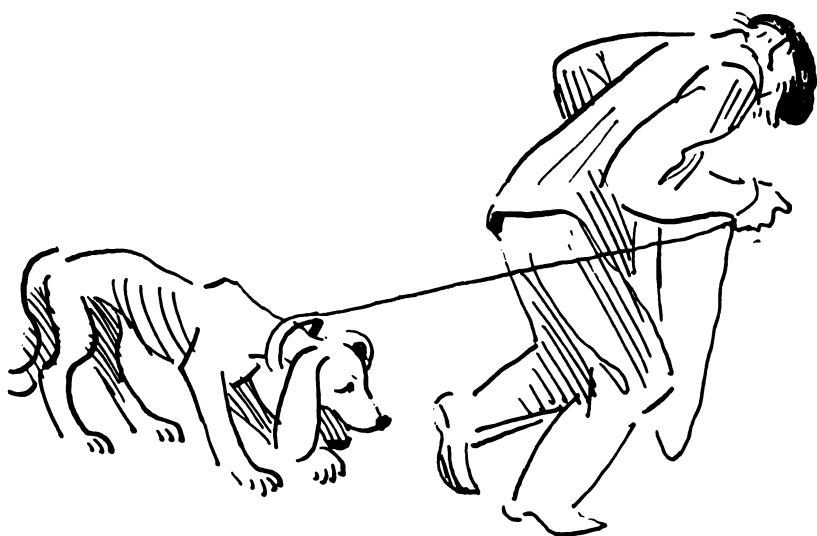
А между тем по отдаленной глухой улочке шел Взялииобидели и вел за собой Пуделя, обвязав его шею толстой жесткой веревкой.

Он обогнул строящийся дом. Ему показалось, что высоченный подъемный кран поглядел на него сверху вниз с угрозой и неодобрением.

Взялииобидели втянул голову в плечи, убыстрил шаги и вышел на площадь.

Сердце его нетерпеливо сжалось. На той стороне площади виднелись ворота в парк, круглые головы лип.

И вдруг он замер как вкопанный. Пальцы его скрючились, ногти впились в ладонь. Он вздрогнул, попятился, ногой отталкивая Пуделя.

Над новым домом высоко вознесся в небо сияющий неоновый самолет.

Под ним мерцали нарядные голубые буквы:

ПОЛЬЗУЙТЕСЬ УСЛУГАМИ АЭРОФЛОТА

А под ними, еле заметные, приплясывали тоненькие, как паутинка, желтые букочки:

И НЕ ТОПИТЕ БЛАГОРОДНЫХ, МИЛЫХ СОБАК

На площади толпились люди. Слышался взволнованный лай собак.

Горько плакала маленькая девочка, отчаянно прижимая к себе гладкую коричневую таксу.

Длинная такса растянулась. Передние лапы она положила девочке на плечи, а задние лапы стояли на асфальте.

— Да никто ее не утопит. Пожалуйста, не бойся! Никто ее не утопит! — успокаивали девочку стоявшие вокруг люди.

Девочка подняла круглые карие глаза, полные слез. Они были похожи на блюдца с крепким чаем.

— Вы не знаете... Она как раз такая милая и благородная! — всхлипнула девочка.

Взялиобидели в растерянности топтался на углу, не решаясь пересечь площадь. На него и на несчастного Пуделя уже начали подозрительно поглядывать.

— Извините, гражданин... — сказал высокий широкоплечий мужчина, направляясь к нему.

— Такси! Такси! — отчаянно закричал Взялиобидели, увидев зеленый огонек, медленно выезжающий из переулка.

Он прыгнул на заднее сиденье, втянул за собой покорного, вялого Пуделя, ослабевшей от страха рукой захлопнул дверцу. Машина рывком тронулась с места. Через полминуты она остановилась у ворот парка.

— Сколько с меня? — надменно спросил Взялиобидели.

— Да чего там... — пожал плечами шофер. — Идите себе...

Взялиобидели пинком вышвырнул Пуделя из машины.

— Еще деньги за тебя плати, — проворчал он.

Они вошли в ворота и углубились в темную аллею. Позади остались голоса людей, шелест машин, ласковый теплый запах хлеба из булочной.

Сердце Пуделя глухо билось. Он шел и мучительно думал: как должна поступить настоящая, уважающая себя собака, если она знает, что хозяин решил ее утопить?

Должна ли она покорно идти на верную гибель или, нарушив свой долг и все собачьи законы, вырваться от хозяина и бежать куда глаза глядят?

Пудель то шел около ног хозяина, то отставал, с задумчивым видом обнюхивая скамейку или ствол липы, обмазанный белой краской.

Взялиобидели грубо дергал его за веревку. Кусачая жесткая веревка впивалась в шею.

Пудель, погруженный в тяжелые думы, не чувствовал боли, рассеянно брел дальше.

Вдруг Пудель гордо поднял голову и уже по-другому, твердо и спокойно, зашагал рядом с нечищеными ботинками Взялиобидели.

В глазах его засветилось благородное мужество и обреченность.

Он принял решение.

Глава 29

ЧТОБЫ НАЙТИ ПРОПАВШЮЮ СОБАКУ, НУЖЕН ОПЫТНЫЙ КОТ

Если вы меня спросите, могут ли пятеро ребят войти в одну дверь, то я вам отвечу: нет, нет и нет! Потому что они обязательно захотят протиснуться все сразу и, конечно, застрянут в дверях. Так случилось и на этот раз.

И если бы дядя Федя не потянул довольно сильно Катю за руку к себе, оттолкнув при этом Ваську немного назад, просто не знаю, сколько бы они там проторчали.

Но так или иначе, в конце концов все ребята, потные и растрепанные, ввалились в комнату дяди Феди.

— Да, Взялиоби... да, я хочу сказать, он ушел и Пуделя увел с собой, — растерянно сказал дядя Федя.

У Кати задергались губы. Она быстро отвернулась и прижалась лбом к старому шкафу, набитому растрепанными нотами.

— Погодите, ребята, может, мы еще что-нибудь успеем, если он еще чего-нибудь не успел... — не очень вразумительно сказал дядя Федя.

— На набережную он не пойдет. Там народу много, — закричал Васька. Он умел только кричать. Тихо сказать не мог ни словечка. — Он, наверно, на пруды пойдет. Там будет Пуделя то...

Васька не смог закончить последнее слово, потому что дядя Федя поглядел на Катю и быстро прикрыл ему рот и нос ладонью.

— Вот и прекрасненько, ребята. И мы туда тоже поторопимся, — сказал дядя Федя.

Все побежали вниз по лестнице.

Первым — Васька, дикими первобытными скачками. Последним — дядя Федя. Он ощупывал на бегу свои карманы и заодно тихонько ругал портных, которым, наверно, делать нечего, и от этого появляется масса лишних, ненужных карманов. И вот теперь попробуй-ка, если надо, быстро разыскать ключи от машины...

Над крышами висела красная кособокая луна. Она показалась Кате страшной и зловещей.

Ребята, толкая друг друга, забрались в машину. Мотор зафыркал, «Москвич» тронулся и тут же остановился.

— А, черт, — с досадой воскликнул дядя Федя, — фары почему-то отказали. Придется искать такси, ребятки.

— Опоздаем, — с тоской прошептала Катя.

— Другого выхода нет, — огорченно развел руками дядя Федя.

— Другой выход есть! — слышался знакомый то-
ненький голосок, и на руку Кате вскочил Веснушка.

Веснушка! Ох, как хорошо, что он вернулся. Кате
сразу стало как-то спокойней, отлегло от сердца.

— Это вы! Я вас сразу узнал, — немного задыха-
ясь, сказал дядя Федя. — Вы прилетали, когда я иг-
рал на скрипке... И потом... эти цыплята...

— Маленький человечек! Ура! — заорал, подска-
кивая, Васька.

— Можно потрогать? — шепотом спросила Нин-
ка-блондинка.

— Нельзя, — сухо отрезал Веснушка. — Я горячий,
жгусь, и вообще пока неизвестно, рыжая ты или нет.

Но в целом все получилось даже лучше, чем Катя
смела надеяться. Ребята почти что и не удивились.

— Ну, что там у тебя? Фары отказали? — спо-
койно и деловито спросил Веснушка, повернувшись
к дяде Феде. — Ну, ничего, сейчас наладим.

Лицо Веснушки вдруг сморщилось, словно от силь-
ной боли.

— Ы-ых! — с усилием выдохнул Веснушка, буд-
то он поднял огромную тяжесть.

И в тот же миг Веснушка раздвоился. Честное
рыжее! Их стало два. Только оба они были поменьше
ростом и потоньше.

— Терпеть не могу раздваиваться, — проворчал
один из Веснушек. — Сразу поглупел в два раза.

— И люблю Катю сразу в два раза меньше, — сер-
дито подхватил второй.

Оба Веснушки с недовольным видом уселись,
скрестив ноги над темными фарами.

Два желтых луча легли на дорогу.

— Мяу!

Прямо перед машиной на задних лапах стоял Кот Ангорский, выставив вперед тощий живот со свалывшейся шерстью. Передние лапы он даже развел немного в стороны, как бы преграждая машине путь.

Дядя Федя резко затормозил.

— Разрешите вам представить: редкий экземпляр плута и обманщика, — сказал правый Веснушка.

— Похититель котлет и сосисок, — кивнул головой левый.

Кот Ангорский издал укоризненное и протестующее мяуканье.

— Веснушка, Веснушки!.. Надо ехать скорей, — в нетерпении воскликнула Катя. Она не знала, как теперь обращаться к Веснушке: в единственном числе или во множественном.

— Ангорского возьмем с собой, — вдруг решительно сказали оба Веснушки.

Дядя Федя приоткрыл дверцу машины.

Кот Ангорский прыгнул к нему на колени. Равнодушно прошелся по Ваське, как будто это было что-то неодушевленное, подушка или спинка кресла, и устроился у Кати на руках. Кончики лап у него были холодные и мокрые. Катя почувствовала, что он весь дрожит. «Москвич» быстро покатыл по улице.

— Эй, ты о чем думаешь? — с тревогой крикнул правый Веснушка.

— Я? О Пуделе! — отозвался левый.

— И я о Пуделе, — успокоился правый.

Машина свернула за угол.

— А сейчас о чем думаешь? — окликнул правого Веснушку левый.

— Да всю дорогу раскопали. Как бы колесом в яму не угодить.

— Так не пойдет! — левый Веснушка даже подпрыгнул от беспокойства. — Мы должны об одном и том же думать.

— Ладно. Давай думать о яме на дороге.

— Нет, о Пуделе!

— Не согласен!

— И я не согласен!

— А ты и уступить раз в жизни не можешь. Я тебе не кто-нибудь, твоя половинка.

— И ты можешь уступить. Я тебе тоже не чужой.

— Я все-таки был «И не топите благо...»

— А я был «... родных, милых собак».

— А твое «Ы», когда мы были под фруктовыми соками, потеряло палочку. Позор!

— А твое «Д», когда мы пользовались услугами Аэрофлота, перевернулось. И не стыдно тебе?

Веснушки заспорили и направили лучи друг на друга.

Дядя Федя затормозил.

— Нет, друзья, так дело не пойдет, — беспомощно сказал он.

— Нашли время спорить! — в отчаянии крикнула Катя.

Оба Веснушки мигом устыдились, виновато отвернулись друг от друга, принялись изо всех сил светить на дорогу.

Через несколько минут машина подкатила к воротам парка.

— Сколько тут дорожек, тропинок, — растерянно оглядываясь, сказал дядя Федя. — Вот эта к новым прудам, а та, заросшая, видимо, к старому пруду. Ума не приложу: куда же он мог направиться?

Катя молча стиснула руки.

— И я не знаю! — завопил Васька.

— Вот теперь можно и соединиться! — послышался тоненький голосок.

Два человечка одновременно улыбнулись с каким-то счастливым облегчением и, вытянув вперед руки, побежали навстречу друг другу.

Они крепко обнялись и слились вместе, превратившись в одного светящегося человечка.

Веснушка потопал ногами, словно проверяя: не развалится ли он на части, если вдруг, например, споткнется.

— Эй, Кот Ангорский! — строго позвал Веснушка.

Кот Ангорский с важным видом вылез из машины. Можно было подумать, что это он владелец «Москвича» и именно он сидел за рулем.

— Ну что, плут? — внимательно посмотрел на него Веснушка.

Кот Ангорский испустил протяжное «мяу» с соловьиными переливами.

— Что? Что он сказал? К сожалению, я не совсем понял, — наклонился дядя Федя к Веснушке.

— Просто не устаю удивляться на вас, на людей, — с досадой поморщился Веснушка. — Такой прекрасный благозвучный язык, и никто из вас его толком не знает. И в школах его почему-то не проходят. Ну, ладно, переведу с кошачьего на человеческий. Он сказал: «Чтобы найти собаку, нужен настоящий опытный кот».

— И это все? — дядя Федя не смог скрыть своего разочарования.

— Не совсем. Он утверждает, что учуял на асфальтовой дорожке следы Взятииобидели и Пуделя.

— Так скорее! — вне себя от нетерпения воскликнула Катя.

Вверх по Катиной руке пробежало что-то горячее. Веснушка взобрался Кате на плечо, уселся, как всегда, ухватившись за ее воротник.

Конечно, хитрец и кривляка Кот Ангорский и тут не обошелся без своих шуточек.

Было ясно, что ему нравится изображать из себя собаку-ищейку, с такой солидной деловитостью он обнюхивал дорогу. То останавливался, будто что-то обдумывая и сомневаясь, то вновь устремлялся вперед.

Скоро он свернул на глухую тропинку.

Тропинка запетляла между темными, разлапистыми елями.

Катя почувствовала: Веснушка забрался куда-то за ухо, под косичку и там спрятался.

— Не боюсь, не боюсь, ни чуточки не боюсь, — еле слышно бормотал Веснушка. — Нас много — и все рыжие. А Темнотища — она боится, когда сразу много рыжих...

Вдруг Кот Ангорский, словно предупреждая об опасности, хрипло и тревожно мяукнул и помчался по тропинке длинными скачками.

Все бегом заторопились за ним.

Между ветвями тускло блеснуло озеро. Запахло сырыми прошлогодними листьями, гнилью, стоячей водой.

Дядя Федя резко остановился. Катя налетела на него. На Катю навалилась Нинка-блондинка, на которую сзади напирала Галя и Валя. Васька проскочил где-то под локтем.

На низком, глинистом, скользком бережке около самой воды сидел на корточках Взятииобидели.

У его ног лежал перемазанный глиной Пудель. Он лежал, закрыв глаза, будто неживой.

На его шею была накинута петля из грубой веревки. К другому концу веревки был прикручен старый, изъеденный сыростью кирпич с отбитым уголком.

— Что это вы делаете? — каким-то бесцветным голосом спросил дядя Федя.

Взятииобидели так и остался неподвижно сидеть на корточках и только поднял голову, снизу вверх диким взглядом глядя на дядю Федю и ребят. Видно, он никак не ожидал их тут увидеть.

Он несколько раз растерянно мигнул, и вдруг лицо его исказилось от стыда и бессильной ярости.

— Пудель, Пудель, — срывающимся голосом позвала Катя. Пудель вяло шевельнул тяжелым хвостом, облепленным глиной.

Дядя Федя шагнул вниз, распустил петлю на шее Пуделя, стянул ее через голову.

Но Пудель даже не открыл глаз.

— Права не имеете! — завопил Взятииобидели.

Он протянул руку, чтобы схватить Пуделя за шерсть на загривке, и вдруг с визгом отдернул руку назад.

Кот Ангорский своими когтями провел четыре рваные полосы на руке нежно любимого хозяина.

После этого Кот Ангорский, как безумный сверкая серебряными глазами, испустил поистине львиное рычание. Возможно, в это мгновение он вспомнил своего приятеля льва Нептуна.

— Змею, змею пригрел у себя на груди! — заголосил Взятииобидели. — Молоком вспоил, котлетами вскормил! Обидели! Ох, как обидели! Где, спрашивается, справедливость на этом свете?

— Не вам бы говорить о справедливости, — тихо сказал дядя Федя. И уже погромче, повелительным голосом позвал: — Пудель, сюда!

Пудель с усилием поднял голову, посмотрел на дядю Федю мутными, страдальческими глазами.

— Пудель, ни с места! — визгливо крикнул Взятииобидели.

Пудель с несчастным, растерянным видом поворачивал голову то в одну сторону, то в другую. Было очевидно, что в душе у него царит настоящая буря и смятение.

— Пудель, сюда!
— Ни с места, дрянная собака!
— Пудель, миленький, иди ко мне! — всхлипы-
вая, позвала Катя.

Пудель одним прыжком очутился возле нее.

— Воры! Грабители! — закричал Взятииобиде-
ли. — Собак воруете неутопленных! Старика обиде-
ли! Взятии и обидели!..

Но никто уже не слушал его. Все повернули на-
зад по тропинке.

Катя шла, согнувшись в три погибели, обнимая
Пуделя за шею.

Пудель шел, как во сне. Ребята сгрудились во-
круг него, наклонились над ним, толкая друг друга
коленками. Их руки тянулись к нему со всех сторон,
гладили, ласкали, мешали идти.

Вдруг позади послышался короткий отрывистый
крик и громкий всплеск.

Взятииобидели поскользнулся на топком глини-
стом бережке и свалился в воду.

К луне поднялся грузный фонтан брызг. В пруду
со всех сторон тяжело и сочно зашлепали перепуган-
ные лягушки.

Дядя Федя бросился назад к пруду. Одной рукой
ухватился за кусты, другую протянул Взятииобидели.

Но пруд в этом месте был неглубок, и Взятииоби-
дели уже сам карабкался на берег. Он был весь облеп-
лен зеленой тиной. К щеке прилипла болотная трава,
а голову венчал широкий лист водяной кувшинки.

Поздним вечером Катя сидела у себя в комнате.
От волнения то принималась по привычке грызть
кончик косы, то крепко зажимала обе ладони между
коленями.

Веснушка уже забрался под подушку и там затих. То ли ему было все равно, то ли просто устал от этой прогулки в темноте.

В соседней комнате вполголоса разговаривали дядя Федя и мама.

Катино сердце так и замирало. Ей казалось, еще минута, и она не выдержит этого мучительного ожидания.

Время от времени она ногой касалась Пуделя, неподвижно лежавшего под столом. Чувствовала твердую, как корка, слипшуюся от глины шерсть. Ну сколько же можно разговаривать?

— Катя! — позвала мама.

Катя не помнила, как вошла в комнату.

Лицо у мамы было строгим, недовольным, будто она за что-то сердилась на Катю.

— Вполне возможно, что я еще пожалею об этом... — холодно сказала мама. — Конечно, ничуть не сомневаюсь, все это, как всегда, ляжет на мои плечи...

Катя, еще не смея верить своему счастью, взглянула на дядю Федю.

Дядя Федя кивнул головой.

Катя бросилась маме на шею.

— Совершенно уверена, выводить эту собаку придется мне, — задушенно, еле-еле выговорила мама, с трудом разжимая Катины руки.

— Что ты, мамочка!

— Знаю я эту «мамочку». Через три дня тебе надоест, и все будет, как всегда, на мне.

— Как все удачно образовалось, — улыбнулся дядя Федя своей особой, застенчивой улыбкой. — А что до Кота Ангорского, то его согласилась взять Васькина бабушка.

Когда дядя Федя ушел и мама уже потушила свет в своей комнате, Веснушка неожиданно вылез из-под подушки и встал перед Катиным носом, гордо скрестив на груди руки.

— Может быть, ты думаешь, что солнечные лучи никогда не ошибаются? — сердито и подозрительно спросил он.

— Ничего я не думаю, — сказала Катя, которая на самом деле думала, что дырка на новой наволочке будет совсем ни к чему.

— Мы, солнечные лучи, несколько не хуже других и тоже можем ошибаться! — с обидой воскликнул Веснушка.

Катя промолчала, не очень-то понимая, к чему клонит Веснушка.

— Ну, так вот, — Веснушка строго и назидательно поднял палец. — Раньше я думал: чтобы уговорить маму взять собаку, нужно, чтобы собака спасла тебя. Но я ошибся. Оказывается, все наоборот: чтобы уговорить маму взять собаку, нужно, чтобы ты спасла собаку. Но когда, лежа под подушкой, я все это хорошенько-как следует-не спеша обдумал, понял, что так гораздо лучше. Просто несравнимо лучше!

Глава 30

В КОТОРОЙ ВЫЯСНЯЕТСЯ, ЧЕЙ НОС ДОСТОИН ВЕСНУШЕК

Утром Катя проснулась от того, что в открытую форточку что-то влетело и упало на скомканный коврик у ее постели.

Катя нагнулась — красный тюльпан.

Весь помят, растрепан. Стебель сломан, и поэтому красная головка жалко повисла набок. Да еще похоже на то, что кончик стебля кто-то старательно и долго жевал.

— Васька, — догадалась Катя и почему-то покраснела.

Катя задумалась: что с ним делать? Может быть, засушить?

Положила тюльпан в старый учебник. Сверху навалила стопку книг. Пусть там лежит. Жалко, что ли?

Вечером все друзья собрались за сараем.

Дядя Федя приволок пустой ящик. Катя присела рядом с ним на краешек. У ее ног — Пудель, вымытый, расчесанный. Он то и дело с волнением нюхал Катину туфлю, чтобы лишний раз убедиться в своем счастье.

Веснушка устроился, как он любил, на Катином плече, сидел, держась за воротник.

Кот Ангорский с оскорбленным и мрачным видом развалился на крыше сарая, щурил пустые серебряные глаза. Живот у него вздулся, как будто он проглотил футбольный мяч.

— Он сам на себя обиделся, — объяснил Васька, лежавший на крыше сарая около него. — Моя бабушка налила ему сливок и сказала: «Пей, дрянь ты эдакая, сколько влезет». Он три пакета вылакал, а четвертый не одолел, сколько ни старался. Вот он и обиделся на свой живот: почему четвертый пакетик не влезает.

— Уважаемый Веснушка, — негромко проговорил дядя Федя. — Я еще вчера обратил внимание, что ваши карманы чем-то набиты. Может быть, это бестактный вопрос... в таком случае... заранее приношу извинения...

— Ничуть не бестактный! — воскликнул Веснушка. — Я просто удивляюсь-поражаюсь-не могу прийти в себя от изумления, почему меня так редко об этом спрашивают! Да, не буду скрывать, мои карманы набиты не какими-нибудь там деньгами, носовыми платками, кошельками и расческами. В них полным-полно изумительных, чудесных, отборных веснушек!

— Да что вы?! — искренне изумился дядя Федя. — Подумать только! Полные карманы веснушек. Знаете, в детстве у меня тоже были очень симпатичные веснушки, но, к моему прискорбию, почему-то с годами они исчезли...

Веснушка глубоко задумался, хмуря брови, пристально и молча рассматривая дядю Федю.

— Он рыжий... — как бы про себя пробормотал Веснушка. — Это несомненно-безусловно — и даже спорить нечего.

— Ладно, я, может быть, и помогу тебе, — улыбнулся Веснушка, но тут же снова нахмурился, — если, конечно, ты просто жить без них не можешь, умираешь от желания, мечтал всю жизнь...

— Да, это правда, я бы очень хотел, — серьезно сказал дядя Федя.

— Тогда нагнись! Ниже, еще ниже. Я же не виноват, что ты вымахал такой длинный! — Веснушка, заволновался, забегал по Катиному плечу.

Дядя Федя благоговейно склонил голову.

Веснушка сунул руку в карман, зачерпнул полную горсть чего-то легкого, сверкающего и торжественно поднял руку кверху.

Все ахнули.

Из его руки струйкой посыпались мелкие золотинки на нос и щеки дяде Феде. При этом Веснушка еще шевелил пальцами, точь-в-точь как мама, когда она солила яичницу или картошку на сковороде.

Золотые веснушки сверкали в воздухе — легкие, невесомые, как пятнышки солнечного света.

Некоторые из них восторженно и жадно подхватывал ветер, радостно кружил, уносил куда-то далеко-далеко.

— Ой, а мне можно? Немножечко... — робко спросила Нинка-блондинка. Спросила и покраснела.

— Можно! — великодушно согласился Веснушка. — Уж так и быть. Подставляй нос. Хоть на человека будешь похожа.

Нинка-блондинка наклонилась к Веснушке. Он щедро сыпал ей нос золотой пылью.

— А они не смоются? — с тревогой спросила Нинка-блондинка. — Если с мылом?

— Что она говорит? Слушать тошно! — возмутился Веснушка. — Это уж навсегда. Забито, как гвоздики.

— А мы? — не выдержали Галя и Валя.

— Ладно уж, пользуйтесь. Я сегодня добрый! — сиял Веснушка.

— Ой, Веснушка, — с испугом воскликнула Нинка-блондинка. Она отвернулась, незаметно вытащила из кармана круглое зеркальце и теперь гляделась в него. — Смотри-ка, на правой щеке вон сколько, а на левой почти ничего. Подсыпь еще, пожалуйста.

— А я что, не человек? — завопил Васька и свалился с крыши сарая прямо на дядю Федю.

Просто удивительно, как он умел сваливаться кому-нибудь на голову.

Васька тоже получил три полных пригоршни.

Все с растерянными и счастливыми улыбками оглядывали друг друга, ахали, передавали из рук в руки зеркальце.

Дядя Федя потрогал щеки пальцами, пальцы остались чистыми, веснушки держались крепко.

Кате стало почему-то грустно. Как будто она ни при чем, как будто у нее и веснушек нет.

— Все равно у тебя их больше! — жарко шепнул ей на ухо Веснушка.

И Кате вдруг стало хорошо и весело. Как здорово: теперь у всех ее друзей веснушки!

Пудель блестящими глазами следил за всем происходящим. Застенчиво и деликатно тявкнул. Со всем тихо, почти шепотом.

— А что?! — так и вспыхнул Веснушка. Гневно, возмущенно оглядел всех. — Это еще неизвестно, чей нос достоин веснушек, а чей нет! Кто это посмел сказать, что если ты собака, то тебе ничего хорошего в жизни не положено? Пусть тот, кто так считает, если он не трус, выйдет вперед, а не прячется за чужими спинами! Пусть честно скажет это мне в лицо!

Все молчали, надо признаться, несколько растерянно.

— Тем более я никогда не встречал собак с веснушками. Никогда! — Веснушка вдруг подозрительно скосил глаза на Катю. — Хотя эта спорщица наверняка-обязательно-несомненно-сейчас же начнет утверждать, что каждые пять минут на каждом перекрестке встречает собак с веснушками!

Веснушка с горькой улыбкой скрестил на груди руки.

— Ну что же, говори, я жду. Собаки с веснушками. Продаются в магазине пачками. Дюжинами сидят на заборах. Квакают в пруду. Ну, говори, говори!

— Что ты, Веснушка! — Катя с трудом сдержала улыбку, сделала серьезное лицо. — Да я ничего такого и не думала.

Веснушка широко улыбнулся, вывернул оба кармана и вытряхнул все, что осталось, прямо на морду Пуделя, словно обрызгал его золотой краской.

— А ему идет, правда?

— Очень! — воскликнули все хором.

И только Кот Ангорский с мрачным, отсутствующим видом взирал на них с крыши сарая.

Веснушка встал на цыпочки, закинул руки за голову, потянулся.

Взглянул на голубое небо, которое беззвучно пересекал самолет, попыхивая то красным, то зеленым огоньками.

— Сумерки... — печально, почти с недоумением протянул Веснушка и вдруг сердито повернулся к Кате.

— Ты что, всю ночь тут сидеть собираешься? — напустился он на Катю. — Обо мне ты не думаешь. Это ясно. Я всего-навсего обыкновенный солнечный луч, каких много. Меня и обидеть не жалко. А вот

о Пуделе ты подумала? Недавно ты утверждала, что он вообще не собака. Интересно, что ты скажешь сегодня? Что он сова или, может быть, летучая мышь? Нет, конечно, ты будешь утверждать, что он ночная бабочка, и спорить со мной до утра!

Кате совсем не хотелось домой. Так хорошо было тут, за сараем, с дядей Федей и ребятами.

Да и Васька сразу скис. Опустил голову, стал раздирать пальцами дырку на локте.

Все-таки Катя слезла с ящика. Уж кто-кто, а она-то отлично знала, что, как только совсем стемнеет и выглянут звезды, Веснушка начнет снова тосковать и беспокоиться.

И уже сидя, как всегда, на Катином плече и держась за ее воротник, Веснушка оглянулся и крикнул дяде Феде:

— Так и быть, возможно, я когда-нибудь, очень скоро, а скорее всего, очень-очень скоро загляну к тебе полетать вместе с твоей музыкой. Ты только сыграй мне, как огромное чудовище идет по лесу и ломает деревья. А где-то бренчит ручеек. Только учти, другую твою музыку я и слушать не стану.

Скрипач дядя Федя тихо улыбнулся в темноте и кивнул головой.

Об авторе и художнике этой книги

...Если рассудить здраво,
ведь это тоже не так уж плохо:
быть Солнечной Сказкой.

С. Прокофьева
Оставь окно открытым

С момента первого выхода в свет эта сказка несколько раз меняла свое название: «Приключения Веснушки», «Веснушка — великий сыщик», наконец, «Сыщик в одном башмаке».

От «Сыщика...» читатели вправе ждать детективной интриги. Повесть же Софьи Прокофьевой, в чем вы только что смогли убедиться, — не детектив, а сказка, Солнечная Сказка о дружбе, любви и верности.

Читатели вообще народ консервативный. Они болезненно реагируют на перемены, которые происходят с любимыми книгами, и в настоящем издании мы решили вернуться к первоначальному названию, первоначальному тексту и первоначальному облику этой сказочной повести.

Если помните, через открытое окно в детскую влетает вечный мальчишка Питер Пэн, а Венди, Джон и Майкл после многих приключений возвращаются домой. «*Окно должно быть всегда открыто для них. Всегда-всегда!*» — говорит миссис Дарлинг своему мужу мистеру Дарлингу. Через окно наведы-

вается в гости к Малышу Карлсон, который живет на крыше. Тем же способом пробирается в комнату к девочке Кате Веснушка — солнечный луч, который давным-давно оторвался от Солнышка и превратился в маленького человечка.

Кому бы на месте Кати не захотелось познакомиться с таким сказочным другом? Особенно если тебе кажется, будто никто, решительно никто не желает с тобой дружить. Потому что ты не такой, как все, — ну, например, очкарик или, как девочка Катя, рыжий и весь в веснушках. И вот оказывается, быть рыжим очень даже здорово! И пусть глупый Васька дразнится сколько угодно. Ведь рыжий — цвет Солнышка, а Солнышко с незапамятных времен сражается с ужасной Темнотищей, и, стало быть, правда всегда на стороне тех, кто с полным на то основанием может гордо сказать: *«Честное рыжее!»*

Софья Леонидовна Прокофьева отлично это понимает. Она вообще знает толк в хороших сказках и остается верна этому жанру всю свою жизнь.

Отцом Софьи Прокофьевой был замечательный художник и поэт Леонид Евгеньевич Фейнберг (1896–1980). Большой жизненной удачей была встреча Софьи Прокофьевой с блестящим филологом, знаменитой переводчицей английской и японской литературы Верой Николаевной Марковой (1907–1995). Впоследствии в соавторстве и под редакцией Веры Николаевны Софья Леонидовна сделает пересказы средневековых западноевропейских преданий, объединенных под названием «В стране легенд». А ее отец украсит сборник тонкими, изящными иллюстрациями.

«В стране легенд» — дань увлечению Средневековьем, образы которого проникли в сказки Прокофьевой еще в 1960-е годы. Впрочем, если окинуть взглядом самое начало ее творческого пути, можно решить, что она вовсе не собиралась становиться писательницей. Окончила Московский художественный институт имени В. И. Сурикова. По примеру отца пробовала

силы в книжной графике — оформленный Софьей Леонидовной сборник стихов татарского поэта Джавада Тарджеманова «Карусель» вышел в Детгизе в 1956 году. Но *«сердцем и душой»* она, по ее собственному признанию, *«всегда склонялась больше к литературе»*, ощущала себя скорее литератором, чем художником. Еще девочкой, в 15 лет, написала поэтический «Античный цикл», между прочим, одобренный самим Б. Л. Пастернаком. А позже, когда родился сын, начала писать сказки.

«Настоящая сказочница» — слова поддержки, сказанные когда-то Л. А. Кассилем, заставили Софью Леонидовну поверить в себя, в свое призвание и опубликовать первый литературный опыт — сказку в стихах «Кто лучше?» (1957). А потом сказки, одна другой интересней, посыпались как из рога изобилия: «Удивительные приключения мальчика без тени и тени без мальчика», «Неизвестный с хвостом» («Приключения плюшевого тигра»), «Зеленая пиллюля», «Сказка о жадном мальчишке» («Клад под старым дубом»), «Сказка о ветре в безветренный день» («Пока бьют часы»), «Не буду просить прощения», «На старом чердаке» («Тайна забытого чердака»), «Оставь окно открытым»...

Визитной карточкой писательницы (не в последнюю очередь благодаря удачной экранизации) многие считают «Приключения желтого чемоданчика». Другим ближе поэтичная и трогательная повесть «Лоскутик и Облако», также успешно экранизированная, но уже не в игровом, а в анимационном кино. Сама же Софья Леонидовна называет главным сказочный цикл «Повелитель волшебных ключей», куда входят пять повестей с одним общим героем — волшебником Алейшей: «Ученик волшебника», «Капитан Тин Тиныч» («Остров Капитанов»), «Глазастик и ключ-невидимка» («Девочка по имени Глазастик»), «Астрель и Хранитель Леса» («Астрель, принцесса Сумерки») и «Принцесса Уэнни» («Маленькая принцесса»).

Юным читателям полюбились также ее более поздние сказки: «Тайна Хрустального замка», «Девочка-свеча», «Королевство семи озер», «Босая принцесса», «Сестра и сестричка», «Замок Черной Королевы», «Подземный принц»...

Софья Прокофьева была награждена многими престижными литературными премиями: в 1977 году — медаль на Всеяпонском конкурсе КОДАИ за лучшую книгу года, в 2006 году — Почетный диплом имени Ганса Христиана Андерсена Международного совета по детской книге (IBBY), в 2009 году — Национальная литературная премия «Золотое перо Руси»...

Парадокс: будучи по образованию графиком, Прокофьева всегда предпочитала, чтобы ее сказки иллюстрировали другие художники. Если вспомнить имена тех, кто в разные годы сотрудничал с Софьей Леонидовной, получится прекрасная художественная галерея: Владимир Лебедев, Валерий Алфеевский, Виталий Горяев, Давид Хайкин, Федор Лемкуль, Юрий Молоканов, Вениамин Лосин, Юлия Гукова, Игорь Олейников... Особенно драгоценным представляется в этом ряду содружество писательницы с Геннадием Владимировичем Калиновским, оформившим повести «Лоскутик и Облако», «Ученик волшебника», «Глазастик и ключ-невидимка», «Астрель и Хранитель Леса».

В 1978 году к повести «Оставь окно открытым» издательство «Советская Россия» заказало черно-белые иллюстрации художнику Евгению Медведеву. К тому времени он уже имел за плечами солидный список книжных работ, публикации в журналах «Юность» и «Пионер», а годом раньше получил диплом Всероссийского конкурса искусства книги за высокий уровень художественного оформления повести Сергея Розанова «Приключения Травки».

С творчеством Софьи Прокофьевой Евгений Алексеевич познакомился тогда впервые. Этот опыт так и остался для

него единственным, хотя, в отличие, скажем, от Ники Гольц, тяготеющей к классике, он охотно брался иллюстрировать произведения своих современников: Льва Кассиля, Виктора Драгунского, Сергея Михалкова, Юрия Сотника, Владимира Железникова, Юрия Томина, Эдуарда Успенского.

Долгая и очень плодотворная дружба связывает художника с Владиславом Петровичем Крапивинным. Медведев оформил все или почти все наиболее значимые его книги: «Мальчик со шпагой», «Оруженосец Кашка», «Мушкетер и фея», «Трое с площади Карронад», «Колыбельная для брата», «Журавленок и молнии», «Дети синего фламинго» и многие другие. За эту верность любимому писателю ребята из крапивинского отряда «Каравелла» удостоили Евгения Алексеевича самого высокого отрядного звания — Почетный командор.

В иллюстрациях к сказке Софьи Прокофьевой «Оставь окно открытым» художник, совсем не используя цвет, проявил лучшие свои качества: наблюдательность, ясность взгляда, выразительность линии, отменное чувство юмора. Обратите внимание: у каждого из персонажей есть свой характер, причем не только у людей, но и у животных.

Несомненная удача — образ солнечного человечка Веснушки. Евгений Алексеевич нарисовал его так, как дети рисуют солнце: круглое лицо с глазками-точками и торчащие в разные стороны волосы-лучи. Веснушка получился востроносеньким и очень славным, несмотря на капризный и временами даже вздорный нрав.

Простое и, казалось бы, лежащее на поверхности решение оказалось единственно верным. Художники, рисовавшие Веснушку после Медведева, не сумели добавить к этому образу ровным счетом ничего нового.

Алексей Копейкин

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Чудеса начинаются	3
Глава 2. Чудеса... в тарелке с манной кашей	10
Глава 3. Пожар в кармане	15
Глава 4. Веснушки на асфальте	23
Глава 5. Одолжите, пожалуйста, морковку!	27
Глава 6. История Веснушки	33
Глава 7. Таинственное исчезновение Веснушки	47
Глава 8. Может ли уважающая себя собака подглядывать в замочную скважину?.....	65
Глава 9. Кому ужин не нужен?.....	70
Глава 10. История маленького канатоходца, которого с двух сторон поддерживали дьяволы	78
Глава 11. Странный посетитель	89
Глава 12. Приглашение в цирк	99
Глава 13. Всемирно известный маэстро Живодралло	104
Глава 14. Дрессированный дрессировщик	111
Глава 15. Великий артист вылетает в форточку	121
Глава 16. Операция «Бул-тых»	125
Глава 17. Задача про бассейн с двумя трубами	135
Глава 18. Загадочный рисунок на куриной косточке	140
Глава 19. Разговор по душам... с холодильником	145
Глава 20. Удивительная история десяти диетических яиц	150
Глава 21. «Отважная» бутылка	157
Глава 22. Как важно сказать другу: «Здравствуй!»	169
Глава 23. «Летающее золото»	175
Глава 24. Ученый Петя и ночной разговор	189
Глава 25. Новые друзья. И почему Катя им не обрадовалась	198
Глава 26. «Летающий букет»	201
Глава 27. Разговор по-кошачьи	210
Глава 28. Не топите благородных, милых собак!.....	214
Глава 29. Чтобы найти пропавшую собаку, нужен опытный кот	224
Глава 30. В которой выясняется, чей нос достойн веснушек	236
А. Копейкин. Об авторе и художнике этой книги	242

BiblioГид рекомендует

Прокофьева Софья Леонидовна

ОСТАВЬ ОКНО ОТКРЫТЫМ

Для детей среднего школьного возраста

Художник Евгений Алексеевич Медведев

Главный редактор В. Мещеряков

Выпускающий редактор О. Афанасьева

Художественный редактор Е. Васильева

Дизайн серии В. Ахмеджановой

Заведующий производством Н. Москаленко

Корректоры Г. Вулисанова, В. Ахметьева

Верстка А. Шведовой

Директор группы компаний

«Издательский Дом Мещерякова»

А. Мещерякова

Подписано в печать 18.02.2011.

Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 15,5.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Тираж 3000 экз. Заказ 4833.

Издательский Дом Мещерякова

107078, Москва, ул. Новая Басманная, д. 23, стр. 2, оф. 213.

Телефон: (499) 265-32-08;

www.idmkniga.ru

Отдел реализации: тел./факс (499) 267-66-58

**Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ЗАО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь;**

www.pareto-print.ru

О Софье Прокофьевой и Евгении Медведеве читайте также в следующих изданиях

- Аким, Я. Сказки Софьи Прокофьевой // Прокофьева, С. Приключения желтого чемоданчика. — М. : Астрель : АСТ, 2002. — С. 5–8.
- Богатырёва, Н. У романтиков — одна дорога : [о художниках Евгении Стерлиговой и Евгении Медведеве] // Читаем вместе. — 2008. — № 10. — С. 38.
- Гавердовская, Т. Сказочница из страны Фантазии // Прокофьева, С. Сказочные повести. — М. : Детская литература, 2010. — С. 5–16.
- Колядич, Т. Прокофьева Софья Леонидовна // Русские детские писатели XX века. — М. : Флинта : Наука, 2001. — С. 365–367.
- Меньшов, В. Из чего делают сказки? // Кукумбер. — 2008. — № 1. — С. 32–34.
- Мотышов, И. Чтобы правду найти // Прокофьева, С. Приключения жёлтого чемоданчика. — М. : Советская Россия, 1983. — С. 3–6.
- Мургина, О. Медведев Евгений Алексеевич [Электронный ресурс] // BiblioГид : книги и дети. — Режим доступа: <http://www.bibliogid.ru/authors/hud/vernisazh/medvedev-hud>. — Дата обращения: 14.02.2010.
- Поздняев, М. Спящая в позе бегущей // Знамя. — 2001. — № 12. — С. 219–220.
- Серебряный век Софьи Прокофьевой / беседу вела Н. Богатырёва // Читаем вместе. — 2009. — № 6. — С. 8–9.
- Софья Прокофьева и все, все, все / беседу вела Т. Макунина // Детская литература. — 2002. — № 5–6. — С. 51–55.
- Токмакова, И. Несколько слов к читателю // Прокофьева, С. Ученик волшебника ; Лоскутик и Облако. — М. : Детская литература, 1980. — С. 3–4.
- Токмакова, И. Предисловие // Прокофьева, С. Лоскутик и Облако. — М. : Московские учебники, 2010. — С. 5–6.

Алексей Копейкин

ISBN 978-5-91045-287-3

